

СЕСИЛ СКОТТ ФОРЕСТЕР

АДМИРАЛ
ХОРНБЛАУЭР

ПОСЛЕДНЯЯ
ВСТРЕЧА

The Big Book. Исторический роман

Сесил Скотт Форестер
**Адмирал Хорнблауэр.
Последняя встреча**

«Азбука-Аттикус»

1940-1967

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Форестер С.

Адмирал Хорнблауэр. Последняя встреча / С. Форестер —
«Азбука-Аттикус», 1940-1967 — (The Big Book. Исторический
роман)

ISBN 978-5-389-21755-3

Сага об офицере королевского флота Великобритании Горацио Хорнблауэре, прошедшем славный и трудный путь от простого мичмана до лорда и адмирала, – уникальное явление в мировой историко-авантюрной литературе. Миллионный круг почитателей, бесконечные тиражи, поистине мировое признание, выведшее писателя в классики жанра, кино- и телеверсии с участием таких известных актеров, как Грегори Пек, Кристофер Ли, и других звезд мирового кинематографа. Автор саги, Сесил Скотт Форестер, говорил о своем герое: «Он доставил мне бесчисленных друзей по всему миру. Таможенники читают мою фамилию и пропускают мой багаж, не досматривая. Он свел меня с адмиралами и принцессами, и я благодарен ему, честное слово, хотя и думаю часто, что лучше б ему этого не делать». Не каждому писателю настолько повезло с персонажем. Сага о Горацио Хорнблауэре оставила заметный литературный след. Книжный сериал Бернарда Корнуэлла о стрелке Шарпе создавался под влиянием Форестера. Патрик О'Брайен, отталкиваясь от книг знаменитой саги, написал многотомную эпопею о капитане Обри. Даже Гарри Гаррисон спародировал по-доброму образ героя Форестера в одном из своих рассказов («Капитан Гонарио Харпплейер»). Книга завершает повествование о морских подвигах Горацио Хорнблауэра – личности, которая, по словам Уинстона Черчилля, «вызывает из прошлого великий и суровый образ королевского флота в эпоху его славы».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21755-3

© Форестер С., 1940-1967

© Азбука-Аттикус, 1940-1967

Содержание

Коммодор	7
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Сесил Скотт Форестер Адмирал Хорнблауэр. Последняя встреча (сборник)

Cecil Scott Forester

THE COMMODORE

Copyright © Cassette Productions Ltd, 1945

HORNBLOWER AND HIS MAJESTY (short story)

Copyright © Cassette Productions Ltd, 1940

LORD HORNBLOWER

Copyright © Cassette Productions Ltd, 1946

HORNBLOWER IN THE WEST INDIES

Copyright © Cassette Productions Ltd, 1958

THE LAST ENCOUNTER (short story)

Copyright © Cassette Productions Ltd, 1967

HORNBLOWER AND THE CRISIS

Copyright © Cassette Productions Ltd, 1967

This edition is published by arrangement with The Peters Fraser

and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

Карты выполнены Юлией Каташинской

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, послесловие, 1994, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Хорнблауэр достоин восхищения
Уинстон Черчилль

Рекомендую «Хорнблауэра» всем грамотным людям.
Эрнест Хэмингуэй Эрнест Хэмингуэй

Невероятно увлекательно и чрезвычайно точно.
Реймонд Чандлер

Коммодор

Глава первая

Капитан сэра Горацио Хорнблауэр сидел в ванне и с отвращением глядел на свои ноги. Они были худые, волосатые и напоминали ему о виденных в Центральной Америке пауках. Ни о чем, кроме ног, думать было невозможно: в нелепой ванне они только что не упирались в подбородок; они свешивались с одного края, а голова, руки и торс возвышались над другим. Вода покрывала только живот и ляжки. Трудно придумать более идиотский способ мытья. Хорнблауэр тщетно гнал досаду вместе с воспоминаниями о куда более удобных купаниях под корабельной помпой, о безотказно хлещущей из шланга бодрящей морской воде. Он схватил мыло, тряпку и принялся со злостью тереть возвышающиеся над водой части тела, немилосердно заливая дубовый паркет гардеробной. Лишние хлопоты для горничной – а Хорнблауэр был как раз в настроении доставлять хлопоты.

Он неуклюже встал, разбрызгивая воду, намылил и ополоснул туловище, потом кликнул Брауна. Тот мигом вышел из спальни, хотя хороший слуга угадал бы настроение хозяина и замешкался, давая повод сорвать на себе злость. Он набросил на плечи Хорнблауэру теплое полотенце, ловко придерживая края, чтобы те не намочили; Хорнблауэр вылез из мыльной воды и пошел через комнату, оставляя мокрые следы. Он вытерся и через открытую дверь угрюмо уставился на разложенную в спальне одежду.

– Чудесное утро, сэра, – сказал Браун.

– Заткнись, болван, – ответил Хорнблауэр.

Придется напяливать этот чертов синий костюм, лакированные туфли и золотую цепочку для часов. Костюм был новый, ненадеванный, но Хорнблауэр невзлюбил его еще на примерке, злился, когда жена им восхищалась, и, судя по всему, обречен был со злобой носить его до скончания дней. Ненависть была двойная: поначалу слепая, нерассуждающая, а затем – осознанная, – ненависть к наряду, который ему не идет, в котором – Хорнблауэр был уверен – он выглядит смешно, когда мог бы выглядеть скромно. Он надел через голову льняную сорочку ценой в две гиней, затем с огромным трудом натянул синие панталоны. Они обтягивали, как кожа, и только когда они были вполне надеты, а Браун застегнул на спине пояс, Хорнблауэр спохватился, что не надел чулки. Снимать штаны значило признать оплошность; осторожный совет Брауна был с ругательством отвергнут. Браун философски опустился на колени и принялся закатывать тугие штанины, однако без сколько-нибудь значительного результата; о том, чтобы подсунуть под них длинные чулки, не могло быть и речи.

– Обрежь к чертовой матери! – рявкнул Хорнблауэр.

Браун протестующе закатил глаза, но, увидев яростный взгляд хозяина, счел за лучшее не возражать. В дисциплинированном молчании Браун исполнил приказ. Ножницы нашлись на туалетном столике. Вжик-вжик-вжик! Обрезки упали на пол, Хорнблауэр сунул ноги в обкромсанные чулки и, когда Браун опустил штанины, впервые за это утро почувствовал себя вознагражденным. Пусть судьба ополчилась против него, он, черт возьми, покажет, что сам собою распоряжается. Он втиснул ноги в туфли и сдержал недовольное замечание по поводу их тесноты – вспомнил, как смалодушничал в модной обувной лавке и не приказал сделать туфли посвободнее, тем более что рядом, на страже требований моды, стояла жена.

Он проковылял к туалетному столику и повязал галстук, а Браун застегнул воротничок. Хорнблауэр повертел головой: дурацкая крахмальная полоска подпирала уши и тянула шею. Ему было чудовищно неудобно; он не сможет по-человечески вдохнуть, пока на нем эта идиот-

ская удавка, введенная в моду Браммелом¹ и принцем-регентом. Он надел голубой, в розовый цветочек жилет и темно-синий сюртук с голубыми пуговицами; клапаны карманов, отвороты рукавов и лацканы – того же голубого цвета. Двадцать лет Хорнблауэр проходил в мундире, и то, что отражалось сейчас в зеркале, виделось его предвзятому взгляду неестественным, нелепым, смешным. Мундир – другое дело: никто не осудит офицера, если мундир ему не к лицу. Однако предполагается, что в цивильном платье человек – даже женатый – выказывает собственный вкус, над его выбором можно и посмеяться. Браун прицепил к золотой цепочке часы и затолкнул их в карман. Они некрасиво выпирали, но Хорнблауэр с яростью отбросил мысль выйти без часов ради красоты наряда. Он сунул в рукав льняной носовой платок, который Браун только что надушил. Теперь Хорнблауэр был готов.

– Прекрасный костюм, сэр, – сказал Браун.

– Дерьмо собачье, – ответил Хорнблауэр.

Он прошел через гардеробную и постучал в дальнюю дверь.

– Входи, – сказал голос жены.

Барбара еще сидела в ванне, ее ноги, как и его несколько минут назад, болтались снаружи.

– Ты просто загляденье, дорогой, – сказала Барбара. – Приятное разнообразие – видеть тебя без мундира.

Даже Барбара, лучшая из женщин, не свободна от досадного греха своего пола – одобрять новизну ради новизны; но ей Хорнблауэр ответил иначе, чем Брауну.

– Спасибо, – произнес он с наигранной благодарностью.

– Полотенце, Геба, – сказала Барбара.

Маленькая чернокожая горничная проскользнула вперед и укутала полотенцем вылезавшую из ванны хозяйку.

– Венера встает из вод, – галантно произнес Хорнблауэр. Он силился побороть неловкость, нападавшую на него всякий раз, когда он видел жену голой в присутствии другой женщины; хотя, разумеется, Геба всего-навсего служанка и к тому же цветная.

– Надо полагать, – говорила Барбара, пока Геба осторожно вытирала ее полотенцем, – в деревне уже прослышали о нашей чудной привычке ежедневно принимать ванну. Не берусь вообразить, что по этому поводу говорят.

Хорнблауэр вполне мог вообразить; он сам когда-то был деревенским мальчишкой. Барбара сбросила полотенце и стояла нагишом, пока Геба надевала ей через голову шелковую сорочку. Когда преграды отброшены, женщина теряет всякое чувство приличия, и Барбара в прозрачной сорочке выглядела еще более вызывающе, чем голая. Она села за туалетный столик и стала мазать лицо кремом, пока Геба расчесывала ей волосы; на столике теснилось множество флакончиков и баночек, и Барбара залезала в них по очереди, словно подбирая составляющие для колдовского зелья.

– Как замечательно, – продолжала Барбара, внимательно разглядывая свое отражение, – что погода исправилась. Для сегодняшней церемонии солнечное утро как нельзя кстати.

Мысль о церемонии не отпускала Хорнблауэра с самого пробуждения; не то чтобы она его пугала, скорее ему было слегка не по себе. Встреча с арендаторами ознаменует начало новой жизни, а он не был уверен, что эта жизнь придется ему по вкусу. Барбара изучала свое лицо в зеркале.

– Приветствуем нового сквайра Смолбриджа, – сказала она, с улыбкой оборачиваясь к Хорнблауэру.

Улыбка преобразила не только ее лицо, но и все настроение ее мужа. Барбара перестала быть знатной дамой, графской дочерью и белой косточкой, чья уверенная манера держаться

---

¹ Джордж Брайан Браммел (Бруммель) (1778–1840) – английский денди, друг принца-регента, законодатель мод, прославившийся эксцентричными выходками и мотовством. – *Здесь и далее примеч. перев.*

часто вгоняла Хорнблауэра в унижительную робость; теперь это была женщина, которая стояла рядом с ним на изуродованной ядрами палубе «Лидии», которая дрожала от страсти в его объятиях, верная возлюбленная и желанный друг. В эту секунду Хорнблауэр любил ее всеми силами души. Если бы не Геба, он бы обнял ее и поцеловал. Барбара читала его мысли. Она вновь улыбнулась, на сей раз чуть заговорщицки; это была секунда полного взаимопонимания, и у обоих потеплело на сердце.

Барбара натянула белые шелковые чулки и завязала под коленями красные, шелковые же подвязки. Геба стояла наготове с платьем, Барбара нырнула в него. Платье затрепетало, захлопало, и наконец Барбара высунулась из него, растрепанная, трясая руками в рукавах. Никто не может оставаться великосветской дамой в такую минуту, и Хорнблауэр любил ее сейчас как никогда. Геба расправила на хозяйке платье, накинула ей на плечи кружевную пелерину и принялась доканчивать прическу. Когда последняя шпилька была приколота, последний локон уложен, Геба, скрючившись, с помощью рожка надела хозяйке туфли. Барбара тщательно укрепила на голове шляпу с лентами и розами.

– Который час? – спросила она.

Хорнблауэр с трудом вытащил из узкого кармана часы:

– Девять.

– Замечательно. – Барбара взяла с туалетного столика длинные белые шелковые перчатки, доставленные из Парижа контрабандой. – Геба, мастер Ричард, должно быть, уже одет. Скажи кормилице, пусть несет его сюда. Думаю, дорогой, сейчас вполне уместна была бы лента со звездой.

– У моих собственных дверей? – возразил Хорнблауэр.

– Боюсь, что да, – ответила Барбара.

Она тряхнула пирамидой роз, и губы ее тронула даже не улыбка, а скорее озорная ухмылка. Нежелание надевать звезду испарилось, как не бывало. Это был молчаливый знак, что жена, в точности как он сам, не придает значения торжественному приему, который устраивает население Смолбриджа своему новому помещику. Так мог бы подмигнуть оракул.

У себя в спальне Хорнблауэр достал из комода красную ленту и звезду ордена Бани, а Браун подал ему перчатки. Их Хорнблауэр натягивал уже на лестнице. Перепуганная горничная торопливо сделала реверанс; в прихожей стоял дворецкий Уиггинз с высокой касторовой шляпой хозяина в руках, а за ним – Джон, лакей, в новой ливрее, которую выбрала Барбара. Сама Барбара вышла вслед за мужем, за ней шла кормилица с Ричардом на руках. Кудри у Ричарда были уложены и густо напомажены. Кормилица поставила мальчика на пол, одернула его платьице и кружевной воротник. Хорнблауэр торопливо взял Ричарда за руку, Барбара – за другую; Ричард еще не привык стоять, как все, и постоянно норовил опуститься на четвереньки, что никак не вязалось бы с торжественной обстановкой. Уиггинз с Джоном распахнули двери, и все трое – Хорнблауэр, Барбара и Ричард – вышли на крыльцо. В последнюю секунду Хорнблауэр вспомнил, что надо надеть шляпу.

Внизу выстроились, наверное, все обитатели Смолбриджа. По одну руку стоял приходский священник со стайкой детей, прямо перед крыльцом – четверо арендаторов в нескладных суконных костюмах и работники в куртках, по другую – женщины в передниках и чепцах. Позади детей высился трактирщик из «Коня и кареты»; зажав подбородком скрипку, он провёл смычком, священник сделал знак рукой, и детские голоса нестройно затянули:

Глядите, геро-о-ой наш с по-о-обедой грядет!

Гре-е-еми бара-а-абан, весели-и-ися народ!²

---

² Этот гимнический хор юношей и девушек из оратории Генделя «Иуда Маккавей» был чрезвычайно популярен в Англии.

Очевидно, имелся в виду Хорнблауэр, поэтому он снял шляпу и неловко замер; мелодия ничего не говорила его немзыкальному слуху, но кое-какие слова он разобрал. Хор допел, священник выступил вперед.

– Ваша милость, – начал он, – сэра Горацио. От имени селян горячо приветствую вас. Мы счастливы видеть сэра Горацио, увенчанного победными лаврами, добытыми в борьбе против корсиканского тирана. Мы счастливы видеть вашу милость, жену стоящего перед нами героя, сестру великого полководца, что возглавляет наши доблестные войска в Испании, дочь одного из знатнейших английских семейств. Добро пожаловать в Смолбридж!

– Дя! – неожиданно завопил Ричард. – Па!

Священник и бровью не повел; взяв разгон, он продолжал сыпать трескучими фразами, расписывая ликование Смолбриджа при вести о том, что деревня отныне принадлежит выдающемуся флотоводцу. Хорнблауэр слушал вполуха, больше занятый Ричардом: малыш явно норовил высвободить руку, встать на четвереньки и поползти знакомиться с сельской детворой. Хорнблауэр глядел на сочную зелень парка; дальше вставали отлогие холмы, а за деревьями виднелся шпиль деревенской церкви. В той же стороне радовал взоры цветущий фруктовый сад. Парк, сад и церковь – все принадлежало Хорнблауэру; он сквайр, помещик, владелец многих акров, и арендаторы его приветствуют. За ним – его дом и множество слуг, на груди – лента и звезда рыцарского ордена; в Лондоне, в сейфах «Куттс и Ко» хранятся золотые гиней, тоже его. Это предел человеческих устремлений. Слава, богатство, обеспеченное будущее, любовь, сын – у него есть все, о чем можно мечтать. Хорнблауэр, стоя на крыльце, слушал разглагольствования пастора и дивился, что не чувствует себя счастливым. В груди закипала злость. Его должно распирает от радости, гордости и счастья, а он смотрит в будущее с тупым отчаянием – отчаянием, что будет жить здесь, – и положительным отвращением к предстоящим модным сезонам в Лондоне, которые не скрасит даже постоянное общество Барбары.

Беспорядочное течение его мыслей внезапно прервалось. Прозвучало что-то недолжное, а поскольку говорил только священник, он, видимо, это и произнес, хоть и продолжал вещать, не подозревая о своей оплошности. Хорнблауэр взглянул на Барбару – она на мгновение закусила нижнюю губу, явный признак раздражения для всякого, кто хорошо ее знает. Во всем остальном она оставалась безукоризненно спокойна, как и пристало английской аристократке. Что из сказанного ее расстроило? Хорнблауэр перебирал услышанные, но невоспринятые слова священника. Да, вот оно. Этот болван упомянул о Ричарде как об их общем ребенке. Барбару задевало, когда пасынка принимали за ее сына, и, что странно, тем болезненнее, чем сильнее она к нему привязывалась. Впрочем, трудно винить священника: когда супружеская чета приезжает с полуторагодовалым младенцем, вполне естественно предположить, что ребенок – их общий.

Священник замолк, наступила неловкая пауза. Явно ждали ответной речи, и сказать ее должен был новый хозяин поместья.

– Кхе-хм, – начал Хорнблауэр (короткий брак с Барбарой еще не вполне отучил его от этой привычки). Он судорожно придумывал, что сказать. Конечно, надо было подготовиться заранее; надо было не витать в облаках, а сочинять речь. – Кхе-хм. С гордостьюзираю я на эту английскую местность...

Он сумел сказать все необходимое. Корсиканский тиран. Доблестный английский народ. Король и принц-регент. Леди Барбара. Ричард. Когда он закончил, наступила новая неловкая пауза. Слушатели перешептывались, наконец один из арендаторов выступил вперед:

– Трижды ура ейной милости!

Все грянули «ура», Ричард с испугу заревел.

– Трижды ура сэру Горацио! Гип-гип-ура!

Теперь оставалось только с достоинством удалиться и дать арендаторам время разойтись. Хорошо хоть, все позади. Джон, лакей, стоял в прихожей, полагая, что изображает стойку

смирно. Хорнблауэр про себя отметил научить его, чтобы прижимал локти к туловищу. Коли уж он держит лакея, то вымуштрует его. Подбежала кормилица и наклонилась пощупать, сильно ли Ричард обмочился. Стремительно вошел дворецкий с письмом на подносе. Хорнблауэр взглянул на печать. Кровь прихлынула к лицу: печать и толстый полотняный пакет могли быть только из Адмиралтейства. Он не получал адмиралтейских писем несколько месяцев, показавшихся ему годами. Хорнблауэр схватил письмо и каким-то чудом вспомнил бросить на Барбару извиняющийся взгляд, прежде чем сломать печать и прочесть:

Адмиралтейский совет

Уайтхолл

10 апреля 1812 г.

Сэр!

Я уполномочен их сиятельствами членами Адмиралтейского совета известить Вашу милость, что их сиятельства желали бы незамедлительно призвать Вас на действительную службу в звании коммодора с капитаном под Вашим началом, каковое звание полагают приличным Вашей выслуге лет и отличиям. Вам предписывается незамедлительно известить их сиятельства через меня, принимаете ли Вы предложение; в случае же Вашего согласия – лично явиться для получения указаний к их сиятельствам, а также к тем министрам, с каковыми Вам будет необходимо иметь беседу.

Ваш покорный слуга,

Э. Непин, секретарь

Адмиралтейского совета

Хорнблауэру пришлось дважды перечитать письмо – с первого раза он ровным счетом ничего не понял. Только после второго прочтения перед ним забрезжил грандиозный смысл послания. Первое, что он понял, – жизни в Смолбридже и на Бонд-стрит пришел конец. Он волен купаться под помпой, а не в дурацкой лоханке, которая едва вмещает ковшик воды, ходить по собственной палубе, дышать морским воздухом, снять эти дурацкие узкие панталоны и никогда больше не надевать, не принимать депутатий, не беседовать с чертовыми арендаторами, не нюхать свинарников и не трястись на лошади. Мало того, ему предлагают звание коммодора – коммодора 1-го класса с капитаном под началом, то есть почти адмирала. В честь него поднимут брейд-вымпел и будут палить пушки – не то чтобы это имело значение, но все это внешние знаки оказанного ему доверия, заслуженного продвижения по служебной лестнице. Луис из Адмиралтейства высоко оценил его заслуги, коли назначает его коммодором в обход старших капитанов. Конечно, слова «полагают приличным Вашей выслуге лет и отличиям» не более чем вежливая формула, которая позволит Адмиралтейству оставить его на половинном жалованье, буде он откажется, но вот последние слова, касательно беседы с министрами, невероятно значительны. Значит, ему поручают ответственное дело международного значения. Возбуждение накатывало на него волнами.

Хорнблауэр вытащил часы. Четверть одиннадцатого – по штатским меркам еще утро.

– Где Браун? – бросил он Уиггинзу.

Браун возник как по волшебству, – впрочем, не стоило особо удивляться, весть об адмиралтейском письме наверняка успела облететь дом.

– Мой лучший мундир и шпагу. Вели заложить бричку. Поедешь со мной кучером. Собери мне все для ночлега – и себе тоже.

Слуги опрометью бросились во все стороны, понимая, что исполняют не только приказ хозяина, но государственное дело, которое требует особого рвения. Так что, когда Хорнблауэр вышел из задумчивости, рядом с ним оставалась одна Барбара.

Господи, он в волнении позабыл про нее, и она это поняла. Она сникла, уголок рта опустился. Глаза их встретились, уголок рта пошел вверх, но лишь на секунду.

– Это из Адмиралтейства, – сказал Хорнблауэр смущенно. – Меня назначают коммодором и дают мне капитана.

Какая жалость, что Хорнблауэр видел: радость ее вымучена.

– Это большая честь, – ответила она, – и ты вполне заслужил ее, милый. Ты должен радоваться, и я тоже.

– Мы разлучаемся, – сказал Хорнблауэр.

– Милый, мы пробыли вместе полгода. Ты дал мне шесть месяцев счастья, какого не заслужила ни одна женщина. И ты вернешься.

– Конечно вернусь, – ответил Хорнблауэр.

Глава вторая

Погода была обычная апрельская. Во время утренней церемонии перед господским домом солнце светило вовсю, однако уже по пути в Лондон они попали под ливень. Потом вновь выглянуло солнце, согрело и обсушило их, но сейчас, когда бричка ехала через Уимблдонский луг, небо опять почернело и на лица упали первые капли дождя. Хорнблауэр плотнее укутался в плащ и застегнул ворот. Треуголка с золотым позументом лежала у него на коленях, надежно укрытая плащом; в дождь треуголки набирают целые озера воды и теряют форму.

Вот и налетел ветер с дождем, свистящий западный ветер, и хорошей погоды как не бывало. Лево́й лошади пришлось хуже других, и она попыталась сбавить шаг. Браун хватил ее кнутом по блестящему боку, и у нее сразу прибавилось прыти. Браун – отличный кучер; все, за что бы он ни взялся, спорится у него в руках. Он был лучшим на памяти Хорнблауэра старшиной капитанской гички, верным помощником в бегстве из Франции и сумел стать камердинером, о каком можно только мечтать. Теперь он сидел рядом, безучастный к проливному дождю, и сжимал в большой загорелой горсти скользкие вожжи; кулак, запястье и локоть, словно пружина, обеспечивали то легкое давление удил на лошадиный рот, которое, с одной стороны, не мешает лошадям, с другой – придает им уверенности на размокшей дороге и в случае внезапной опасности позволяет сразу остановить их или повернуть. Они тащили коляску через грязь и слякоть по крутому склону Уимблдонского луга с рвением, какого Хорнблауэр никогда не замечал у них по отношению к себе.

– Хочешь снова оказаться в море, Браун? – спросил Хорнблауэр. Судя по тому, что он задал этот ненужный вопрос, он все еще был немного сам не свой от волнения.

– Еще как, сэ́р, – коротко отвечал Браун.

Оставалось гадать: то ли лаконичность Брауна – типично английская манера скрывать искреннее нетерпение, то ли камердинер просто вежливо угождает хозяйскому настроению.

Дождь с намокших волос затекал под воротник. Надо было захватить зюйдвестку. Хорнблауэр сгорбился на обитом кожей сиденье. Руки он держал на рукояти шпаги ценою в сто гиней – подарка Патриотического фонда. Поставив шпагу стоймя и держа на рукояти ладони, он поддерживал намокший плащ, чтобы тот не касался лежащей на коленях треуголки. Новый ручеек воды пробежал по шее. Хорнблауэр поежился. К тому времени как дождь перестал, он окончательно промок, зато солнце вновь радостно сияло. Капли воды на утеснике и ежевике лучились самоцветами; от лошадиных тел шел пар, в небе над головой запели жаворонки, Хорнблауэр распахнул плащ, вытер мокрые волосы и шею носовым платком. На гребне холма перед крутым спуском Браун для отдыха пустил лошадей шагом.

– Лондон, сэ́р, – сказал он.

И впрямь. Дождь прибил копоть и пыль, так что издалека был виден сверкающий на солнце золотой крест над куполом Святого Павла. Острые шпили, крошечные по сравнению

с громадой купола, вырисовывались неестественно четко. Видны были даже крыши домов. Браун щелкнул языком, лошади вновь побежали рысью, коляска, раскачиваясь, покатила под уклон к Уондсворту. Хорнблауэр вытащил часы. Начало третьего, времени еще вдоволь. Хотя рубашка под мундиром вымокла насквозь, день выдался куда приятнее, чем можно было ожидать, сидя в ванне.

Браун остановил лошадей перед Адмиралтейством, уличный мальчишка загородил собой колесо, чтобы Хорнблауэр, вылезая из коляски, не испачкал плащ и мундир.

– Жди меня в «Золотом кресте», Браун, – сказал Хорнблауэр, ища в кармане монетку для оборванца.

– Есть, сэр, – отвечал Браун, поворачивая лошадей.

Хорнблауэр надел треуголку, огладил сюртук и поправил пряжку на перевязи. В Смолбридже он сэр Горацио, домовладелец, помещик, царь и бог, но здесь он всего лишь капитан Хорнблауэр в ожидании приема. Однако адмирал Луис был сама сердечность. Он продержал Хорнблауэра в приемной не больше трех минут – ровно столько, сколько надо, чтобы выпроводить предыдущего посетителя, – от души пожал будущему коммодору руку, тут же позвонил клерку, чтобы тот унес мокрый плащ, и собственноручно подвинул стул к большому камину, где с его возвращения из Ост-Индии зимой и летом горел огонь.

– Надеюсь, леди Барбара в добром здравии? – спросил он.

– Да, благодарю, сэр, – сказал Хорнблауэр.

– И Хорнблауэр-младший?

– Да, тоже, сэр.

Хорнблауэр быстро поборол робость. Он сел поглубже, радуясь теплу камина. На стене напротив он заметил новый портрет Коллингвуда, сменивший портрет лорда Бархэма³. Приятно было перевести взгляд с написанной маслом орденской ленты на собственную грудь и подумать, что носишь те же знаки отличия.

– И все же вы бросили прелести домашней жизни в ту же минуту, как получили наше письмо?

– Разумеется, сэр.

Возможно, меньше искренности принесло бы больше пользы; вероятно, стоило притвориться, будто он покоряется долгу, приносит жертву на алтарь отечества. Однако Хорнблауэр не мог бы сейчас слукавить, хоть убей. Он искренно радовался повышению и горячо желал знать, что намерено поручить ему Адмиралтейство. Зоркие глаза Луиса внимательно исследовали его лицо, и он честно встретил их взгляд.

– Куда вы думаете меня послать, сэр? – спросил он, не в силах более дожидаться, когда Луис сделает первый шаг.

– В Балтику, – отвечал адмирал.

Вот оно что. Два слова положили конец многим часам лихорадочных умозаключений. Его могли послать куда угодно: на Яву или на Ямайку, к мысу Доброй Надежды или к мысу Горн, в Индийский океан или в Средиземное море – в любую точку в пределах окружности радиусом в двадцать пять тысяч миль, над которой реет британский флаг. Значит, Балтика. Хорнблауэр пытался припомнить, что о ней знает. Последний раз он был в северных водах младшим лейтенантом.

– Если не ошибаюсь, там командует адмирал Китс?⁴

---

³ Чарльз Миддлтон, 1-й барон Бархэм (1726–1813) – британский морской офицер и политик, первый лорд Адмиралтейства в 1805–1806 гг. Помимо службы в королевском флоте знаменит борьбой за отмену рабства.

⁴ Сэр Ричард Годвин Китс (1757–1834) – британский адмирал, впоследствии – губернатор Ньюфаундленда. В 1807–1809 гг. командовал эскадрой в Балтийском море.

– Сейчас да, но вскорости его сменит Сомарес⁵. Он получит указания предоставить вам широчайшую свободу действий.

Странные слова. Напекают на двоеначалие, а это, безусловно, плохо. Лучше один дурной командир, чем два хороших. Сказать подчиненному, что начальнику предписано разрешить ему действовать по-своему, – опасно, разве что этот подчиненный – человек в высшей степени разумный и ответственный. Тут Хорнблауэр сглотнул – он искренно позабыл, что речь идет о нем самом; быть может, Адмиралтейство как раз и считает его «в высшей степени ответственным и разумным».

Луис разглядывал его с любопытством.

– Вы не хотите узнать, какими силами будете командовать? – спросил он.

– Разумеется, хочу, – отвечал Хорнблауэр, хотя это было не так и важно. Главное, он вообще будет командовать какими-то силами.

– Вы получите «Несравненную», семьдесят четыре пушки, – сказал Луис, – в качестве основной силы, и всякую мелочь, какую мы смогли для вас наскрести: «Лотос» и «Ворон», шлюпы, два бомбардирских кеча – «Мотылек» и «Гарви», а также тендер «Моллюск». Пока все; может быть, к вашему отплытию еще что-нибудь подыщем. Будьте готовы к наземным операциям – их, похоже, вам предстоит немало.

– Надо полагать, – сказал Хорнблауэр.

– Не знаю, будете вы сражаться на стороне русских или против них, – задумчиво произнес адмирал. – То же касательно шведов. Бог весть что там затевается. Но об этом вам расскажет Их Важность.

Хорнблауэр взглянул непонимающе.

– Ваш многоуважаемый шуринок, досточтимый маркиз Уэлсли, кавалер ордена Святого Патрика, его британского величества государственный секретарь по иностранным делам, для краткости – Их Важность. Мы пройдем к нему через пару минут. Но прежде надо решить еще одно важное дело. Кого вы хотели бы взять капитаном?

У Хорнблауэра перехватило дыхание. Вот это возможность оказать протекцию! Ему случилось назначать мичманов и помощников судового врача; священник с сомнительным прошлым как-то напрашивался к нему в судовые капелланы, но решать вопрос о назначении капитана, да еще на линейный корабль, – это и впрямь случай облагодетельствовать кого-нибудь из знакомых. В списке сто двадцать капитанов младше его, все люди заслуженные, об их подвигах с замиранием голоса рассказывают по всему свету, все заплатили за свой чин кровью и беспримерным мужеством, умением и отвагой. Каждый второй охотно согласится командовать семидесятичетырехпушечным кораблем. Хорнблауэр и сейчас помнил, как ликовал два года назад, получив назначение на «Сатерленд». Капитаны на половинном жалованье, портовые капитаны спят и видят вернуться на активную службу. В его власти – изменить судьбу любого из них. Однако он не колебался. Есть капитаны умнее и сообразительнее, но ему нужен единственный.

– Я возьму Буша, если возможно, – сказал он.

– Вы его получите, – кивнул Луис. – Я так и думал. Вы полагаете, деревянная нога не будет ему большой помехой?

– Полагаю, что да, – сказал Хорнблауэр. Досадно было бы выйти в море с другим капитаном.

– Очень хорошо, – сказал Луис, поворачиваясь к настенным часам. – Если не возражаете, мы пройдем к Их Важности.

---

⁵ Джеймс, барон де Сомарес (Сумарес) (1757–1836) – британский морской офицер, прославившийся исключительным личным мужеством, командовал Балтийским флотом в звании вице-адмирала; до 1812 г. блокировал Россию, Данию и Швецию (впрочем, с огромным дипломатическим тактом, ибо видел в России и Швеции потенциальных союзников), с 1812 г. действовал совместно с Россией и Швецией.

Глава третья

Хорнблауэр сидел в приватной гостиной таверны «Золотой крест». В камине жарко пылал огонь, на столе горели аж четыре восковые свечи. Всей этой роскошью – приватной гостиной, огнем в камине и восковыми свечами – Хорнблауэр не без стеснения наслаждался. Он всю жизнь бедствовал, всю жизнь экономил – и теперь швырялся деньгами со странным удовольствием, какой-то почти виноватой радостью. Завтра хозяин выпишет ему не меньше полукроны за свет; сальные свечи обошлись бы от силы в два пенса. Шиллинг за дрова. И уж разумеется, трактирщик не упустит случая содрать втридорога с постояльца, который может себе это позволить, – кавалера ордена Бани, прибывшего в коляске с камердинером и двумя лошадьми. Завтрашний счет будет ближе к двум гинеям, чем к одной. Хорнблауэр тронул нагрудный карман, убедился, что толстая пачка фунтовых банкнот на месте. Он может позволить себе тратить по две гинеи в день.

Успокоенный, он склонился над записями, которые сделал за беседой с министром иностранных дел. Записи были отрывочные, перескакивали с темы на тему, как и сам разговор. Даже в министерстве не могли наверняка сказать, будут ли русские воевать с Бонапартом. Нет, не так. Никто не может сказать, будет ли Бонапарт воевать с русскими. Сколько бы царь ни злился на Францию (а, надо думать, обид у него скопилось немало), он не начнет войну, если Бонапарт не нападет первым. Царь предпочтет любые уступки, по крайней мере сейчас, когда пробует реорганизовать армию.

– Трудно представить, чтобы Бони хватило глупости полезть в драку, – говорил Уэлсли, – когда он и так может получить почти все, что пожелает.

Однако на случай войны Британии желательно иметь в Балтике сильную эскадру.

– Если Бонапарт выкинет Александра из России, вам надо будет его подобрать, – заметил между прочим Уэлсли. – Мы всегда найдем ему применение.

Изгнанные монархи были полезны уже тем, что вдохновляли сопротивление в покоренных Бонапартом странах. За последнее время Англия приняла под свое крыло правителей Сицилии и Сардинии, Нидерландов, Португалии и Гессена. Все они помогали поддерживать надежду в сердцах недавних подданных, стонущих под пятой тирана.

– Многое зависит от Швеции, – сказал Уэлсли. – Один Бог знает, что надумает Бернадот. Шведы не могут простить русским отнятой Финляндии. Мы пытаемся убедить их, что из двух зол Бонапарт – худшее. Он – в устье Балтики, а Россия – гораздо дальше. Но и шведам несладко выбирать между Россией и Бонапартом.

Да, узел завязался: Швецией правит кронпринц, который еще три года назад был французским генералом и успел породниться с Бонапартом; Дания и Норвегия в руках тирана, Финляндия завоевана Россией, а южное побережье Балтики наводнили французские войска.

– Его солдаты стоят в Данциге и Штеттине⁶, – говорил Уэлсли. – Южнонемецкие силы растянуты до самого Берлина, я уж не говорю о пруссаках, австрияках и прочих союзниках.

Покорив всю Европу, Бонапарт поставил под свои знамена бывших противников; если он решит воевать с Россией, то, сдастся, его армия будет по большей части состоять из иностранцев: итальянцев и немцев, пруссаков и австрияков, голландцев и датчан.

– Мне доносили, что в его армии есть даже испанцы и португальцы, – сообщил Уэлсли. – Надеюсь, прошлая зима в Польше пришлась им по вкусу. Вы ведь говорите по-испански?

– Да, – ответил Хорнблауэр.

– И по-французски?

– Да.

---

⁶ Данциг и Штеттин – современные Гданьск и Щецин.

- По-русски?
- Нет.
- По-немецки?
- Нет.
- По-шведски? По-польски? По-литовски?
- Нет.

– Жаль. Впрочем, меня уверяли, что образованные русские говорят на французском лучше, чем на родном, – хотя, судя по тем русским, с которыми мне доводилось общаться, в таком случае с родным языком у них вовсе дело швах. К тому же мы нашли для вас шведского переводчика. Согласуйте с Адмиралтейством, как внести его в судовую роль, – надеюсь, я употребил верное флотское выражение.

Очень в духе Уэлсли – подпустить такого рода шпильку. Он – бывший генерал-губернатор Индии, белая косточка и вращается в самых высоких сферах. Несколькими словами он показал, что не знает и не желает знать морских словечек, что, как человек светский, почитает ниже своего достоинства вникать во флотские материи и с вельможным презрением смотрит на неотесанного морского волка, пусть даже упомянутому морскому волку случилось жениться на его родной сестре. Хорнблауэра это немного задело. Он был все еще достаточно взвинчен, чтобы попытаться в свою очередь уязвить Уэлсли.

– Вы, Ричард, на всем собаку съели, – сказал он спокойно.

Невредно напомнить вельможе, что неотесанный морской волк – его близкий родственник и может обращаться к нему по-свойски, а вдобавок утонченному маркизу должно быть неприятно предположение, что он съел собаку.

– Боюсь, к флоту это не относится, Хорнблауэр. Я так и не сумел запомнить всех этих штирбортов, бакбортов, бейдевиндов⁷ и прочего. Их нужно затвердить в детстве, как *hic, haec, hoc*⁸.

Трудно уязвить железного маркиза; Хорнблауэр отогнал воспоминания об этом эпизоде, чтобы подумать о более жизненных вещах. У русских отличный флот, не меньше десяти линейных кораблей в Ревеле⁹ и Кронштадте; у шведов почти столько же. Германские и померанские порты кишат французскими каперами, и обязанностью Хорнблауэра будет, в числе прочего, защищать британские торговые суда от морских разбойников, поскольку без торговли со Швецией Англии придется худо. Из Балтики везут все, что нужно для флота, а значит, и для сохранения господства над морем: деготь и скипидар, сосновый мачтовый лес, пеньку и древесину, камедь и ворвань. Если шведы объединятся с Бонапартом против России, из Швеции Англия больше ничего не получит, а это больше половины всего ввозимого. Придется довольствоваться тем, что удастся закупить в Эстонии и Финляндии. На пути этих товаров будет Зунд и шведский заслон, притом что Дания – уже в руках Бонапарта. Россия будет нуждаться в этих припасах для собственного флота, ее придется как-то убеждать, чтобы часть она уделила Британии.

Хорошо хоть Англия не вступилась за Финляндию, когда Россия ввела туда свои войска; в противном случае было бы куда меньше шансов на союз с Россией против Бонапарта. Дипломатией и угрозами, возможно, удастся удержать Швецию от союза с корсиканцем, сохранить балтийский торговый путь и доступ к северогерманскому побережью для вылазок против французских коммуникаций. Не исключено, что под таким нажимом и Пруссия переметнется на другую сторону, особенно если каким-то чудом Бонапарт начнет терпеть поражения. Все это входило в задачи Хорнблауэра: убедить Швецию отказаться от застарелой вражды с Россией,

---

⁷ См. морской словарь в конце книги.

⁸ Три формы латинского местоимения «этот», синоним долбежки.

⁹ Ревель – современный Таллин.

а Пруссию – расторгнуть навязанный ей союз с Францией, при этом не повредить балтийской торговле. Неверный шаг погубит все.

Хорнблауэр отложил бумаги и уперся невидящим взглядом в стену. Туман, лед и мели в Балтийском море; русский флот, шведский флот и французские каперы; балтийская торговля, русский союз и позиция Пруссии; высокая политика и жизненная коммерция; в следующие несколько месяцев судьба Европы будет висеть на волоске, и вся ответственность ложится на плечи британского коммодора. Пульс участился, мускулы напряглись, как всегда в предвкушении опасности. Почти год он не испытывал ничего подобного – с того дня, когда входил в большую каюту «Виктории» выслушать приговор трибунала, который мог осудить его на смерть. Ему неприятно было это предчувствие беды, предчувствие непомерной ответственности; не этого он ждал, когда в середине дня с легким сердцем ехал за приказами. И ради этого он оставляет дружбу и любовь Барбары, жизнь сельского помещика, покой и мир новообретенного дома!

Однако даже сейчас, в минуту почти отчаяния, почти обреченности, грядущие задачи мало-помалу раззадоривали его живой ум. Адмиралтейство дало ему полную свободу – тут грех жаловаться. Ревель замерзает в декабре; Кронштадт – и в ноябре. Когда станет лед, ему придется держаться южнее. Замерзает ли Любек? Если так... Не замечая, что делает, Хорнблауэр резко отодвинул стул. Он не мог мыслить продуктивно, сидя за столом, – это было все равно как надолго задержать дыхание. Сравнение было тем более точным, что, вынужденный напрягать мозг в сидячем положении, он испытывал характерные симптомы медленного удушья – давление поднималось, он начинал метаться.

Сегодня ничто не заставляло его сидеть без движения; отодвинув стул, он мог свободно расхаживать взад-вперед по комнате, от стола к окну и обратно – места столько же, а препятствий куда меньше, чем на шканцах иных из его кораблей. Едва Хорнблауэр заходил по комнате, как дверь приоткрылась и в щелку, привлеченный скрипом отодвигаемого стула, заглянул Браун. Ему хватило одного взгляда: капитан принялся мерить шагами комнату, а стало быть, спать скоро не ляжет.

Браун был умный малый, направивший всю свою сметку на заботы о капитане. Он тихонько притворил дверь и целых десять минут выжидал, прежде чем снова ее открыть. За десять минут Хорнблауэр вошел в ритм ходьбы, и мысли его устремились в русло, с которого их не так просто было свернуть. Браун, не привлекая к себе внимания, проскользнул в комнату – трудно даже сказать, заметил ли его Хорнблауэр вообще. Соразмеряя свои перемещения с ритмом капитанской ходьбы, Браун добрался до свечей – они уже пыхали и чадили, – снял нагар, перебежал к очагу и подбросил угля в догорающий камин. Потом так же незаметно выскользнул из комнаты и устроился ждать. Как правило, капитан заботился о слуге и не заставил бы его бодрствовать допоздна, а отпустил бы спать и сказал, что разденется сам. Браун все понимал и поэтому не обижался, что капитан в кои-то веки о нем позабыл.

Взад и вперед ходил Хорнблауэр, ровным, размеренным шагом, поворачиваясь в двух дюймах от подоконника с одной стороны, с другой задевая боком угол стола. Русские и шведы, торговые караваны и каперы, Стокгольм и Данциг – ему было о чем подумать. В Балтийском море холодно, надо позаботиться, чтобы команда не простужалась. И как только соберется эскадра, первым делом проследить, чтобы на каждом судне был надежный сигнальный офицер. Без отлаженного сообщения между судами дисциплина идет прахом, без нее нет смысла продумывать тактику и строить планы. Недостаток бомбардирских кечей состоит в их...

На этом месте Хорнблауэра отвлек стук в дверь.

– Войдите! – рявкнул он недовольно.

Дверь медленно открылась, явив взору Брауна и перепуганного трактирщика в зеленом бязевом переднике.

– Что такое? – буркнул Хорнблауэр. Теперь, когда его шканцевой прогулке помешали, он внезапно почувствовал смертельную усталость: слишком много всего произошло с торжественной встречи нового сквайра Смолбриджа, а тяжесть в ногах говорила, что он порядком находился.

Браун и трактирщик переглянулись. Наконец последний решился открыть рот.

– Видите ли, сэр, – начал он боязливо. – Их милость в номере четвертом, прямо под этой гостиной, сэр. Их милость человек крутой, сэр, прошу прощения, сэр. Они говорят – еще раз прошу прощения, сэр, – они говорят, в два часа пополуночи поздно вато ходить взад-вперед у них над головой. Они говорят...

– Два часа пополуночи? – переспросил Хорнблауэр.

– Ближе к трем, – тактично вмешался Браун.

– Да, сэр, половину пробил, когда их милость вызвали меня во второй раз. Они говорят, лучше бы вы чем-нибудь швырялись или пели. Но слышать, как вы просто ходите взад-вперед, сэр... Их милость говорят, это наводит на мысли о смерти и Страшном суде. Их милость говорят, слишком размеренно. Я сказал им, кто вы, когда их милость позвонили в первый раз. А теперь...

Хорнблауэр окончательно вернулся в реальный мир. Он смотрел на нервно жестикулирующего трактирщика (бедняга оказался между молотом – капитаном сэром Горацио Хорнблауэром – и наковальней – безвестным лордом этажом ниже) и не мог скрыть улыбку; собственно, он даже крепился, чтобы не расхохотаться в открытую. Он легко мог вообразить весь нелепый расклад: неведомый раздражительный пэр звонит в звонок, трактирщик страшится обидеть обоих влиятельных постояльцев, а в довершение Браун до последней секунды упорно не пускает его нарушить хозяйские раздумья. Когда Хорнблауэр улыбнулся, на лицах слуги и трактирщика проступило столь явное облегчение, что, глядя на них, он больше не мог сдерживаться и рассмеялся. Последнее время он был на взводе, и Браун ожидал взрыва, трактирщик же вообще ничего другого не ждал – трактирщики редко видят что-нибудь, кроме вспышек ярости от людей, которым вынуждены обслуживать. Хорнблауэр вспомнил, что только этим утром ни за что ни про что обругал Брауна; но этим утром он не находил себе места, как всякий флотский офицер в деревне, теперь же он коммодор, его ждет эскадра, и ничто на свете не властно испортить ему настроение, – этого Браун не учел.

– Мое почтение его милости, – сказал Хорнблауэр. – Скажите ему, что Страшный суд отменяется. Браун, я ложусь спать.

Обрадованный трактирщик побежал на нижний этаж, Браун схватил подсвечник – свеча почти догорела – и пошел впереди, освещая хозяину путь в спальню. Хорнблауэр скинул в руки Брауну тяжелый, украшенный золотыми эполетами мундир. Башмаки, рубашка, панталоны – Хорнблауэр натянул роскошную, лежавшую наготове, вышитую ночную сорочку из плотного китайского шелка с мережкой по вороту и рукавам – Барбара специально заказывала ее на Востоке через друзей в Ост-Индской компании. Грелка успела остыть, но от нее под одеялом распространилось приятное тепло; Хорнблауэр юркнул в мягкую благодать.

– Доброй ночи, сэр, – сказал Браун и задул свечу.

Мрак хлынул в комнату из углов, и с ним – тревожные сны. То ли в сновидении, то ли наяву – следующим утром Хорнблауэр не мог понять – мозг до конца ночи перебирал и прокручивал неисчислимы сложности предстоящей кампании в Балтийском море, где его жизнь, репутация и уважение к себе вновь будут поставлены на карту.

Глава четвертая

Хорнблауэр сел прямее и выглянул в окно кареты.

– Ветер поворачивает к северу, – сказал он. – Вест-тень-норд, полагаю.

– Да, дорогой, – терпеливо отозвалась Барбара.

– Извини, дорогая, – спохватился Хорнблауэр, – я тебя перебил. Ты говорила про мои рубашки.

– Нет. Про них я уже закончила. Я говорила, чтобы ты до холодов не разрешал распаковывать плоский сундук. Там овечья шуба и плащ на меху. Они пересыпаны камфарой, от моли. Когда поднимешься на борт, сразу вели отнести этот сундук в трюм.

– Да, дорогая.

Карета подпрыгивала на булыжной мостовой Аппер-дил. Барбара вновь взяла мужа за руку.

– Мне неприятно говорить про теплые вещи, – сказала она. – Мне бы хотелось верить, что ты вернешься до холодов.

– Я тоже на это надеюсь, дорогая, – отвечал Хорнблауэр, ничуть не кривя душой.

В карете было темно, только свет из окошка падал Барбаре на лицо, выхватывая его из темноты, словно лик церковной статуи. Тонкий орлиный нос, крепко сжатые губы, ни капли мягкости в голубовато-серых глазах. По лицу леди Барбары никто бы не угадал, что сердце ее рвется на части; однако она сняла перчатку и лихорадочно сжала мужнину ладонь.

– Обязательно вернись ко мне, милый! Обязательно вернись! – тихо произнесла она.

– Конечно вернусь, – сказал Хорнблауэр.

Аристократка, умница, безупречно владеющая собой, Барбара повторяет те же глупые слова, которые шепчет простому матросу его толстуха-жена. Хорнблауэр еще сильнее любил ее за то, что она жалобно просит: «Вернись ко мне», словно он властен над французскими или русскими ядрами. И в ту же секунду ужасная мысль всплыла у Хорнблауэра в мозгу, как раздутый утопленник из морской пучины. Леди Барбара уже провожала мужа на войну, и тот не вернулся. Во время боя в заливе Росас ему вспорол живот отлетевшим куском древесины, и он умер под ножом хирурга в Гибралтаре. Вспоминает ли Барбара о нем в эту минуту? При этой мысли Хорнблауэр вздрогнул, и Барбара, несмотря на обычную свою чуткость, превратно истолковала его движение.

– Милый мой, – сказала она, – любимый.

Она сняла другую перчатку и коснулась его руки, ища губами его губы. Он поцеловал ее, борясь с накатившими на него ужасными сомнениями. Несколько месяцев ему удавалось не ревновать к прошлому, и тем более досадно было бы поддаться этой слабости сейчас. Досада еще сильнее всколыхнула и без того бурлящие чувства. Касание губ обожгло его; сейчас он любил Барбару всем сердцем и целовал со всей силой чувственной страсти, покуда экипаж мотался из стороны в сторону на булыжной мостовой. Монументальная шляпа с розами грозила съехать на бок; Барбара высвободилась из объятий мужа, поправила головной убор и приняла обычный достойный вид. Она чувствовала, хотя и неверно понимала, какая буря бушует у Хорнблауэра в груди, и нарочно перевела разговор на более спокойную тему, чтобы обоим прийти в себя перед появлением на людях.

– Я всякий раз радуюсь, – начала она, – вспоминая, какую высокую честь оказало тебе правительство этим назначением.

– А я рад, что ты рада, дорогая, – сказал Хорнблауэр.

– Ты только-только вошел в верхнюю половину списка, а тебя уже назначили коммодором. Ты будешь адмиралом *in petto*.

Никакие другие слова не могли бы так успокоить охватившие Хорнблауэра чувства. Он про себя улыбнулся маленькой оплошности, которую допустила Барбара. Она хотела сказать, что он будет адмиралом в миниатюре, по-французски *en petit*. Однако *in petto* вовсе не то же самое, что *en petit*. *In petto* по-итальянски – «в груди»: когда папа назначает кардинала *in petto*, это значит, что он до поры до времени сохранит назначение в тайне. Хорнблауэру невероятно лестно было поймать Барбару на подобной ошибке. Это означало, что и ей не чужды челове-

ческие слабости, что она в конечном счете слеплена из того же теста, что и он сам. На душе у него потеплело, нежность и умиление подогрели любовь и страсть.

Тормоза заскрипели, карета резко остановилась, открылась дверца. Хорнблауэр выскочил и, прежде чем оглядеться по сторонам, подал Барбаре руку. Дул крепкий ветер, без сомнения вест-тень-норд. Утром он был свежий, юго-восточный, так что теперь крепчает и поворачивает. Если так пойдет дальше, они окажутся заперты в порту, пока ветер вновь не станет западным. Потерянный час может обернуться днем ожидания. Небо и море были серыми, по морю бежали белые барашки. Неподалеку качался на якорях Ост-Индский караван – им надо, чтобы ветер стал еще чуть-чуть севернее, тогда они расправят паруса и двинутся по Ла-Маншу. Дальше к северу виднелись еще корабли – вероятно, «Несравненная» и эскадра, но без подзорной трубы было не разобрать. Ветер свистел в ушах, рвал с головы треуголку – приходилось крепко держать ее обеими руками. За мостовой начиналась пристань, возле которой покачивалось несколько люгеров.

Кучер и лакей сгружали с козел багаж, Браун ждал распоряжений.

– Договорись, чтобы меня доставили на корабль, – распорядился Хорнблауэр.

Он мог бы подать сигнал, чтобы с «Несравненной» прислали шляпку, но не хотел терять драгоценное время. Барбара стояла рядом, придерживая руками шляпу, и ее юбка, словно флаг, трепалась на ветру. Сейчас глаза у нее были серые; будь небо и море голубыми, они бы тоже голубели. Она через силу улыбнулась.

– Раз ты отправляешься на люгере, дорогой, – сказала она, – я могу тебя проводить. Люгер доставит меня обратно.

– Ты замерзнешь и вымокнешь, – сказал Хорнблауэр. – В бейдевинд при таком ветре – прогулка не из приятных.

– Какая разница? – ответила Барбара, и мысль о разлуке вновь показалась Хорнблауэру нестерпимой.

Браун уже вернулся, и с ним двое матросов – головы повязаны платком, в ушах серьги, обветренные, просоленные лица словно вырезаны из цельного куска дерева. Они легко, как пушинки, подхватили тяжелые сундуки и понесли к пристани; за девятнадцать военных лет на ней перебивало бесчисленное множество офицерских сундуков. Браун шел следом, Хорнблауэр и Барбара замыкали шествие. Хорнблауэр крепко сжимал портфель с совершенно секретными приказами.

– Доброе утро, капитан, – отсалютовал ему шкипер. – Доброе утро, ваша милость. Отличный ветер. Вы с вашими бомбардирками как раз сможете обогнуть Гудвинд, а за Даунсом вам попутный ветер на Скагген.

Вот как в Англии охраняется военная тайна – прибрежный перевозчик знает, куда и с какими силами Хорнблауэр отправляется. Завтра как пить дать он встретится посреди Ла-Манша с французским шасс-маре, обменяет бренди на табак и новости на новости. Через три дня Бонапарт в Париже будет знать, что Хорнблауэр отбыл в Балтийское море с эскадрой.

– Полегче с ящиками! – завопил шкипер. – Бутылки-то, чай, не железные!

В люгер перегружали с пристани остатки багажа – дополнительные припасы, заботливо купленные Барбарой: ящик с вином, ящик с провизией и ящик с любовно выбранными книгами.

– Может, ваша милость посидит в каюте? – со своеобразной природной учтивостью предложил шкипер. – А то вымокнете, пока доберетесь до «Несравненной».

Барбара поймала взгляд мужа и вежливо отказалась. Хорнблауэр знал эти душные, вонючие каюты.

– Тогда дождевик для еиной милости.

Дождевик надели Барбаре на плечи, и он прикрыв ее до пят, как колпачок – свечу. Ветер упорно рвал шляпу с ее головы; Барбара одним движением сдернула убор и спрятала под дож-

девик. Свежий ветер тут же растрепал ее волосы; она со смехом потрянула головой и распустила всю гриву по ветру. Щеки ее покраснелись, глаза сверкали, как в тот памятный день на «Лидии», у мыса Горн. Хорнблауэру захотелось ее поцеловать.

– Отдать швартовы! Пошел фалы! – закричал шкипер, перебегая на корму и привычно прижимая боком румпель.

Матросы налегли на тали, грот пополз вверх, и люгер кормой вперед двинулся от причала.

– Пошевеливайся со шкотом, Джо-о-ордж!

Шкипер переложил румпель, люгер замер, развернулся и устремился вперед, послушно, словно конь под умелым седоком. Только отошли от пристани, загоравшейся ветер, люгер накренился, но шкипер положил руль к ветру, а «Джо-о-ордж» выбрал шкот, так что парус стал прямым, как доска. Теперь люгер несся в самый крутой бейдевинд – жутковато для всякого, кто не знаком с этими суденышками, – навстречу свистящему ветру. Из-под правой скулы взметались брызги. Даже здесь, в закрытых водах, волнение было сильное; люгер вздрагивал на каждой волне, пробегавшей от правой скулы к левой раковине, и переваливался сперва с боку на бок, потом с носа на корму.

Хорнблауэр вдруг понял, что ему давно пора бы почувствовать тошноту. До сих пор его укачивало в начале всякого плавания, и скачки маленького люгера уж точно должны были его доконавать. Однако он не ощущал и намека на морскую болезнь. С крайним изумлением Хорнблауэр видел, как горизонт встает над носом суденышка и ухает вниз, – а желудку хоть бы хны. Он меньше удивлялся, что уверенно стоит на палубе: все-таки после двадцати лет в море привычка держать равновесие так легко не пропадает. Он утрачивал ее, когда голова кружилась от морской болезни, а эта напасть, похоже, обошла его стороной. Обычно он выходил в море, измотанный сборами и поисками матросов, ошалевший от волнений и недостатка сна, усталый до дурноты еще на берегу. Как коммодор, он избавлен от всех этих тревог: Адмиралтейство, Министерство иностранных дел и казначейство завалили его приказами и советами, однако приказы и ответственность – пустяк в сравнении с мелочными хлопотами капитана: набором команды и умащиванием портового начальства. Он чувствовал себя вполне беспечно.

Барбара крепко сжимала поручень; она подняла на мужа лицо, и он понял, что ей немного не по себе – она мучается сомнениями, если не хуже. Хорнблауэру стало забавно, он даже загордился: приятно выйти в море и знать, что тебя не укачивает, еще приятнее в чем-то превзойти безупречную Барбару. Он готов был уже поддразнить ее, щегольнуть собственной неуязвимостью, когда разум и любовь к жене спасли его от такого недостойного поступка. Она бы обиделась; он явственно помнил, как в приступе морской болезни злился на весь свет. Хорнблауэр поспешил ей на выручку.

– Ты счастливица, дорогая, морская болезнь тебя не берет, – сказал он. – Качает сильно, Впрочем, у тебя всегда был крепкий желудок.

Она взглянула на него, ветер трепал ее распущенные волосы; взглянула с некоторым сомнением, однако слова мужа ее ободрили. Он принес весьма существенную жертву, но Барбара об этом не знала.

– Завидую тебе, дорогая, – продолжал он. – Я вот серьезно опасаясь за свой желудок, со мной это бывает в начале всякого плавания. А тебе любая качка нипочем.

Вот уж действительно, ни один мужчина не мог бы явственнее доказать свою любовь – не только скрыть сознание превосходства, но и ради любимой женщины солгать, будто его укачало. Барбара тут же забеспокоилась.

– Бедный мой, – сказала она, кладя руку ему на плечо. – Я искренно надеюсь, что тебе не станет совсем плохо. Это было бы совсем некстати сейчас, когда тебе надо принимать командование.

Стратегема сработала: за тревогой о муже Барбара отвлекалась от собственного желудка и тут же позабыла про дурноту.

– Думаю, что продержусь, – сказал Хорнблауэр.

Он постарался изобразить мужественно-натянутую улыбку, и, хотя актер из него был никудышный, ему удалось обмануть слегка отупевшую от морской болезни Барбару. Хорнблауэр даже немного устыдился, видя, как растрогал ее своим притворным героизмом. Она смотрела на него с обожанием.

– К повороту! – закричал шкипер, и Хорнблауэр, подняв глаза, увидел, что люгер уже под самой кормой «Несравненной». На корабле подняли передние паруса и обстенили крьюсель, чтобы люгеру подойти к правому борту. Хорнблауэр распахнул плащ и встал на виду: хотя бы ради Буша он не желал являться как снег на голову. Затем повернулся к Барбаре.

– Пора прощаться, дорогая, – сказал он.

Лицо ее ничего не выражало, как у морского пехотинца на смотру.

– До свиданья, любимый! – сказала Барбара. Губы ее были холодны, и она не потянулась к нему, а стояла прямая и застывшая, словно он целовал мраморную статую. Внезапно она оттаяла. – Я буду лелеять Ричарда, милый! Нашего сына!

Никакие другие слова не могли бы растрогать его сильнее. Он сжал ее руки в своих.

Люгер привелся к ветру, паруса захлопали, суденышко подошло к подветренному борту большого корабля. Хорнблауэр поднял глаза: над головой покачивалась готовая к спуску боцманская люлька.

– Отставить люльку! – заорал он, потом – шкиперу: – Ближе к борту!

Хорнблауэр не собирался подниматься на корабль в боцманской люльке – слишком несолидно для коммодора предстать перед командой с болтающимися в воздухе ногами. Люгер подошел к самому борту; крашенные орудийные порты оказались вровень с плечами Хорнблауэра, внизу бурлила зажатая кораблями вода. Это были неприятные секунды. Если он оступится, упадет в воду и его вытащат мокрого, вид у него будет еще более несолидный, чем в боцманской люльке. Он сбросил плащ, плотнее надвинул треуголку, поправил шпагу, чтобы не путалась в ногах, и прыгнул. Между кораблями было около ярда, и Хорнблауэр, едва коснувшись скоб, полез вверх. Трудны были только первые три фута – дальше подъем облегчался значительным завалом борта. Он смог даже помедлить и собраться с мыслями перед последним рывком к входному порту. На палубу он вступил уже с приличествующим коммодору достоинством.

Выражаясь профессионально, это была высочайшая точка его карьеры на сей день. Капитанские почести – свист боцманских дудок, четверо фалрепных, караул морских пехотинцев – были ему не в новинку. Теперь же как коммодора его встречали шестеро фалрепных в белых перчатках, морские пехотинцы и оркестр, двойной строй боцманматов с дудками, а в конце строя – офицеры в парадных мундирах. Едва он ступил на палубу, забили, перекрывая свист дудок, барабаны, трубы заиграли марш. Держа руку у треуголки, Хорнблауэр прошел вдоль строя боцманматов и фалрепных; приветствие странно взволновало его, как ни убеждал он себя в ничтожности внешних знаков своего высокого положения. Он крепился, чтобы не расплыться в глупой самозабвенной улыбке, и с трудом сохранял на лице выражение суровой, по чину, сдержанности. В конце строя застыл во флотском приветствии Буш, без усилия опираясь на деревянную ногу. При виде его Хорнблауэр вновь едва не улыбнулся от радости.

– Доброе утро, капитан Буш, – произнес он нарочито резко и протянул руку с самым что ни на есть официальным видом.

– Доброе утро, сэр.

Буш опустил поднятую в приветствии руку и схватил протянутую ладонь, в свою очередь сляясь изобразить не дружеское, а просто уважительное пожатие. Рука его была тверда, как встарь, – продвижение по службе ее не разнежило. Однако Буш тщетно пытался совладать с собой. Голубые глаза светились радостью, а обветренное лицо расплылось в невольной улыбке. Хорнблауэру все труднее было держаться официально.

Краем глаза он видел, как матрос пробежал к сигнальному фалу. Черный шар взмыл вверх: только он достиг блока, матрос дернул, и шар раскрылся. Это был коммодорский брейд-вымпел. В следующую секунду из борта корабля выкатился клуб дыма и громкий раскат возвестил о начале салюта. Это была величайшая минута в жизни Хорнблауэра, пик профессионального успеха – тысячи и тысячи флотских офицеров честно служили всю жизнь, но так и не увидели собственного брейд-вымпела, не услышали и одного выстрела в свою честь. Хорнблауэр был уже не в силах сдерживать улыбку. Он встретился глазами с Бушем и рассмеялся в открытую, и Буш рассмеялся вместе с ним. Они походили на пару школьников, которые радуются успешной проказе. И что особенно приятно – Хорнблауэр видел, что Буш не только рад вновь оказаться у него под началом, но и просто радуется его радости.

Буш взглянул за левый фальшборт, и Хорнблауэр проследил его взгляд. Он увидел остальную эскадру: два уродливых бомбардирских кеча, два шлюпа с полной корабельной оснасткой и грациозный маленький тендер. У их бортов тоже показались клубы дыма, которые почти тут же унес ветер: каждое суденышко вторило флагману, приветствуя брейд-вымпел. Буш, сощуриль глаза, следил, все ли идет как положено, и, убедившись в этом, вновь широко улыбнулся. Отгремела последняя пушка; с каждого судна дали по одиннадцать выстрелов. Хорнблауэр отметил про себя занятное обстоятельство: церемония поднятия его брейд-вымпела обошлась Англии примерно в пятьдесят фунтов. Это в то время, когда она напрягает все силы в смертельной схватке с тираном, подмявшим под себя пол-Европы. Пересвист дудок возвестил окончание церемонии; команда вернулась к своим делам, морские пехотинцы взяли ружья на плечо и, чеканя шаг, двинулись прочь.

– Счастливая минута, Буш.

– Да, сэр, и впрямь.

Предстояло познакомиться с офицерами: Буш представлял их одного за другим. Все они пока казались на одно лицо, но Хорнблауэр знал: очень скоро в корабельной скученности каждый станет отдельной личностью, а его странности – знакомыми до тошноты.

– Надеюсь, господа, вскоре мы узнаем друг друга ближе, – сказал Хорнблауэр, облакая в вежливую форму последнюю мысль.

Ноковыми талями подняли его багаж под наблюдением Брауна, который менее заметно поднялся на борт – видимо, через оружейный порт. Значит, люгер и Барбара еще рядом. Хорнблауэр подошел к фальшборту и перегнулся. Верно. Барбара стояла, как он ее и оставил, – недвижимой статуей. Но вот, похоже, и последний тюк. Как раз в ту минуту, когда Хорнблауэр приблизился к борту, шкипер приказал отцепить швартов. На люгере подняли большой грот, и суденышко с легкостью чайки понеслось прочь от корабля.

– Капитан Буш, – сказал Хорнблауэр. – С вашего позволения, мы немедленно снимаемся с якоря. Сигнальте эскадре.

Глава пятая

– Пистолеты я кладу в это отделение стола, сэр, – сказал Браун, заканчивая распаковывать вещи.

– Пистолеты? – переспросил Хорнблауэр.

Браун вытащил ящик; о пистолетах он упомянул, зная, что Хорнблауэр не ведает об их существовании. Ящик оказался очень изящный, красного дерева, внутри обит бархатом; как только Хорнблауэр откинул крышку, в глаза ему бросилась белая карточка. На ней почерком леди Барбары было выведено: «Любимому мужу. Пусть эти пистолеты никогда ему не понадобятся, но уж если понадобятся, пусть служат верно и пусть, по крайней мере, напоминают о любящей жене, которая каждодневно молится о его благополучии, счастье и успехе». Хорнблауэр дважды перечитал записку, прежде чем отложить ее и заняться пистолетами. Они были

очень красивы – из сверкающей, инкрустированной серебром стали. Рукоятки черного дерева уравнивали два тяжелых ствола. Рядом с пистолетами лежали в гнездах две медные трубочки: открыв их, Хорнблауэр обнаружил безупречно-округлые пули. Надо же, изготовители потрудились отлить специальные пули и положить их в ящик! Это заставило Хорнблауэра внимательнее взглянуть на пистолеты. Внутри стволов шли блестящие спиральные борозды, – стало быть, это нарезные пистолеты. Следующая медная коробочка вмещала промасленные кружочки из тонкой кожи – заворачивать пулю перед забиванием в ствол, для большей плотности прилегания. Латунный шомпол и маленький молоточек из того же металла – чтобы забивать пули. Латунный колпачок – мерка для пороха. Маленький – чтобы обеспечить точность стрельбы: небольшой заряд, тяжелая пуля и надежный ствол. Из такого пистолета, если не дрогнет рука, попадешь в яблочко с пятидесяти ярдов.

Но оставалась еще меньшая коробочка. В ней обнаружили очень тонкие медные квадратики. Хорнблауэра они поначалу озадачили. У каждого квадратика была в середине выпуклость, где металл утоншался и просвечивало черное содержимое. До Хорнблауэра малопомалу начало доходить, что это те самые капсули, о которых он вроде бы недавно слышал. Чтобы проверить, он положил один квадратик на стол и резко стукнул молоточком. Послышался треск, из-под молоточка вырвался дым; приподняв молоточек, Хорнблауэр убедился, что капсуль взорван, а на столе осталась выщербина.

Он еще раз осмотрел пистолеты. Где были его глаза? Ни кремня, ни зарядной полки. Боек прилегает к ровному на первый взгляд металлу, однако под ним можно нащупать небольшое углубление по форме капсуля. В середине углубления – дырочка; она, должно быть, сообщается с казенной частью ствола. Заряжаешь пистолет, вставляешь капсуль в углубление и спускаешь курок. Капсуль взрывается, огонь через дырочку поджигает заряд, и пистолет выстреливает. Никаких случайностей с кремнем и затравкой; ни дождь, ни брызги не выведут этот пистолет из строя. Осечки должны быть крайне редки – вряд ли больше одной на сто выстрелов. Чудесный подарок – какая забота со стороны Барбары. Одному Богу известно, сколько они стоят: какой-то умелец несколько месяцев трудился над этими четырьмя стволами, а медные капсули – пятьсот штук, каждый изготовлен вручную – сами по себе должны стоить баснословных денег. Зато с этими двумя пистолетами он будет держать в руках жизнь четырех человек; ясным днем, имея два дуствольных пистолета с кремневым замком, можно ждать одну, если не две осечки, а в дождь или под сильными брызгами и один выстрел можно считать удачей. Для Хорнблауэра капсули были куда важнее нарезки; пистолеты, скорее всего, понадобятся ему в абордажной схватке, когда меткость не важна: курок спускают в ту секунду, когда дуло уже уперлось в живот противнику.

Хорнблауэр уложил пистолеты в бархатные гнезда и задумался. Милая Барбара. Она всегда думает о нем, старается угодить его желаниям. И не только. Эти пистолеты – пример того, как она старается удовлетворить те его потребности, о которых он сам еще не догадывается. Барбара подняла брови, когда он сказал, что из чтения ему понадобится только Гиббон, и она купила и уложила ему с собой десятка два книг. Одну из них Хорнблауэр видел с того места, где сидел, – новую поэму, написанную спенсеровой строфой, «Чайльд Гарольд» (надо же было так назвать!), творение безумного лорда Байрона. Перед отплытием все только о ней и говорили, и, надо сознаться, он рад случаю ее прочесть, хотя сам бы ни за что не купил. Хорнблауэр с некоторым даже сожалением вспомнил свою прежнюю спартанскую жизнь и тут же сердито вскочил со стула. В следующую секунду он бы пожалел, что женился на Барбаре, а это уже полная чушь.

Он, не выходя из каюты, мог сказать, что «Несравненная» по-прежнему идет круто к свежему северо-западному ветру, что она сильно накренилась и почти не испытывает бортовой качки, хотя и подпрыгивает довольно ощутимо на коротких морских валах. Указатель компаса над головой сообщал, что корабль держит курс на Скагген. Вся каюта откликнулась на гуде-

ние натянутого такелажа, передаваемое корабельной древесиной; когда корабль переваливал через волну, доски скрипели так сильно, что в разговоре приходилось повышать голос. Одна из переборок в определенный момент килевой качки издавала хлопок, похожий на пистолетный выстрел; Хорнблауэр так привык к этому звуку, что точно знал, когда он раздастся в следующий раз.

Уже некоторое время он слышал странное неравномерное постукивание и гадал, что бы это могло быть. Собственно, неспособность распознать природу странного звука так задела его за живое, что он надел треуголку и вышел на шканцы – взглянуть своими глазами. Ничего, что могло бы издавать этот ритмичный стук: ни качаемой помпы, никто не отбивает пеньку – даже если предположить, что подобные работы могли бы производиться на шканцах линейного корабля, – только Буш и вахтенные офицеры, застывшие при появлении великого человека. Бог весть что тут стучало; может, он все же ослышался и стук доносился снизу? Надо было сделать вид, будто он вышел на палубу с определенной целью – интересно отметить, что даже коммодор первого класса вынужден прибегать к подобным уловкам, – и Хорнблауэр заходил взад-вперед по наветренной стороне шканцев, привычно сцепив руки за спиной и наклонив голову. Поклонники разнообразных удовольствий писали и говорили о садах и женщинах, вине и рыбалке – странно, что никому еще не пришло в голову воспеть прелести прогулки по шканцам.

Но что все-таки стучало? Хорнблауэр забыл, зачем вышел на палубу. Прохаживаясь, он украдкой взглядывал из-под бровей и все же не видел ничего подходящего. Шум не повторялся с того самого времени, как он вышел на палубу, однако любопытство не унималось. Он встал у гакаборта и поглядел на эскадру. Ладные шлюпы без усилий держались круто к свистящему ветру, а вот бомбардирским кечам приходилось несладко. Без фок-мачты, но с большим стакселем, они рыскали даже при сильном ветре, то и дело зарывались короткими бушпритами и черпали воду скулой.

Хорнблауэра не интересовали кечи. Он хотел знать, что стучало над головой, пока он сидел в каюте. Наконец здравый смысл одолел идиотскую стеснительность. Почему коммодору не задать простой вопрос на простую тему? С какой стати он вообще колебался? Он решительно повернулся и позвал:

– Капитан Буш!

– Сэр! – Буш заспешил к нему, стуча по палубе деревяшкой.

Тот самый звук! При каждом втором шаге Буша кожаный кружок на конце деревянной ноги ударял в палубу. Хорнблауэр, безусловно, не мог задать вопрос, который только что мысленно сформулировал. Замену пришлось придумывать на ходу.

– Надеюсь, вы доставите мне радость, отобедав сегодня со мной в каюте, – сказал Хорнблауэр.

– Спасибо, сэр. Да, сэр. Да, конечно, – ответил Буш.

Он так просиял, получив приглашение, что Хорнблауэр, спускаясь в каюту, где должен был проследить за распаковкой остального багажа, немного стыдился своего лицемерия. Впрочем, хорошо, что забавное происшествие вынудило его пригласить Буша, не то бы он весь вечер просидел в одиночестве, мечтая о Барбаре, вспоминая волшебную поездку по весенней Англии из Смолбриджа в Лондон – короче, изводя себя на корабле так же успешно, как это удавалось ему на суше.

Буш расскажет ему про офицеров и матросов, на кого полагаться и за кем приглядывать, о состоянии корабля и качестве припасов, о сотнях других вещей, которые ему необходимо знать. А завтра, если ветер поутихнет, он просигналил «Всем капитанам» и познакомится с остальными подчиненными, прикинет, что они за люди, и, возможно, начнет внушать им собственные взгляды и теории, чтобы в сражении обойтись минимумом сигналов и чтобы все действовали слаженно, в полном сознании общей цели.

Тем временем предстояло еще одно неотложное дело. Хорнблауэр вздохнул и сказал себе, что сейчас самое время. Превозмогая легкую неприязнь, он распорядился:

– Передайте, чтобы позвали мистера Брауна – моего писаря, – сказал он Брауну, который развешивал за занавеской на переборке последние сюртуки.

– Есть, сэр, – отозвался Браун.

Неудачно, что секретаря и старшину коммодорской шлюпки зовут одинаково, – из-за этого пришлось добавить к распоряжению два лишних слова.

Мистер Браун был довольно молод, худ, с ранней залысиной в бесцветных волосах и сразу Хорнблауэру не понравился. Впрочем, характерно, что Хорнблауэр вел себя с ним куда сердечнее, чем если бы почувствовал искреннюю приязнь. Он усадил Брауна на стул, а сам сел на рундук и, увидев, что молодой человек задержал взгляд на пистолетах – подарке Барбары, – любезно побеседовал о них, прежде чем перейти к делу. Он объяснил преимущества капсюлей и нарезного ствола.

– И впрямь замечательное изобретение, сэр, – сказал Браун, вновь укладывая пистолеты в обитый бархатом ящик.

Он взглянул на Хорнблауэра. Падающий из кормового окна закатный луч осветил его лицо и странно отразился в зеленоватых глазах.

– Вы прекрасно говорите по-английски, – заметил Хорнблауэр.

– Спасибо, сэр. До войны я торговал преимущественно с Англией. Я говорю также на русском, шведском, финском, польском, немецком и французском. Немного на литовском. Немного на эстонском, поскольку он похож на финский.

– Однако ваш родной язык – шведский?

Мистер Браун пожал худыми плечами:

– Мой отец говорил по-шведски. Мать говорила по-немецки, сэр. Я говорил по-фински с няней, по-французски с одним гувернером и по-английски с другим. В моей конторе мы говорили по-русски и по-польски.

– Но я думал, вы швед?

Мистер Браун вновь пожал плечами:

– Шведский подданный, сэр, но финн по рождению. Еще три года назад я мог считать себя финном.

Значит, мистер Браун – из тех бездомных изгнанников, которые в последнее время наводнили Европу, людей без подданства: французов, австрияков, поляков, немцев, обездоленных войной и вынужденных влачить жалкое существование, в надежде, что какая-нибудь будущая война вернет им кров.

– Когда русские, пользуясь пактом, который они заключили с Бонапартом, вторглись в Финляндию, – объяснил Браун, – я в числе немногих взялся за оружие. Что проку? Что могла Финляндия противопоставить российской мощи? Мне посчастливилось бежать. Мои братья, если они живы, в российской тюрьме, но надеюсь – они мертвы. В Швеции государственный переворот – там мне было не укрыться, хотя сражался я за Швецию. Германия, Дания, Норвегия – в руках Бонапарта, и он охотно выдал бы меня новому российскому союзнику. Я был на английском корабле, одном из тех, что покупали у меня лес, и потому бежал в Англию. Когда-то я был богатейшим человеком в Финляндии, где богачей так мало, теперь я беднейший человек в Англии, где бедняков так много.

Водянисто-зеленые глаза вновь отразили свет из кормового окна, и Хорнблауэру опять стало немного не по себе. Да, его секретарь – человек не из приятных. И не только потому, что вынужден служить на чужбине, а Хорнблауэру, несмотря на укору совести, как и всем, опостытели и сами изгнанники, и бесконечные скорбные рассказы – первые эмигранты начали прибывать лет двадцать назад из Франции, а затем хлынул все возрастающий поток из Польши, Италии и Германии. Вынужденный эмигрант вполне мог вызвать у Хорнблауэра предубежде-

ние – и вызвал, кстати, как сам Хорнблауэр со своим обостренным чувством справедливости признавал. Так или иначе, именно по этой причине Браун ему не понравился. Нет, неправда – он не понравился ему беспричинно.

Досадно, что до конца плавания придется тесно общаться с этим человеком. Однако в столе у Хорнблауэра адмиралтейские приказы, и там черным по белому написано внимательнейшим образом прислушиваться к советам мистера Брауна, «джентльмена, глубоко изучившего жизнь Балтийских стран». И все же Хорнблауэр искренно обрадовался, когда в дверь постучал приглашенный к обеду Буш, избавив от необходимости беседовать с мистером Брауном дальше. Молодой человек поклонился Бушу и выскользнул из каюты. Каждый мускул его тела изображал позу – нарочитую или естественную, Хорнблауэр сказать не мог, – человека, знававшего лучшие дни и вынужденного покоряться судьбе.

– Как вам ваш шведский писарь, сэр? – спросил Буш.

– Он не швед, а финн.

– Финн! Да неужто, сэр! Надо постараться, чтобы не дошло до команды.

На честной физиономии самого Буша было написано плохо скрываемое беспокойство.

– Разумеется, – ответил Хорнблауэр.

Он сделал непроницаемое лицо, чтобы Буш не заметил: коммодор совершенно упустил из виду моряцкие суеверия касательно финнов. Для моряка всякий финн – колдун, который поднятым пальцем насылает шторма, но Хорнблауэр решительно отказывался видеть такого финна в самолюбивом бедняке Брауне, несмотря на его нехорошие бледно-зеленые глаза.

Глава шестая

– Восемь склянок, сэр.

Хорнблауэр с трудом возвращался к яви, смутно чувствуя, что его отрывают от приятных сновидений, хотя он уже не помнил каких.

– Еще темно, сэр, – неумолимо продолжал Браун. – Ночь ясная. Ветер устойчивый, сильный, вест-тень-норд. Шлюпы и флотилия видны по левому борту, мы лежим в дрейфе, сэр, под крьюселем, грот-стакселем и кливером. Ваша рубашка, сэр.

Хорнблауэр сел на койке и сонно потянул с себя ночную рубашку. Сперва он думал просто накинуть что-нибудь теплое, чтобы не замерзнуть на палубе, однако требовалось блюсти коммодорское достоинство. Кроме того, он хотел создать себе репутацию человека, не пренебрегающего никакими мелочами. Собственно, для того Хорнблауэр вчера и распорядился, чтобы Браун разбудил его с запасом минут в пятнадцать. Поэтому он надел форменные штаны, сюртук и башмаки, тщательно причесался в дрожащем свете фонаря, который Браун держал в руках, и отбросил мысль о бритье. Если в четыре часа утра выйти на палубу свежевыбритым, все поймут, что коммодор озабочен своим внешним видом. Он надел треуголку, сунул руки в рукава поданного Брауном бушлата. Часовой у дверей каюты при появлении великого человека вытянулся во фронт. На полупалубе несколько смешливых юнцов, сменившихся с вахты, испуганно смолкли. И правильно.

На шканцах было так холодно и неудобно, как и должно быть до рассвета в Каттегате весенним утром. Суматоха смены вахт только что улеглась; едва различимые в темноте силуэты, которые поспешно отступали к левому борту, оставляя ему правый, были совершенно безлики, зато стук Бушевой деревяшки Хорнблауэр узнал сразу.

– Капитан Буш!

– Сэр?

– Во сколько сегодня восход?

– Э... примерно в половине шестого, сэр.

– Я не спрашивал, когда примерно. Я спросил: «Во сколько сегодня восход?»

Секундное молчание, пока совершенно уничтоженный Буш переваривал выговор. Затем другой голос произнес:

– В пять тридцать четыре, сэр.

Говорил молоденький второй лейтенант, Карлин. Хорнблауэр дорого бы заплатил, чтобы узнать: помнил Карлин время восхода или сказал наугад, в надежде, что коммодор не проверит. Да, бедняга Буш прилюдно схлопотал выволочку, но поделом: он должен был знать, когда восход, учитывая, что вчера они с Хорнблауэром составляли планы, основанные как раз на этом обстоятельстве. А дисциплине будет только на пользу, если все узнают, что коммодор не щадит никого, даже капитана линейного корабля, своего лучшего друга.

Хорнблауэр раза два прошелся по палубе. Семь дней, как они покинули Даунский рейд, и с тех пор никаких вестей. При устойчивом западном ветре их и не может быть: ни один корабль не доберется сюда из Балтики или даже из Гетеборга. Со вчерашнего дня, когда обогнули Скагген и вошли в Каттегат, он не видел ни одного паруса. Последние вести из Швеции были двухнедельной давности, а за две недели могло случиться всякое. Швеция легко могла перейти от недружественного нейтралитета к открытой войне. Впереди Зунд. Его ширина в самом узком месте – три мили, по правому борту будет Дания, союзница Франции, с левого – Швеция, а фарватер Зунда проходит под пушками Хельсингборга. Если Швеция – противник Англии, то пушки Дании и Швеции – Хельсингера и Хельсингборга – легко смогут покалечить эскадру. Отступление же, как всегда, будет опасным и трудным, а то и невозможным. Есть прямой смысл помедлить, отправить шлюпку и выяснить, какова сегодняшняя позиция Швеции.

С другой стороны, в таком случае шведы узнают об их появлении. Если рискнуть сейчас, с первым светом, возможно, удастся застигнуть артиллеристов врасплох и проскочить. Пусть даже эскадра серьезно пострадает – при нынешнем идеальном направлении ветра, вест-тень-норд, покалеченный корабль почти наверняка сумеет выйти в более широкую часть Зунда, где окажется вне досягаемости для береговых батарей. А если шведы еще колеблются, невредно показать им решительно идущую эскадру: пусть знают, что британские силы угрожают их берегам и морской торговле. Если Швеция вступит в войну на стороне Франции, он как-нибудь продержится в Балтике лето – за лето многое может произойти, – а осенью прорвется назад. Доводы за то, чтобы потянуть время и связаться с берегом, веские; за то, чтобы действовать немедленно, – весче.

Корабельный колокол пропел одну резкую ноту – чуть больше часа до восхода солнца. Небо на востоке уже вроде бы чуточку посерело. Хорнблауэр открыл было рот, но тут же себя одернул. Он собирался бросить отрывистый приказ, созвучный напряженности момента и участившемуся пульсу, но не таким ему хотелось выглядеть перед подчиненными. Пока есть время подумать и подготовиться, вполне можно изобразить человека со стальными нервами.

– Капитан Буш! – Хорнблауэр заставил себя цедить слова, отдавая приказ с видом полного равнодушия. – Сигнальте готовить все корабли к бою.

– Есть, сэр.

Два красных фонаря на грота-рее и один пушечный выстрел – ночной сигнал опасности, по которому все капитаны отправят людей по местам. Несколько секунд потребовалось, чтобы принести огонь для фонарей. К тому времени как эскадра подтвердила сигнал, «Несравненная» была уже почти готова к бою: подвахтенных вызвали наверх, у пожарных помп стояли матросы, палубы посыпали песком, пушки выдвинули и переборки убрали. Команда все еще была не очень хорошо обучена – Буш, набирая матросов, прошел через все круги ада, – но действовала не так уж плохо. На востоке занималась серая заря, шлюпы и бомбардирские кечи уже выглядели кораблями, а не просто сгустками темноты, но, чтобы войти в пролив, света еще не доставало.

Хорнблауэр повернулся к Бушу и первому лейтенанту Херсту.

– Будьте любезны, – процедил он, растягивая каждое слово со всем равнодушием, какое мог изобразить, – приготовить к подъему сигнал: «Идти под ветер в боевом строю».

– Есть, сэр.

Теперь все было готово. Последние две минуты бездеятельного ожидания всегда особенно тяжелы. Хорнблауэр хотел пройтись взад-вперед, потом вспомнил, что должен стоять неподвижно, сохраняя видимость полнейшего спокойствия. Возможно, на береговых батареях уже растопили печи, чтобы калить ядра. Возможно, через несколько минут эскадра, которой он так гордится, станет цепочкой горящих остовов. Ну все, пора.

– Поднимайте! – приказал Хорнблауэр. – Мистер Буш, я побеспокою вас просьбой обросопить паруса по ветру и следовать за эскадрой.

– Есть, сэр.

В голосе Буша звучало сдерживаемое волнение; внезапно Хорнблауэр со слепящей ясностью осознал, что на Буша его притворство не действует. За долгие годы тот усвоил: если Хорнблауэр стоит без движения, вместо того чтобы расхаживать по палубе, если тянет слова, как сейчас, значит впереди опасность. Крайне любопытное наблюдение, но осмысливать его времени не оставалось: эскадра входила в Зунд.

Первым шел «Лотос». Его командира, Викери, Хорнблауэр выбрал из других капитанов как самого хладнокровного. Велико было искушение самому возглавить колонну, однако в этой операции самым опасным будет арьергард. Первые корабли могут проскочить до того, как канониры наведут пушки и пристреляются. «Несравненная» прочнее остальных, у нее больше шансов выдержать тяжелый обстрел и взять на буксир пострадавших, поэтому она будет замыкать строй. «Лотос», развернув марсели и нижние прямые, двинулся на фордевинд. За ним последовал тендер «Моллюск», самое слабое суденышко. Его можно потопить одним выстрелом, значит он должен идти там, где надежда проскочить выше. За «Моллюском» шли два уродливых бомбардирских кеча, за ними, перед «Несравненной», второй шлюп, «Ворон». Заодно будет возможность пронаблюдать, как поведет себе в деле его командир, Коул. «Несравненная» с ветром на правой раковине устремилась следом. Хорнблауэр смотрел, как Буш дал крьюселю заполоскать, чтобы уменьшить скорость и сохранить точную позицию в кильватере «Ворона». В сравнении с изящными шлюпами двухпалубник казался неуклюжей громадиной.

По левому борту показалась Швеция, мыс Куллен.

– Бросьте лаг, пожалуйста, мистер Херст.

– Есть, сэр.

Хорнблауэру показалось, что Херст глянул на него чуть искоса, не понимая, зачем человеку в здравом уме показания лага, когда корабль в смертельной опасности. На самом же деле Хорнблауэр хотел знать, как долго предстоит выдерживать напряжение, а что проку быть коммодором, если не можешь удовлетворить мелкую прихоть? Мичман и двое старшин прибежали на корму с лагом и склянками. Корабль шел так быстро, что катушка, разматываясь, дрожала в поднятых руках старшины.

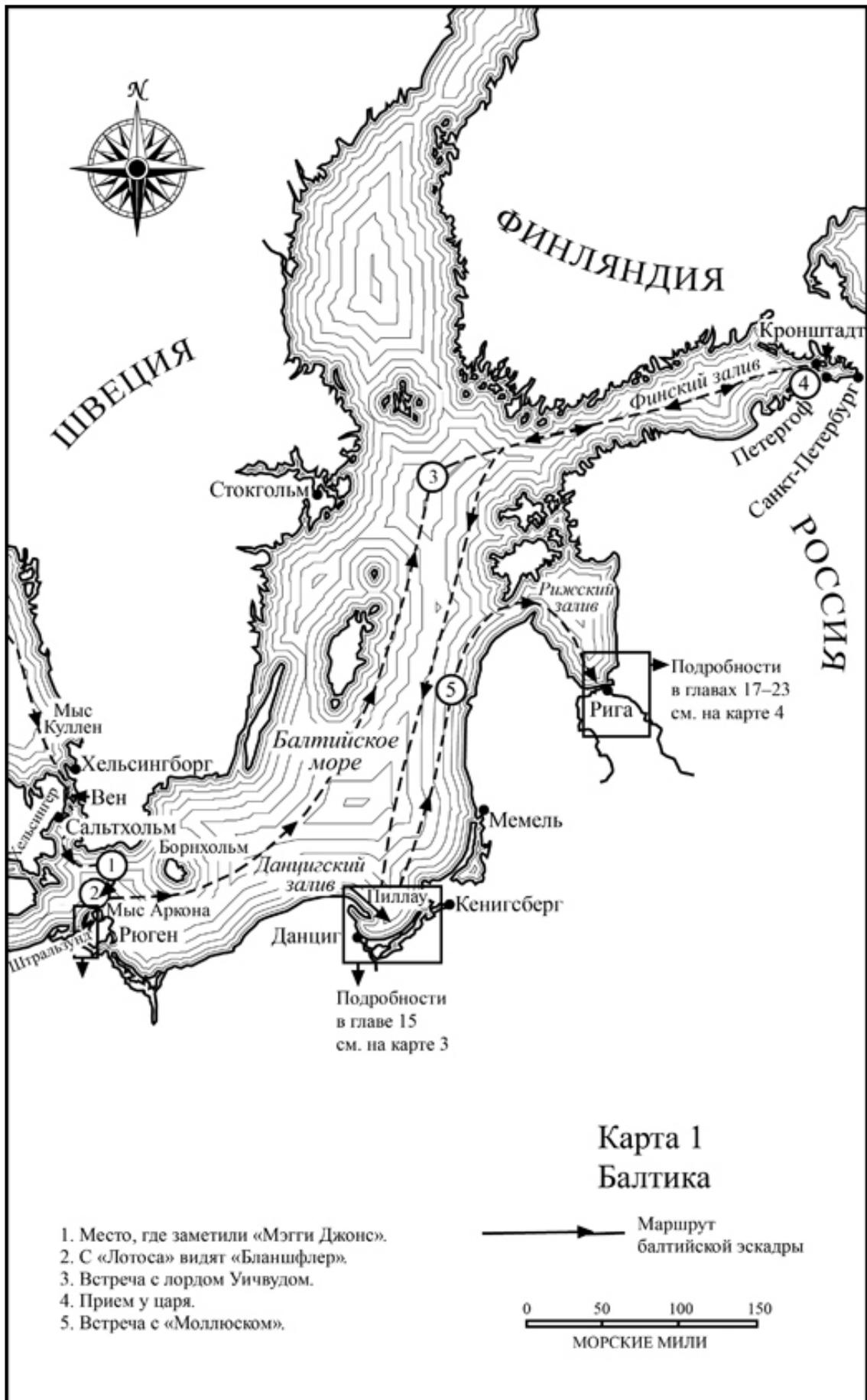
– Почти девять узлов, сэр, – доложил мичман Херсту.

– Почти девять узлов, сэр, – доложил Херст коммодору.

– Очень хорошо.

Значит, целых восемь часов, прежде чем они минуют остров Сальтхольм и будут вне опасности. По правому борту показалась Дания, едва различимая в предрассветном сумраке; пролив быстро сужался. Хорнблауэр мог вообразить, как сонные дозорные вглядываются в почти невидимые паруса, зовут сержантов, сержанты сонно идут взглянуть своими глазами, бегут к лейтенантам и, наконец, барабанная дробь сзывает канониров к пушкам. С датской стороны будут готовиться к стрельбе, потому что Дания на стороне Бонапарта и не ждет тут дружеских кораблей. А со шведской? Что надумал Бернадот в последние несколько дней? Сохраняет

ли маршал Бонапарта нейтралитет или наконец решился бросить силы Швеции на поддержку родной страны?

Вот и низкие обрывы Хельсингера, а вот шпили Хельсингборга, отчетливо видимые с левого борта, и крепость над городом. «Лотос», почти в миле впереди, наверняка уже в самом узком месте пролива. Хорнблауэр навел на него подзорную трубу: реи брасопили к повороту, а ни одного выстрела так и не прозвучало. «Моллюск» поворачивал следующим. Дай бог, чтобы неуклюжие бомбардирские кечи повернули гладко. А! Вот оно! Глухой рокот пушечного выстрела и – сразу за ним – громовой раскат залпа. Хорнблауэр перевел трубу на шведский берег. Дыма не было. Затем на датский. Дым был виден, хотя и быстро рассеивался на ветру. По приказу Буша рулевой повернул штурвал на рукоять или две, готовясь к повороту; Хельсингер и Хельсингборг неожиданно выросли совсем близко. Ширина пролива – три мили, Викери на «Лотосе» точно исполняет приказ, идет по левой стороне фарватера, в двух милях от Дании и всего в миле от Швеции. Остальные суда – точно за ним. Если шведские пушки начнут стрелять и если канониры опытные, они смогут нанести эскадре заметный урон. Три фонтанчика взметнулись по правому траверзу. Взгляд не различил ядра, но легко домысливал, как оно отскакивает от воды. Ближайший всплеск был по меньшей мере в кабельтове от корабля. Шведские пушки по-прежнему молчали. Хорнблауэр мучительно гадал: застигнуты канониры врасплах или им приказано не стрелять?

Хельсингер остался за кормой, пролив расширялся. Хорнблауэр с резким щелчком сложил подзорную трубу, не понимая, из-за чего вообще волновался. Он вызвал в памяти карту, которую так напряженно штудировал в прошедшие дни, и прикинул, что следующий раз эскадра окажется под пушками не раньше чем через час – в том месте, где фарватер проходит вблизи шведского острова Хвен¹⁰, или как это произносится на варварских северных языках? Последняя мысль заставила его оглядеться. Браун-секретарь, как и положено, стоял на шканцах – на случай, если понадобится коммодору. Стиснув руками борт, он смотрел на шведский берег. Хорнблауэр не видел его лица, но вся поза говорила, что несчастный изгнанник с тоской смотрит на землю, куда ему никогда не вернуться. Мир полон изгнанников, но этого Хорнблауэру было искренне жаль.

А вот и солнце – взошло между двумя шведскими холмами и засияло на небе. День обещал быть погожим. По шканцам пробежала тень бизань-вант. Хорнблауэр ощутил солнечное тепло и вдруг понял, что совершенно задубел от холода и неподвижности. Он раза два прошелся по шканцам, разгоняя кровь, и в голове созрела новая мысль: он хочет завтракать. Перед мысленным взором мелькнуло дивное видение дымящейся чашки кофе и тут же сменилось горьким разочарованием: корабль подготовлен к бою, все огни потушены, о горячей еде нечего и мечтать. Разочарование было таким острым, что Хорнблауэр виновато осознал: шесть месяцев на берегу совершенно его разнежили. Тошно было думать о корабельных сухарях и холодном мясе с водой, уже изрядно простоявшей в бочках.

Эта мысль напомнила ему о матросах, которые терпеливо ждали у пушек. Хорошо бы и Буш о них вспомнил. Хорнблауэр не мог вмешиваться в мелочи корабельного распорядка – от этого вреда было бы больше, чем пользы, – но изнывал от желания отдать звучащий в голове приказ. Он попытался телепатически внушить свои мысли Бушу – разумеется, без всякого результата. Тогда он прошел к подветренному борту, якобы желая получше рассмотреть шведский берег, и остановился в двух шагах от капитана.

– Сдается, Швеция все еще нейтральна, – произнес он словно между прочим.

– Да, сэр.

– Точнее узнаем, когда доберемся до Хвена, или как там это читается? Там фарватер проходит близко от шведских батарей.

– Да, сэр, я помню.

---

¹⁰ *Хвен* – остров Вен (Hven).

– Но до него еще примерно час. Я попрошу принести мне сюда завтрак. Вы присоединитесь ко мне, капитан?

– Благодарю вас, сэр, с превеликим удовольствием.

Такого рода приглашение для капитана равносильно приказу. Однако Буш, как хороший офицер, не станет есть, когда его матросы стоят голодные. По его лицу было явственно видно, что он борется с нервным, хоть и непрактичным желанием держать людей у пушек, пока опасность не минует окончательно. В конце концов, Буш стал капитаном совсем недавно и тяжело переживает свою ответственность. Но здравый смысл все-таки победил.

– Мистер Херст. Отпустите подвахтенных. Полчаса им на то, чтобы позавтракать.

Именно этого приказа Хорнблауэр от него добивался – однако удовольствие от достигнутого не уравновешивало досаду от ненужного разговора и предстоящей теперь застольной беседы. Напряженная тишина подготовленного к бою корабля сменилась топотом босых ног. Буш крикнул, чтобы на шканцы принесли стол и стулья. Он засуетился, выбирая для них место, где коммодору будет удобнее завтракать. По взгляду Хорнблауэра Браун-вестовой расставил на столе закупленные Барбарой деликатесы: лучшие корабельные галеты, масло в горшочке, еще не прогоркшее, клубничный джем, бекон, копченую баранью рульку с эксмутской фермы, чеддер и стилтонский сыр, озерную форель, которую много часов тушили в сливочном масле с пряностями, чтобы она сохранялась долгое время. Кроме того, Брауну пришла блестящая мысль выдавить несколько лимонов из быстро тающего запаса, чтобы отбить привкус корабельной воды. Он прекрасно знал, что Хорнблауэр не может пить за завтраком пиво, даже слабое, а больше воду было заменить нечем.

Буш с явным удовольствием оглядел стол и по приглашению Хорнблауэра сел есть. Буш тоже почти всю жизнь был беден – ему приходилось содержать на свое жалованье целую кучу родственников. Он еще не пресытился роскошью. Однако Хорнблауэра разобрало упрямство: он хотел кофе, а раз кофе нет, то ему ничего не надо. Даже лимонад казался насмешкой. Он ел через силу. Ему представлялось, что Буш, густо намазывая на галету тушеную форель, а затем с аппетитом отправляя ее в рот, делает это нарочно, чтобы его позлить. Буш глянул через стол и сдержал уже готовую сорваться с губ похвалу еде. Если его непостижимый коммодор решил быть не в духе, лучше просто помолчать. Буш лучше жены, подумалось Хорнблауэру, который чутко уловил эту смену выражений.

Он вытащил часы, чтобы напомнить Бушу о следующем приказе.

– Подвахтенным по местам. Вахтенным завтракать! – крикнул Буш.

Странно – наверное, правильнее сказать, драматично – было сидеть под балтийским солнцем и неторопливо завтракать всего в трех милях от полчищ, которыми наводнил Европу тиран. Браун принес сигары. Буш срезал кончик своей матросским складным ножом, Браун подал тлеющий фитиль из ведра рядом со шканцевой каронадой. Хорнблауэр с наслаждением вдохнул дым и понял, что больше не может злиться: солнце пригревает, сигара отлично тянется, авангард миллионной французской армии в трех милях отсюда смотрит на эскадру с бессильной злостью. Стол убрали, и Хорнблауэр вытянул ноги. Даже Буш сделал то же самое – по крайней мере, сдвинулся с краешка стула чуть глубже. Его деревянная нога торчала вперед, хотя другая скромно оставалась согнутой. «Несравненная» по-прежнему летела вперед под незарифленными парусами, немного кренясь на ветру, и зеленое море весело пенилось под ее носом. Хорнблауэр вновь затыкнулся сигарой, чувствуя невероятный душевный покой. После недавней досады ощущение было такое, словно по волшебству отпустила зубная боль.

– Хвен почти на расстоянии выстрела, сэр, – доложил первый лейтенант.

– Все по местам! – скомандовал Буш, глянув на Хорнблауэра.

Однако Хорнблауэр сидел спокойно. Он вдруг ощутил полную уверенность, что пушки Хвена стрелять не будут, и ему не хотелось выбрасывать сигару, сослужившую такую добрую службу. Буш еще раз покосился на коммодора и решил последовать его примеру. Хорнблауэр

едва удостоил взглядом Хвен, когда тот возник на подветренной скуле и пропал за подветренной раковиной. Он думал о Сальтхольме и Амагере впереди. Там будет и впрямь опасно: оба острова в руках датчан, пролив глубиной в двенадцать саженей проходит между ними близко к обоим. И тем не менее времени докурить сигару еще предостаточно.

Наконец он с искренним сожалением сделал последнюю затяжку, медленно встал и подошел к подветренному борту, чтобы аккуратно бросить окурок в море.

Эскадра, внезапно возникшая в серых рассветных сумерках, застигла гарнизон Хельсингера врасплох. Теперь так не получится. В такую ясную погоду с Сальтхольма и Амагера ее увидят за десять миль, и канониры успеют хорошо подготовиться. Хорнблауэр оглядел строй кораблей.

– Сигнальте «Мотыльку», – бросил он через плечо. – «Лучше держать дистанцию».

Чем сильнее растянется эскадра, тем дольше она будет под огнем. В подзорную трубу острова уже были видны отчетливо. Удачно, что Сальтхольм такой плоский: его пушки не смогут стрелять далеко. Копенгаген, должно быть, сразу за горизонтом по правому борту. Викери вел «Лотос» в точности тем курсом, который Хорнблауэр указал для него в приказах. Над Сальтхольмом за клубился дым, грянули пушки – очень нестройный залп. Все корабли впереди вроде бы были целы. «Лотос» отстреливался. Едва ли игрушечные девятифунтовки могут с такого расстояния нанести батареям вред, но дым хотя бы спрячет суденышко. Теперь уже весь Сальтхольм окутался дымом, пушки грохотали непрерывно, как барабанная дробь. Амагер все еще был более чем на расстоянии выстрела. Викери разворачивал свой шлюп. Буш весьма разумно поставил на руслене лотового.

– Семь саженей!

Семь саженей при начале прилива – более чем достаточно. Бурое на зеленом – это батареи Сальтхольма, едва различимые в дыму. На главной палубе молодой Карлин указывал цель канонирам двенадцатифунтовок левого борта.

– Глубже шести! Шесть с половиной!

Раздирающий уши грохот – это разом выпалила батарея левого борта. «Несравненная» накренилась от отдачи, и тут раздался крик лотового:

– Шесть с половиной!

– Право руля! – скомандовал Буш. – Приготовиться у пушек правого борта!

«Несравненная» изготовилась к повороту; насколько Хорнблауэр мог сказать, по ним еще не выпустили ни одного ядра.

– Пять саженей!

Должно быть, корабль проходит по краю мели. Батарея Амагера по правому борту была видна отчетливо. Угол подъема пушек при крене чуть больше, значит они вполне могут до нее дострелить. На сей раз два бортовых залпа громыхнули одновременно, оглушая, дым от пушек правого борта за клубился по палубе, раздражая глаза и ноздри.

– Пять с половиной!

Уже лучше. Черт, в «Гарви» попали! Бомбардирский кеч в двух кабельтовых впереди «Несравненной» мгновенно превратился из боевого судна в неуправляемый остов. Непропорционально большая грот-мачта переломилась у самой палубы и вместе с вантами и парусами тащилась за раковиной. Короткая бизань-стенга тоже рухнула и теперь висела на эзельгофте. «Ворон», согласно приказу, миновал беспомощный «Гарви». Теперь к нему приближалась «Несравненная».

– Обстенить грот-марсель! – гаркнул Буш.

– Приготовиться у бросательного конца! – заорал Херст.

– Пять с половиной!

– Руль под ветер! – скомандовал Буш, и тут снова дали залп пушки правого борта, навденные на Амагер, и палубы окутались дымом.

«Несравненная» накренилась; обстетенный марсель поймал ветер и застопорил ее ход. Большой корабль навис над покалеченным «Гарви». Маунд, его командир, стоял у основания бизань-мачты, направляя усилия команды. Хорнблауэр поднес к губам рупор.

– Теперь рубите обломки, живей! – приказал он.

– Принимайте бросательный конец! – крикнул Херст.

Ловко брошенный конец упал на бизань-ванты, и Маунд сам его поймал; Херст побежал вниз, чтобы проследить, как трос проденут в буксирный канат, приготовленный на нижней, пушечной палубе. Оглушительный треск в носовой части корабля сообщил, что по крайней мере одно ядро попало в «Несравненную». На палубе «Гарви» матросы яростно рубили топорами ванты, несколько человек тянули трехдюймовый канат, привязанный к бросательному концу. Снова треск впереди. Хорнблауэр, обернувшись, увидел, что у русленя лопнули две фок-ванты. «Несравненная» была почти в положении левентик, так что ни правая ее батарея, ни левая не могли бы достать до берега, однако Карлин заставил два орудийных расчета правыми развернуть две ближайšie к носу пушки – по берегу стоило палить хотя бы для того, чтобы датские канониры не чувствовали себя как на учениях. Хорнблауэр вновь повернулся к корме: она чуть не врезалась в раковину «Гарви», но какой-то толковый офицер уже отправил матросов на кормовую галерею – отталкиваться запасным рангоутом. Канат медленно полз к «Гарви»; на глазах у Хорнблауэра матросы с кеча потянулись и схватили его руками.

– Мы потащим вас кормой вперед, мистер Маунд! – крикнул Хорнблауэр в рупор. Не стоило тратить время на то, чтобы перетаскивать канат вперед.

Маунд замахал рукой, показывая, что понял.

– Четверть до пяти, – донесся выкрик лотового. Сцепленные корабли несло на мели Сальтхольма.

Сразу за криком лотового громыхнули пушки, которые Карлин сумел навести на батареи Амагера, и тут же над головой с ревом пролетело ядро. В грот-марселе и крьюселе появились дыры – противник стрелял по мачтам «Несравненной».

– Развернуть паруса по ветру? – раздался рядом с Хорнблауэром голос Буша.

Маунд намотал буксирный канат на бизань-мачту «Гарви», далеко сдвинутую к корме, и махал руками, показывая, что все готово. Его матросы заканчивали рубить грот-ванты.

– Да, капитан. – Хорнблауэр замялся, прежде чем дать совет в деле, находящемся полностью в компетенции Буша. – Канат надо натягивать плавно, не то он лопнет или у них выворотит мачту. Разверните передние паруса к правому борту и постепенно набирайте ход, прежде чем обрасопить марсель.

– Есть, сэр.

Буш не обиделся, что Хорнблауэр ему указывает; он отлично знал, что совет коммодора дороже золота.

– И я бы на вашем месте держал буксирный канат коротким. Кормой вперед, неуправляемый, так «Гарви» пойдет лучше всего.

– Есть, сэр.

Буш повернулся и начал выкрикивать приказы. Под передними парусами «Несравненная» развернулась из положения левентик, и Карлин тут же возобновил стрельбу. Корабль наполнился дымом и адским грохотом пушек. Ядра, выпущенные с Амагера, по-прежнему попадали в цель или проносились над головой. Недолгое относительное затишье пререзал голос лотового:

– Четыре с половиной!

Чем быстрее они уберутся с этих мелей, тем лучше. Фор-марсель и крьюсель начали наполняться, передние паруса давали тягу. Канат натянулся, и слух, оправившись от нового бортового залпа, различил скрип принимающих напряжение битенгов и потрескивание самого каната. С палубы «Несравненной» было слышно даже, как скрипит от натуги бизань-мачта

«Гарви». Буш отдавал приказание рулевому. Двухпалубник тянул «Гарви» за корму, постепенно разворачивая. Все делалось образцово. Хорнблауэр кивнул самому себе. Если Буш коснется на него (а Хорнблауэр предполагал, что коснется), то увидит этот кивок и почувствует себя увереннее.

– К брасам! – заорал Буш, словно читая мысли коммодора.

Под развернутыми фор-марселем и крьюселем «Несравненная» заскользила быстрее. Для судна, не управляемого рулем, кеч следовал за ней на редкость покладисто. Стоило об этом подумать, как он мотнулся вправо, натягивая буксирный канат под ружейный салют скрипов и тресков. Хорнблауэр при этом зрелище покачал головой, и Буш, уже готовый приказать, чтобы обрасопили грот-марсель, закрыл рот.

– Право руля, мистер Маунд! – крикнул Хорнблауэр в рупор. Если развернуть руль «Гарви», может быть, дело пойдет чуть лучше: каждое судно при буксировке ведет себя по-своему. Скорость увеличивается, и это тоже может изменить поведение «Гарви» в ту или иную сторону.

– Пять саженей!

Уже лучше. И «Гарви» тоже вел себя вполне прилично. Теперь он рыскал лишь самую малость: то ли помогло увеличение скорости, то ли поворот руля.

– Отлично, капитан Буш, – важно проговорил Хорнблауэр.

– Спасибо, сэр, – ответил Буш и тут приказал обрасопить грот-марсель по ветру.

– Шесть саженей!

Значит, они миновали Сальтхольмскую мель. Хорнблауэр внезапно осознал, что пушки уже некоторое время не стреляют и что батарея Амагера тоже молчит. Выходит, они миновали пролив ценою всего лишь одной сбитой мачты. Больше не придется идти под вражескими пушками – можно обогнуть Фальстербо, не приближаясь к шведским батареям.

– Девять саженей!

Буш глянул на него с озадаченным восхищением, какое Хорнблауэр видел на лице друга уже не раз. А ведь все было так просто! Каждый догадался бы, что буксировку пострадавших судов лучше доверить «Несравненной», а сообразив это, велел бы заранее приготовить буксирный канат, бросательные концы и все остальное. Всякий поставил бы «Несравненную» в конце строя, чтобы без промедления взять пострадавших на буксир. Любой проделал бы те же выкладки. То, что Буш так на него смотрит, несколько раздражало.

– Дайте общий сигнал «Лечь в дрейф», – сказал Хорнблауэр. – Капитан Буш, пожалуйста, приготовьтесь отдать буксирный канат. Временную мачту на «Гарви» надо поставить до того, как будем огибать Фальстербо. Может быть, вы отправите матросов помочь в работе?

С этими словами он ушел в каюту. Ему не хотелось видеть ни Буша, ни кого-либо другого. Он чувствовал себя совершенно выжатым. Позже будет время сесть за стол и приступить к утомительному: «Сэр, имею честь доложить...» И еще – составить списки убитых и раненых.

Глава седьмая

Его британского величества семидесятичетырехпушечный корабль «Несравненная» шел на фордевинд с устойчивым западным ветром под малыми парусами. Следом, как два гадких утенка за дородной мамашей, двигались бомбардирские кечи. Справа, на расстоянии предельной видимости – «Лотос», далеко слева – «Мотылек». За «Вороном» – невидимый с «Несравненной» «Моллюск». Четыре корабля составляли цепь, которой можно прочесать узкое горлышко Балтийского моря от Швеции до Рюгена. Новостей по-прежнему не было. В начале навигации все балтийские купеческие суда стремятся наружу, к Англии и Европе; для них западный ветер – встречный. Несмотря на солнце, воздух был свежий и зябкий, море под небом в мелких пятнышках облаков – серебристо-серое.

Под струей из помпы Хорнблауэр задохнулся и задрожал от холода. Пятнадцать лет он служил в тропиках и в Средиземноморье; не упомнить, сколько раз на него лили теплую воду. Балтийская вода, охлажденная льдами Ботнического и Финского заливов, талыми водами Одера и Вислы, всякий раз оказывалась неожиданно студеной. И все же она странно бодрила; он нелепо приплясывал под мощной струей, забыв – как всегда во время купаний – о приличествующем коммодору достоинстве. Шестеро матросов, под присмотром корабельного плотника чинившие разбитый ядром пушечный порт, поглядывали на него с удивлением. Двое у помпы и Браун с халатом и полотенцем наготове хранили серьезные мины – они знали, что коммодор их видит.

Внезапно струя иссякла. Перед коммодором стоял щуплый мичман. Мальчик только что откозырял; несмотря на торжественность момента – как-никак он обращается к великому человеку, – глаза у него были круглые от изумления.

– В чем дело? – спросил Хорнблауэр. Он не мог ответить на приветствие.

– Меня прислал мистер Монтгомери, сэр. «Лотос» сигналил: «Парус под ветром», сэр.

– Очень хорошо.

Хорнблауэр выхватил у Брауна полотенце, но известие было слишком важное – не до вытиранья. Мокрый и голый, он поднялся по трапу, Браун бежал следом с халатом. Вахтенный офицер откозырял, как только Хорнблауэр появился на шканцах. Все было как в старой сказке: окружающие старательно не замечали, что коммодор – голый.

– Новый сигнал с «Лотоса», сэр. Преследуемый идет левым галсом, курсом ост-тень-норд и полрумба к осту.

Хорнблауэр подбежал к нактоузу и на глаз взял пеленг. С палубы видны были только марсели «Лотоса». Чей бы ни был неизвестный парус, его надо остановить и узнать новости. На шканцы, торопливо застегивая мундир, поднялся Буш.

– Капитан Буш, я побеспокою вас просьбой изменить курс на два румба вправо.

– Есть, сэр.

– «Лотос» опять сигналил, сэр. «Преследуемый – трехмачтовый корабль. Вероятно, английский торговый».

– Очень хорошо. Поднимите все паруса, капитан Буш, пожалуйста.

– Есть, сэр.

По кораблю засвистели дудки. Четыреста человек побежали по вантам отдавать бомбрамсели и ставить лисели. Хорнблауэр профессиональным глазом наблюдал за ними. Команде недоставало сноровки; несмотря на крики вахтенного и понукания уорент-офицеров, дело продвигалось чересчур медленно. Маневр еще был не закончен, когда с мачты донесся новый крик:

– Парус на правой скуле!

– Должно быть, тот корабль, который заметили с «Лотоса», – сказал Буш. – Эй, на салинге! Что видно?

– Корабль, сэр! Идет бейдевинд. Мы держим курс на него.

– Поднимите флаг, мистер Херст. Если корабль направляется к Зунду, сэр, он сменил бы галс, даже если бы не появился «Лотос».

– Да, – сказал Хорнблауэр.

Вахтенный мичман с подозрительной трубой добежал по вантам до салинга, и оттуда донесся его пронзительный мальчишеский голос:

– Британский флаг, сэр!

Хорнблауэр вспомнил, что по-прежнему стоит мокрый и голый – по крайней мере, мокрый в тех местах, которые не обдувал ветер. Он только начал промокать полотенцем эти укромные необсохшие уголки, как его вновь прервали.

– Вот он! – крикнул Буш. Над горизонтом, видимые с палубы, показались верхние паруса корабля.

– Возьмите курс, чтобы пройти от него на расстоянии окрика, пожалуйста, – сказал Хорнблауэр.

– Есть, сэр. Рулевой, румб вправо. Убрать лисели, мистер Херст.

Корабль, к которому они приближались, шел прежним курсом. Ничто в нем не вызывало подозрений, даже то, что при виде «Лотоса» он сменил галс.

– Лес из Южной Балтики, сэр, – сказал Буш, наведя подзорную трубу. – Уже видно груз на палубе.

Как почти на всех маленьких кораблях, идущих из Балтийского моря, у этого вдоль фальшбортов баррикадами громоздились штабеля бревен.

– Пожалуйста, поднимите сигналы для торговых судов, капитан, – распорядился Хорнблауэр.

Он смотрел, как на фалах корабля появился ответ.

– А... Т... числовой... пять... семь, сэр, – читал Херст в подзорную трубу. – Верные сигналы для прошлой зимы, а новых кодовых книг они еще получить не успели.

– Сигнальте: «лечь в дрейф», – приказал Хорнблауэр.

С задержкой, естественной для торгового судна, где команда мала и никто не умеет толком читать сигналы, корабль обстенил грот-марсель и лег в дрейф. «Несравненная» быстро неслась к нему.

– Они поднимают желтый карантинный флаг, – внезапно доложил Херст.

– Очень хорошо. Пожалуйста, капитан Буш, положите корабль в дрейф.

– Есть, сэр. И если не возражаете, я буду держаться от них на ветре.

«Несравненная» обстенила марсели и привелась к ветру на расстоянии пистолетного выстрела от торгового корабля. Хорнблауэр поднял рупор:

– Что за корабль?

– «Мэгги Джонс» из Лондона. Одиннадцать дней из Мемеля!¹¹

Кроме рулевого, у штурвала на полуяоте «Мэгги Джонс» было только два человека. Один, в белых парусиновых штанах и синем сюртуке, очевидно, капитан. Это он отвечал в рупор.

– Из-за чего карантинный флаг?

– Оспа. Семь больных на борту, двое умерли. Первый случай – неделю назад.

– Оспа, черт побери! – пробормотал Буш. Ему уже рисовалась ужасная картина оспы на его обожаемом корабле, где в невероятной скученности обитают девятьсот человек.

– Почему идете без конвоя?

– В Мемеле не было военных кораблей. Рандеву двадцать четвертого у Лангеланна. Сейчас идем к Бельту.

– Какие новости? – Хорнблауэр терпеливо выдержал всю предварительную часть разговора, прежде чем задать этот вопрос.

– Российское эмбарго по-прежнему в силе, но у нас лицензия.

– Швеция?

– Бог ее знает, сэр. Некоторые говорят, что она ужесточила эмбарго.

Из-под палубы «Мэгги Джонс» донесся странный приглушенный вой, едва различимый на «Несравненной».

– Что там у вас за шум? – спросил Хорнблауэр.

– Один из больных. Он в горячке, бредит. Говорят, на следующей неделе царь встречается с Бернадотом на конференции где-то в Финляндии.

– Есть какие-нибудь признаки, что Россия готовится к войне с Францией?

– В Мемеле я ничего такого не видел.

---

¹¹ Мемель – современная Клайпеда.

Горячечный больной, видимо, буйствовал не на шутку, ибо его крики долетали до Хорнблауэра даже против ветра. Неужто один человек способен производить столько шума? Крики больше походили на приглушенный хор. На Хорнблауэра волной нахлынули подозрения. Человек в белых штанах на полуяте «Мэгги Джонс» отвечал слишком четко, слишком по-военному. Флотский офицер вполне мог обсуждать вероятность грядущей войны так хладнокровно, шкипер торгового судна вложил бы в свои слова больше чувства. И шумит явно не один человек. Капитан вполне мог сообщить о встрече царя с Бернадотом для отвода глаз, чтобы Хорнблауэр не обратил внимания на крики. Что-то не так.

– Капитан Буш, – сказал Хорнблауэр, – отправьте туда шлюпку с абордажной командой.

– Сэр! – яростно запротестовал Буш. – Сэр, у них на борту оспа... сэр! Есть, сэр.

Невысказанные протесты Буша скончались в муках при взгляде на лицо коммодора. Он напомнил себе, что Хорнблауэр не хуже его знает, как опасно занести на корабль оспу. Второй взгляд на коммодора убедил Буша, что решение далось тому нелегко.

Хорнблауэр вновь поднес к губам рупор.

– Я отправляю к вам шлюпку, – крикнул он.

С расстояния в двадцать футов трудно определить, изменилось ли поведение человека, особенно если тот говорит в рупор, и все же Хорнблауэру показалось, что капитан вздрогнул. Определенно он немного помедлил, прежде чем ответить:

– Как вам угодно, сэр. Я предупредил про оспу. Вы можете прислать врача и медикаменты?

Именно это он должен был сказать. И все равно пауза была подозрительной, как будто он в замешательстве и спешно подыскивает уместный ответ. Рядом стоял Буш со страдальческой миной, надеясь, что Хорнблауэр возьмет свое распоряжение назад, но тот молчал. По приказу боцмана вельбот подняли таями и спустили за корму. Мичман и гребцы нехотя спустились в шлюпку. Они бы храбро бросились на абордаж против вооруженного неприятеля, но мысль об ужасной болезни лишала их мужества.

– Отваливай, – приказал вахтенный, последний раз взглянув на Хорнблауэра.

Вельбот заплесал на волнах, направляясь к «Мэгги Джонс». Тут Хорнблауэр увидел, что капитан бросил рупор на палубу и озирается, словно ища путь к бегству.

– Оставайтесь в дрейфе, или я вас потоплю! – загремел Хорнблауэр.

Капитан, в отчаянии всплеснув руками, обреченно замер.

Вельбот зацепился за грот-руслень «Мэгги Джонс», и мичман с гребцами запрыгнули на палубу. Команда не сопротивлялась, но, когда матросы добежали до кормы, раздался пистолетный хлопок, и мичман склонился над бьющимся в агонии капитаном. Хорнблауэр мысленно поклялся отдать сопляка под суд, сгноить, пустить по миру, если тот по дурости застрелил капитана. Он безумно алкал и жаждал новостей, сведений, фактов; мысль, что капитан умрет, ничего не сообщив, приводила его в бешенство.

– Какого дьявола я не отправился туда сам? – спросил он, ни к кому в особенности не обращаясь. – Мистер Буш, будьте любезны спустить на воду мой катер.

– Но оспа, сэр...

– К чертям оспу! Никакой оспы там нет.

Через воду донесся голос мичмана:

– Эй, на «Несравненной»! Это приз! Захвачен вчера французским приватиром!

– Кто капитан, с которым я говорил? – крикнул Хорнблауэр.

– Английский перебежчик, сэр. Он застрелился, когда мы поднялись на борт.

– Он умер?

– Еще нет, сэр.

– Мистер Херст, – сказал Буш, – отправьте туда врача. Даю ему минуту на сборы. Перебежчика надо спасти любой ценой. Я хочу видеть, каков он будет на ноке рея.

– Отправьте врача в моем катере, – сказал Хорнблауэр. Затем – в рупор: – Пришлите ко мне пленных и корабельных офицеров.

– Есть, сэр.

– А теперь, черт побери, я что-нибудь на себя надену.

Хорнблауэр наконец осознал, что больше часа простоял на шканцах голый. Если бы он две минуты назад дал волю порыву, то высадился бы на «Мэгги Джонс» в чем мать родила.

Капитана и двух помощников проводили в коммодорскую каюту, и Хорнблауэр с Бушем, разложив на столе карту Балтийского моря, принялись с жаром выспрашивать у них новости.

– Изменник сообщил вам правду, сэр, – сказал капитан. – Мы действительно уже десять дней шли от Мемеля к Бельту, когда нас атаковал приватир – большой, по десять пушек с каждого борта, гладкопалубный. Название «Бланшфлер». То, что лягушатники зовут корветом. Под французским флагом. Оставили у нас на борту призовую команду во главе с перебежчиком – его фамилия Кларк, сэр. Думаю, когда вы нас перехватили, он держал курс на Киль. Нас заперли в лазарете. Боже, как же мы орали, надеялись, вы нас услышите!

– Мы слышали, – сказал Буш.

– Как обстояли дела в Мемеле, когда вы оттуда уходили? – спросил Хорнблауэр.

Капитан наморщил лоб; если бы он был французом, то пожал бы плечами.

– Все как всегда. Русские порты по-прежнему для нас закрыты, но лицензию дают всякому, кто попросит. То же самое и со Швецией.

– Что насчет войны между Россией и Бонапартом?

На сей раз капитан действительно пожал плечами:

– Все о ней говорят, но пока ничего определенного не происходит. Солдаты повсюду. Если Бони нападет, русские будут худо-бедно готовы.

– А вы думаете, нападет?

– Спросите кого-нибудь другого, сэр, я не знаю. Но Кларк сказал вам правду. Царь скоро встречается с Бернадотом. Я простой человек, мне это ничего не говорит. Вечно у них всякие встречи, конгрессы и конференции.

Значит, все по-прежнему: Швеция и Россия – номинальные враги Англии, номинальные союзники Бонапарта, якобы воюют, якобы мирятся на манер, вошедший последнее время в моду. До сих пор непонятно, решится ли Бонапарт на войну с Россией. Его не понять. Казалось бы, самое разумное – довершить войну в Испании и попытаться захватить Англию, прежде чем начинать военные действия на востоке. С другой стороны, если быстро нанести решительный удар по России, можно будет не опасаться могучего соседа, чьей дружбе Бонапарт не слишком-то доверяет. Он покорил все европейские государства – за исключением Англии, – и Россия едва ли сможет противостоять его натиску. После победы над ней у него не останется врагов на материке, и Англии придется бороться с ним в одиночку. Все-таки хорошо, что Англия не поддержала Финляндию, когда Россия на нее напала, иначе на союз с Россией рассчитывать было бы труднее.

– Теперь расскажите мне подробнее про «Бланшфлер», – сказал Хорнблауэр, склоняясь над картой.

– Он напал на нас у Рюгена. Засниц был на пеленге зюйд-вест, в восьми милях. Понимаете, сэр...

Хорнблауэр внимательно слушал объяснение. Двадцатипушечный корвет под командованием французского капитана – серьезная угроза для балтийской торговли. Сейчас, с началом навигации, первая задача эскадры – захватить его или заблокировать в порту. Такой корвет в силах дать серьезный бой даже шлюпу, и в кильватерной погоне «Несравненной» его не догнать, а значит, хорошо бы заманить «Бланшфлер» в ловушку. Он отправляет призывы в Киль, откуда, избавившись от пленных и набрав в команду французов, они пускаются в опасный путь

вдоль датского побережья: Бонапарт строит военные корабли во всех портах от Гамбурга до Триеста и отчаянно нуждается во флотских припасах.

– Спасибо, джентльмены, – сказал Хорнблауэр, – не буду вас больше задерживать. Капитан Буш, теперь мы поговорим с пленными.

Однако от захваченных моряков ничего толком узнать не удалось, хоть их и приводили для допроса поодиночке. Четверо были французы: Хорнблауэр разговаривал с ними сам под восхищенными взглядами Буша – тот уже позабыл немногие французские слова, выученные за время вынужденного пребывания во Франции. Двое оказались датчанами, еще двое – немцами. Переводить их вызвали мистера Брауна. Все четверо были опытными моряками и, насколько Хорнблауэр мог судить, пошли на «Бланшфлер», чтобы избежать принудительной вербовки в армию или на флот Бонапарта. Французы отказались служить в британском флоте и предпочли отправиться в тюрьму, даже понимая, что, возможно, пробудут в ней до конца дней. Остальные согласились сразу, как Браун перевел им это предложение. Буш довольно потирал руки: его хронически недоукомплектованная команда пополнилась четырьмя бывальыми моряками. На «Бланшфлере» они немного научились говорить по-французски, на «Лотосе» или «Несравненной» быстро начнут понимать английский: линек в руках опытного унтер-офицера – лучший учитель.

– Уведите их и включите в списки, мистер Херст, – сказал Буш, вновь потирая руки. – А теперь, сэр, может, глянем на этого треклятого изменника?

Кларк лежал на главной палубе, куда его таями подняли со шлюпки. Над ним склонился врач. Выстрел, которым Кларк хотел себя убить, всего лишь разнес ему челюсть. Кровь была на синем сюртуке и на белых штанах, голову скрывали бинты, раненый корчился на куске парусины, на котором его подняли на корабль. Хорнблауэр глядел на него сверху вниз. Лицо Кларка было так бело, что загар казался пленкой грязи. Черты – правильные, изящные, безвольные: тонкий нос, впалые щеки, карие женственные глаза, опущенные редкими рыжеватыми ресницами. Волосы, там, где они проглядывали между бинтами, тоже были редкими и рыжеватыми. Что заставило этого человека изменить родине и пойти на службу к Бонапарту? Отвращение к плену? Хорнблауэр знал, что это такое, – он сам был узником в Ферроле и в Росасе. Однако тонкое, чересчур правильное лицо вроде бы не говорило о сильной натуре, которую заточение доводит до умопомешательства. Может быть, тут замешана женщина, или он дезертировал с флота, чтобы избежать наказания; интересно, нет ли у него на спине шрамов от девятихвостой кошки? А может, он ирландец, из тех фанатиков, кто в своей ненависти к Англии не видит, что Бонапарт, случись ему захватить Ирландию, станет притеснителем куда хуже англичан.

Так или иначе, в сообразительности ему не откажешь. Как только Кларк увидел, что путь к бегству отрезан, он предпринял единственно возможный шаг: двинулся к «Несравненной», как ни в чем не бывало, и очень ловко соврал про оспу.

– Он выживет? – спросил Буш врача.

– Нет, сэр. У него множественные оскольчатые переломы мандибулы – я хочу сказать, челюсть вдребезги, сэр. Максилла местами тоже раздроблена, а язык – и вообще вся глоссофарингеальная область – в клочьях. Кровотечение может оказаться фатальным, хотя я этого не жду. Однако гангрена в этой части организма немедленно дает летальный исход. В любом случае он умрет от истощения – в смысле от голода и жажды, даже если некоторое время мы сможем поддерживать его ректальными впрыскиваниями.

Гадко, но необходимо было улыбнуться напыщенности врача и ответить беспечно:

– Коли так, сдается, ничто его не спасет.

А ведь они обсуждают человеческую жизнь!

– Надо повесить его, сэр, пока жив, – сказал Буш, поворачиваясь к Хорнблауэру. – Мы можем собрать трибунал...

– Он не сможет защищаться, – возразил Хорнблауэр.

Буш развел руками в жесте, который для него был более чем красноречив.

– Что он сумел бы сказать в свою защиту? Все необходимые свидетельства у нас есть. Факты налицо, остальное сообщили пленные.

– Возможно, он опроверг бы свидетельства, если бы мог говорить. – Хорнблауэр сам понимал нелепость своих доводов. Вина Кларка не оставляла сомнений – и попытка самоубийства доказывала ее окончательно, – однако Хорнблауэр прекрасно понимал, что не в силах повесить человека, который физически не может ответить трибуналу.

– Если мы будем ждать, он от нас ускользнет.

– Ну и пусть.

– Но пример для матросов...

– Нет, нет, нет! – вспыхнул Хорнблауэр. – Хорош пример – вешать умирающего, который даже не понимает, что с ним делают!

Ужасно было видеть игру чувств на лице Буша. Буш – славный человек, любящий брат и сын, однако сейчас он явно жаждал крови. Нет, так не совсем честно. Буш жаждет не крови, а мщения – мщения предателю, вставшему на сторону врага.

– Это научило бы матросов не дезертировать, сэр, – упорствовал Буш.

Хорнблауэр по двадцатилетнему опыту знал, что дезертирство – постоянный кошмар каждого британского капитана, который половину бодрственного времени гадает, где взять матросов, а вторую половину – как сделать, чтобы они не сбежали.

– Возможно, – ответил Хорнблауэр, – однако сильно в этом сомневаюсь.

Он не мог придумать никакой пользы (зато легко мог вообразить вред) от того, что матросов заставят смотреть, как беспомощного человека, не способного даже стоять на ногах, просовывают в петлю и вздергивают на рее.

Буш не мог смириться с тем, что повешения не будет. Доводы свои он исчерпал, но лицо хранило прежнее выражение, и протесты готовы были сорваться с языка.

– Спасибо, капитан Буш, – сказал Хорнблауэр. – Мое решение окончательно.

Буш не понимает и, возможно, никогда не поймет, что слепая месть ради мести всегда бессмысленна.

Глава восьмая

«Бланшфлер» почти наверняка притаился у острова Рюген. Мыс Аркона – самое подходящее место, чтобы подстергать купеческие суда, идущие из русских и финских портов; здесь они будут зажаты между сушей и Адлергрундской мелью. Французский капитан еще не знает о появлении британской эскадры и о том, что освобождение «Мэгги Джонс» так быстро его выдало.

– Надеюсь, господа, вам все понятно? – спросил Хорнблауэр, обводя взглядом капитанов, собравшихся в его каюте.

Послышался согласный гул. На лицах обоих капитан-лейтенантов – Викери с «Лотоса» и Коула с «Ворона» – читалась суровая решимость. Каждый надеялся, что именно его кораблю выпадет схватиться с «Бланшфлером»: успешный одиночный бой с почти равным противником – самый верный путь к повышению. Викери молод и горяч – это он командовал шлюпками при захвате «Севра», Коул – сутул и сед. Маунд с «Гарви» и Дункан с «Мотылька» – оба молодые лейтенанты. Фримен с тендера «Моллюск» – смуглый, с черными, как у цыгана, длинными волосами, куда больше похож на контрабандиста, чем на капитана британского военного корабля.

Следующий вопрос задал Дункан:

– Скажите, сэр, нейтральна ли Шведская Померания?

– Уайтхолл был бы рад услышать ответ на ваш вопрос, мистер Дункан, – с улыбкой произнес Хорнблауэр. Ему хотелось выглядеть суровым и недоступным, но с такими милыми юношами трудно все время держаться сухо.

Они заулыбались; со странным щемящим чувством Хорнблауэр осознал, что подчиненные его уже полюбили. Он виновато подумал, что просто они не знают о нем всей правды.

– Еще вопросы, господа? Нет? Тогда вы можете вернуться на свои корабли и занять ночные позиции.

На заре, когда Хорнблауэр вышел на палубу, над морем висела дымка. Западный ветер улегся, холодное течение из Финского залива, где сейчас таяли льды, остужало воздух, влага конденсировалась в облака.

– Видал я туман гуще, но редко, сэр, – проворчал Буш.

Со шканцев была видна фок-мачта, но не бушприт. Ветер дул с севера, очень слабый, «Несравненная» шла на фордевинд, почти не качаясь на гладком море. Тишину нарушало только поскрипывание такелажа и перестук блоков.

– В шесть склянок я приказал бросить глубоководный лот, – доложил Монтгомери. – Девяносто одна сажень. Серая глина. Это должна быть Арконская мель, сэр.

– Очень хорошо, мистер Монтгомери, – ответил Буш.

Хорнблауэр почти не сомневался, что Буш, сухо отвечая своим лейтенантам, копирует его манеру.

– Пробраться ощупью по лоту, – с отвращением проговорил Буш, – словно какая-нибудь рыболовная посуда на Доггер-банке. А помните, что пленные сказали про «Бланшфлер», сэр? У них там лоцманы, знающие здешние воды как свои пять пальцев.

Большие двухпалубники строят не для того, чтобы пробираться в тумане по мелководью, однако «Несравненная» в этой кампании ценна другим. По эту сторону Зунда не много кораблей, способных помериться с ней мощью; под ее защитой эскадра может курсировать где угодно. У датчан, шведов, французов и русских много мелких судов, но теперь, когда «Несравненная» в Балтике, им ее не остановить.

– Простите, сэр, – сказал Монтгомери, козыряя. – Это не пушка сейчас выстрелила?

Все прислушались. В густом тумане слышались только корабельные шумы да стук капель – это влага сгущалась на такелаже и стекала на палубу. И тут все различили глухой хлопок.

– Пушка, сэр, или меня зовут не Сильванус Монтгомери!

– Со стороны кормы, – сказал Хорнблауэр.

– Простите, сэр, но мне показалось, что с левой раковины.

– Черти бы побрали этот туман! – воскликнул Буш.

Если французы поняли, что их преследует британская эскадра, то «Бланшфлер» просто исчезнет, как иголка в стоге сена. Хорнблауэр послонявил палец, поднял его и взглянул на нактоуз.

– Ветер северный, – сказал он. – Может, северо-северо-восточный.

Это успокаивало. Под ветром, куда, скорее всего, поспешит «Бланшфлер» – так это Рюген и Шведская Померания, Лони всего в двадцати милях отсюда. Если «Бланшфлер» не выскользнет из расставленной англичанами сети, то окажется заперт.

– Прикажите бросать лот, мистер Монтгомери, – распорядился Буш.

– Есть, сэр!

– Еще выстрел! – сказал Хорнблауэр. – С левой раковины, теперь уже точно.

С мачты донесся пронзительный крик:

– Парус! Парус прямо по курсу!

В том направлении туман редел. Всего в четверти мили впереди различался призрачный корабль, скользящий сквозь дымку.

– Прямые паруса, гладкая палуба, – сказал Буш. – «Бланшфлер», даю руку на отсечение!

Корабль исчез в следующем сгустке тумана так же внезапно, как появился.

– Право руля! – заорал Буш. – К брасам!

Хорнблауэр был у нактоуза, торопливо брал пеленг.

При слабом ветре капер с его высокими мачтами будет идти куда быстрее громоздкого двухпалубника. Все, что они могут, – это оставаться в наветренной позиции, чтобы отрезать «Бланшфлеру» путь в открытое море.

– Свистать всех наверх! – крикнул Буш. – Все по местам!

Застучали барабаны, матросы бросились занимать места по боевому расписанию.

– Выдвинуть пушки! – продолжал Буш. – Один бортовой залп – и ему крышка!

Взревели катки под тремя тоннами металла. У каждого орудия столпился взволнованный расчет. Медленно тлели фитили.

– Эй, на мачте! Не зевай! – заорал Буш, потом, уже тише, заметил Хорнблауэру: – Он мог повернуть назад и сбить нас со следа.

Всегда оставалась вероятность, что наверху туман реже и впередсмотрящий различит стены «Бланшфлера», даже если с палубы ничего не видно.

Несколько минут слышались только крики лотового; «Несравненная» легонько покачивалась на волнах, но того, что она движется вперед, не чувствовалось совсем.

– Метка двадцать! – крикнул лотовый.

Еще до того, как он произнес последнее слово, Буш и Хорнблауэр переглянулись. До сих пор оба подсознательно слушали крики лотового, даже не замечая их на сознательном уровне. Однако слово «метка» означало, что под ними не больше двадцати саженей.

– Мелеет, сэр, – заметил Буш.

Тут впередсмотрящий заорал снова:

– Парус с подветренной раковины, сэр!

Буш и Хорнблауэр кинулись к борту, но в липком тумане ничего было не различить.

– Эй, на салинге! Что видишь?

– Теперь ничего, сэр! Мелькнули брамсели и пропали. А, вот они опять, сэр. Два румба... три румба за левым траверзом.

– Какой курс?

– Тот, что и у нас, сэр. Теперь опять ничего не видно.

– Дать по ним залп, сэр? – спросил Буш.

– Пока нет, – ответил Хорнблауэр.

– Приготовиться батарею левого борта! – крикнул Буш.

Даже с такого расстояния бортовой залп может сбить мачту, и тогда каперу уже не уйти.

– Велите канонирам не стрелять без команды, – сказал Хорнблауэр. – Это может быть «Лотос».

– Верно, черт побери! – воскликнул Буш.

Когда эскадра шла к Рюгену, «Лотос» был на левом траверзе «Несравненной». Кто-то определенно стрелял – возможно, «Лотос». В таком случае он устремился в погоню за «Бланшфлером» и сейчас должен быть ровно там, где впередсмотрящий заметил брамсели; в таком тумане брамсели шлюпа и брамсели француза будут настолько схожи, что даже опытному моряку недолго их перепутать.

– Ветер крепчает, сэр, – заметил Херст.

– Да, – согласился Буш. – Дай-то Бог, чтобы он разогнал туман!

«Несравненная» заметно накренилась под усилившимся ветром. Из-под водореза донеслась веселая музыка рассекаемых морских волн.

– Глубже восемнадцати! – крикнул лотовый.

И тут двадцать голосов завопили разом:

– Вот он! Парус на левом траверзе! Это «Лотос»!

Туман в той стороне рассеялся. «Лотос» под всеми парусами шел примерно в трех кабельтовых от «Несравненной».

– Спросите, где последний раз видели противника! – рявкнул Буш.

– Парус... последний... раз... видели... впереди, – прочитал сигнальный мичман в подзорную трубу.

– Много нам пользы от этих сведений! – проворчал Буш.

Горизонт еще не расчистился, хотя в воздухе уже проблескивал бледный солнечный свет и бледное солнце – не золотое, а серебристое – только что проглянуло на востоке.

– Вот он! – раздалось с мачты. – На левой раковине, корпус за горизонтом!

– Ушел, черт побери! – воскликнул Херст. – Должно быть, они повернули, как только нас увидели.

С палубы были видны только брамсели «Бланшфлера» – значит до него больше шести миль. Он уходил по ветру под всеми парусами. На мачту «Лотоса» взлетела цепочка флажков, и пушечный выстрел известил о важности сигнала.

– Они тоже его увидели, – заметил Буш.

– Поворот через фордевинд, пожалуйста, капитан Буш. Сигнальте: «Все в погоню».

«Несравненная» под брань офицеров, распекавших команду за медлительность, легла на другой галс. «Лотос» развернулся, и теперь его бушприт указывал прямо на «Бланшфлер». Капер был окружен: впереди – померанский берег, на ветре – «Несравненная», справа и слева – «Лотос» и «Ворон».

– «Ворон» уже должен был с ним поравняться, сэр, – сказал Буш. – А кечи мы скоро соберем, как бы они ни рассеялись в тумане.

– Глубже четырнадцати! – крикнул лотовый.

Хорнблауэр смотрел, как он сноровисто раскручивает лотлинь, бросая лот далеко вперед, считывает метку, когда корабль проходит через вертикальную линию, и тут же выбирает линь, чтобы забросить снова. Утомительная и тяжелая работа; более того, вытаскивая сто футов мокрого троса, лотовый неизбежно промокает до нитки. Хорнблауэр хорошо себе представлял, как живут матросы, как мало у них шансов высушить одежду. Мичманом на «Неустанном» он бросал лот в ту дикую ночь, когда они уничтожили «Друа де л'ом» возле Бискайского берега. Тогда он продрог до костей, а пальцы так онемели, что едва различали метки: белый ситец, кожу с дыркой посередине и остальные. Сейчас он наверняка не сумеет бросить лот и уж точно не вспомнит порядок меток. Хотелось верить, что Бушу достанет человеколюбия и здравого смысла вовремя сменять лотовых и проследить, чтоб им было где просушиться, но в такие дела коммодор лезть не вправе. Буш лично отвечает за всю внутреннюю жизнь корабля и ревниво отнесется к любому вмешательству коммодора; высокий статус имеет свои изъяны.

– Метка десять! – крикнул лотовый.

– Вижу «Ворон» за противником! – доложил мичман. – Идет наперерез.

– Очень хорошо, – ответил Хорнблауэр.

– Рюген тоже видно, – сообщил Буш. – Это Стуббенкаммер, или как там его звать. Белый утес.

Хорнблауэр повернул подзорную трубу. «Бланшфлер» обречен, если только не укроется в водах Шведской Померании, а именно это он явно намеревался сделать. Буш разложил перед собой карту и брал пеленг на белые обрывы Штуббенкаммера. Хорнблауэр поглядел на карту, на далекие корабли и снова на карту. Штральзунд – крепость, выдержавшая в последнее время не одну осаду. Если «Бланшфлер» доберется дотуда и Швеция возьмет его под защиту, то эскадра будет бессильна что-нибудь предпринять. А вот остальное побережье – просто мели, песчаные банки да пара бухт, куда могут заходить небольшие суда. Если верить карте, вход в них защищают батареи. Если «Бланшфлер» укроется в какой-нибудь из этих бухт, можно будет подумать о плане захвата. Но Штральзунд совершенно неприступен.

– Сигнальте «Лотосу», – сказал Хорнблауэр. – «Отрезать противнику путь к Штральзунду».

За время нескончаемой войны все навигационные знаки исчезли. Ни один буй не отмечал ведущего к Штральзунду фарватера – на карте он назывался Бодден. Викери на «Лотосе» должен будет постоянно бросать лот и быстро принимать решения.

– Метка семь! – крикнул лотовый.

«Несравненная» была уже на опасном мелководье. Буш встревоженно нахмурился:

– Убавьте паруса, пожалуйста, мистер Буш.

«Несравненной» француза не догнать, а если они сядут на мель, лучше, если это произойдет на меньшей скорости.

– Противник привелся к ветру, – сообщил Херст.

Так и есть: французский капитан отказался от попытки достичь Штральзунда. Это заслуга Викери, который, не страшась мелей, под всеми парусами отчаянно ринулся наперерез.

– Если он будет идти тем же курсом, «Ворон» сможет его обстрелять! – в волнении произнес Буш.

– Противник сменил галс! – доложил Херст.

– И пять с половиной! – крикнул лотовый.

Буш закусил губу: его бесценный корабль среди мелей у подветренного берега, а под килем всего тридцать три фута.

– Положите корабль в дрейф, капитан Буш, – сказал Хорнблауэр. Нет надобности рисковать кораблем, пока они не поймут, что задумал француз.

«Несравненная» привелась к ветру, подставив левую скулу слабым волнам. Солнце приятно пригревало.

– Что с «Вороном»? – воскликнул Буш.

Фор-стенга шлюпа переломилась у основания, рухнула на свои стаксели и повисла в клубке спутанных парусов.

– Он на мели, сэр, – доложил Херст, глядя в подзорную трубу.

Удар о мель был так силен, что сорвало стеньгу.

– У него осадка на восемь футов меньше, чем у нас, сэр, – сказал Буш, но Хорнблауэр вновь смотрел на «Бланшфлер».

Очевидно, капер сумел войти в фарватер за Хиддензе. На карте здесь стояла единственная отметка глубины: лаконичное «2½». Глубина пятнадцать футов, и батарея в начале длинного полуострова. На горизонте с наветренной стороны показались характерные паруса бомбардирских кечей: Дункан и Маунд, проплутав в тумане, взяли курс на место встречи у мыса Аркона и сейчас, надо думать, заметили «Несравненную».

– Пожалуйста, отправьте шлюпки помочь «Ворону», капитан Буш, – распорядился Хорнблауэр.

– Есть, сэр.

Чтобы поднять баркас и тендер с кильблоков и опустить на воду, нужны сто пар рук. Засвистели дудки, заходила по матросским спинам боцманская трость. Под скрип блоков и шлепанье босых ног тяжелая громада корабля немного накренилась, освобождаясь от веса шлюпок. Хорнблауэр вновь поднес к глазам подзорную трубу.

«Бланшфлер» бросил якорь между Рюгеном и узкой полосой Хиддензе – скорее песчаной косой, чем островом, цепочкой дюн над желтыми мелями. Мачты «Бланшфлера» были по-прежнему видны на фоне глинистых обрывов Рюгена, дюны Хиддензе, протянувшиеся длинным изогнутым молотом, скрывали только корпус. С одного конца Хиддензе вход на необычный рейд защищала батарея – Хорнблауэр видел силуэты пушек, черные на фоне заросших травой амбразур, – с другого бурун указывал на мели, непроходимые даже для корабельного баркаса. Эскадра не дала каперу укрыться в Штральзунде, но, судя по всему, здесь он в такой же без-

опасности. Чтобы его захватить, придется грести на шлюпках по мелководью, потом – через узкий фарватер под пушками, а затем выводить приз под теми же пушками между незнакомыми мелями. Перспектива не слишком заманчивая. Можно высадить морских пехотинцев на Хиддензе и попытаться взять батарею, но на внезапность рассчитывать не приходится, а значит, неизбежны огромные потери. К тому же гарнизон на батарее шведский, а Швецию лучше не злить. Сейчас она только номинальный противник, но это хрупкое равновесие так легко нарушить. Хорнблауэр помнил пункты инструкций, где его предостерегали именно от таких опрометчивых шагов.

Словно в ответ на его мысли сигнальный мичман откозырял и доложил:

– Сигналы с «Лотоса», сэр.

Хорнблауэр прочел сообщение, в спешке накорябанное мелом на грифельной доске: «От Штральзунда приближаются парламентарские флаги. Позволил им пройти».

– Подтвердите, – сказал Хорнблауэр.

Что за чертовщина? Один парламентарский флаг – это понятно, но Викери сообщил по меньшей мере о двух. Хорнблауэр навел подзорную трубу туда, где Викери очень разумно поставил «Лотос» на якорь – между проливом, в котором укрылся «Бланшфлер», и Штральзундом, откуда французу может прийти подмога. Одно... два... три... суденышка только что обогнули «Лотос» и шли напрямиком к «Несравненной». У всех трех была характерная балтийская оснастка, похожая на голландскую, но с местным своеобразием: округлый нос, шверцы и большой гафельный грот. Они неслись в бейдевинд, будто на регате, вода пенилась под тупыми носами, брызги, несмотря на слабый ветер, вставали стеной.

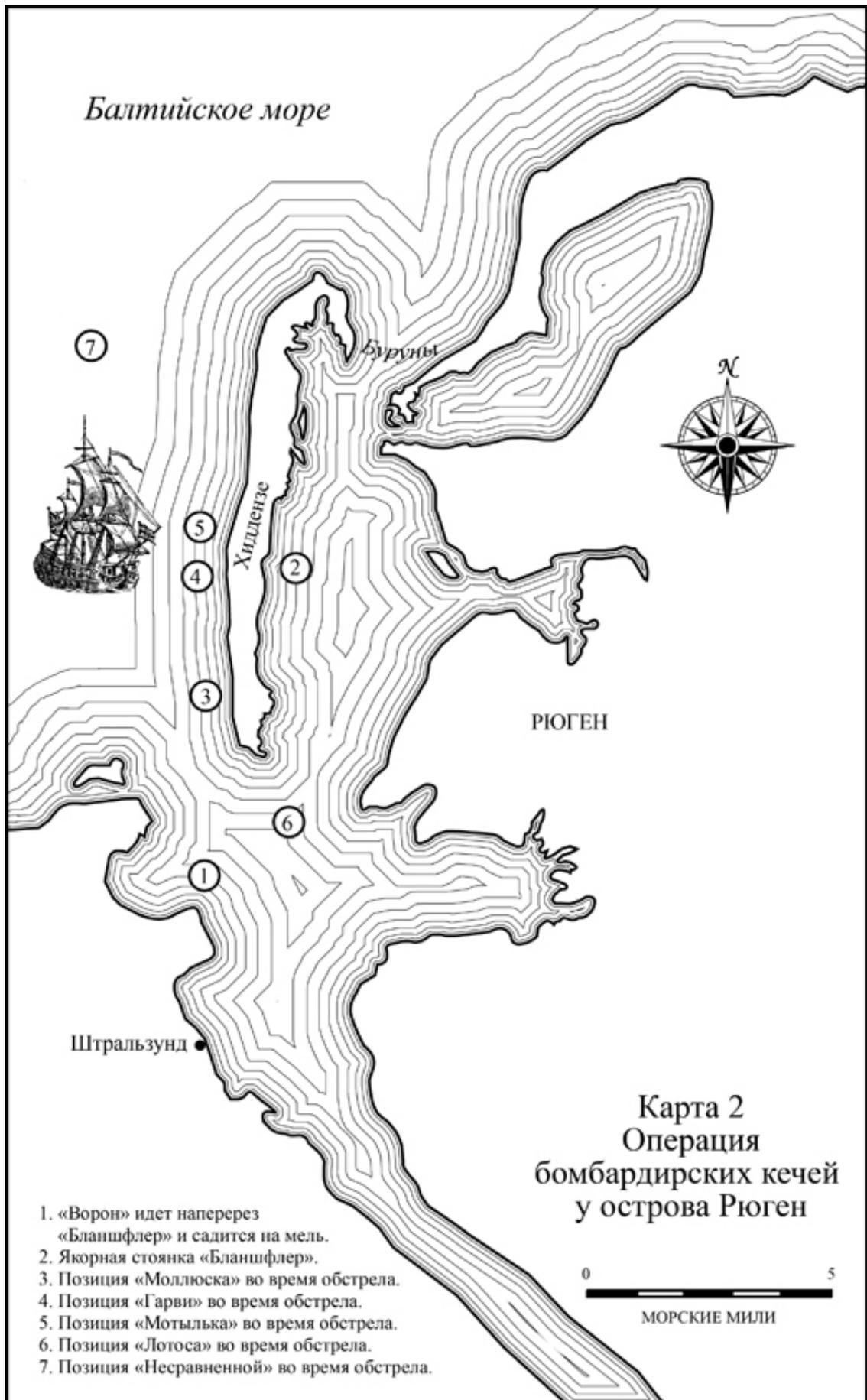
– Что за черт? – проговорил Буш, направляя на них подзорную трубу.

Возможно, это уловка, чтобы потянуть время. Хорнблауэр вновь поглядел на мачты «Бланшфлера» за песчаной косой. Капер убрал все паруса и покачивался на якоре.

– Белый над сине-желтым, – сообщил Буш, по-прежнему глядя на приближающиеся суденышки. – Шведский флаг под парламентарским.

Хорнблауэр перевел взгляд на первое судно. Да, Буш не ошибся.

– Дальше, сэр... – Буш виновато хохотнул. – Знаю, сэр, что это нелепо, но выглядит точно как британский флаг под парламентарским.

Поверить было трудно: с такого расстояния и впрямь легко ошибиться. Однако Хорнблауэр видел в подзорную трубу то же самое.

– Что скажете про вторую шлюпку, мистер Херст?

– Британский флаг под белым, – уверенно отвечал Херст.

Третья шлюпка заметно отстала, и ее флага было не разглядеть.

– Кажется, французский, сэр, – сказал Херст, но продолжить наблюдения они не успели: первая шлюпка быстро приближалась.

На палубе, болтаясь в боцманской люльке и придерживая обеими руками треуголку, очутился высокий дородный господин. На нем был синий мундир с золотыми пуговицами и эполетами. Господин степенно поправил ножны и галстук, затем, прижимая к груди шляпу с белым плюмажем и шведской кокардой, отвесил поклон.

– Барон Бассе, – были его первые слова.

Хорнблауэр поклонился:

– Капитан сэр Горацио Хорнблауэр. Коммодор эскадры.

У барона Бассе было квадратное лицо, большой нос и холодные серые глаза; он явно мог только догадываться, что сказал Хорнблауэр.

– Вы воевать? – с усилием спросил он.

– Я преследую капера, действующего под французским флагом, – начал Хорнблауэр и тут же понял, как трудно говорить с иностранцем, почти не знающим английского, и при этом дипломатично выбирать выражения. – Эй, где мистер Браун?

Переводчик подошел и коротко представился по-шведски. Хорнблауэр наблюдал быстрый обмен взглядами между Бассе и Брауном. Очевидно, это два смертельных политических врага, встретившиеся на относительно нейтральной почве британского военного корабля. Бассе извлек из нагрудного кармана письмо и протянул Брауну, тот скользнул взглядом по бумаге и передал ее Хорнблауэру.

– Письмо от генерал-губернатора Шведской Померании, – объяснил он. – Тут говорится, что этот господин, барон Бассе, облечен полным доверием губернатора.

– Ясно, – ответил Хорнблауэр.

Бассе уже что-то быстро говорил Брауну.

– Он спрашивает, – объяснил Браун, – что вы намерены предпринять.

– Скажите ему, – ответил Хорнблауэр, – что это зависит от действий Швеции. Спросите его, нейтральна ли Швеция.

Очевидно, на этот вопрос нельзя было ответить простым «да» или «нет». Бассе говорил долго.

– Он говорит, Швеция всего лишь хочет быть в мире со всем миром, – сказал Браун.

– Передайте, что это означает нейтралитет, а нейтралитет влечет за собой не только привилегии, но и обязательства. Здесь находится военный корабль под французским флагом. Капитана следует известить, что его присутствие в шведских водах возможно лишь в течение ограниченного срока, и поставить меня в известность, каков этот срок.

Покуда Браун переводил, тяжелое лицо Бассе все больше собиралось складками. Отвечая, он энергично взмахивал руками.

– Он говорит, что не может нарушить законы международной дружбы, – сказал Браун.

– Тогда скажите, что именно это он и делает. Шведский порт не может служить базой для военных операций. Капитана следует предупредить, что он должен покинуть бухту, а в случае отказа арестовать судно, чтобы оно не выскользнуло без предупреждения.

Теперь Бассе уже буквально заламывал руки, однако ответить он не успел: Буш откозырял Хорнблауэру и доложил:

– Шлюпка под французским парламентарским флагом подошла к борту. Разрешить тому, кто в ней, подняться на корабль?

– Да, – коротко ответил Хорнблауэр.

Человек, поднявшийся на корабль через входной порт, был одет еще пышнее Бассе, хотя значительно уступал ему дородством и ростом. Поверх синего мундира на нем была муаровая алая лента Почетного легиона, на груди блестела звезда. Он тоже снял шляпу и отвесил изысканный поклон.

– Граф Жозеф Дюмулен, – представился новоприбывший по-французски. – Генеральный консул в Шведской Померании его императорского и королевского величества Наполеона, императора Франции, короля Италии, протектора Рейнского союза и медиатора Швейцарской Конфедерации.

– Капитан Хорнблауэр, – сказал Хорнблауэр.

Он внезапно сделался крайне осторожен. Его правительство не признавало звучных титулов, которые перечислил сейчас Дюмулен. В глазах короля Георга и британских министров Наполеон, император Франции, – всего лишь генерал Бонапарт в личном качестве и глава французского правительства – в официальном. Не раз у британских офицеров случались крупные неприятности из-за того, что они ставили свою подпись под документами – скажем, картелями об обмене пленными, – где хотя бы мимоходом упоминалась империя.

– Кто-нибудь здесь говорит по-французски? – вежливо спросил Дюмулен. – Весьма сожалею, что не говорю по-английски.

– Можете обращаться ко мне, сударь, – ответил Хорнблауэр. – И я буду признателен, если вы объясните свое присутствие на корабле.

– Вы прекрасно говорите по-французски, сударь. А, да, конечно, я вспомнил. Вы – капитан Хорнблауэр, совершивший сенсационный побег из Франции год назад. Счастлив познакомиться со столь прославленным человеком.

Он вновь поклонился. Хорнблауэр со смущенным удовольствием осознал, что его известность достигла даже этого отдаленного уголка Балтики. И в то же время он досадовал, что разговор отклонился от насущных вопросов.

– Спасибо, – сказал он, – однако я по-прежнему жду объяснений, чему обязан честью видеть вас здесь.

– Я прибыл, чтобы вместе с господином бароном заверить вас, что Шведская Померания находится в состоянии войны с Англией.

Браун перевел, и смущение Бассе заметно усилилось.

– Шлюпка под английским флагом подошла к кораблю, сэр, – вмешался Буш.

Человек, поднявшийся на борт, был непомерно тучен и одет в черное цивильное платье.

– Гауптманн, – представился он, с трудом сгибаясь в пояснице. – Консульский агент его британского величества в Штральзунде.

По-английски он говорил с сильным немецким акцентом.

– Чем могу служить, мистер Гауптманн? – спросил Хорнблауэр, изо всех сил пытаясь не прийти в замешательство.

– Я здесь, – ответил Гауптманн, – чтобы вместе с господином бароном разъяснить вам позицию Шведской Померании.

– Я не вижу надобности в разъяснениях, – сказал Хорнблауэр. – Если Швеция нейтральна, то каперское судно вы должны либо уведомить о необходимости покинуть порт, либо арестовать. Если Швеция воюет, мои руки развязаны и я предприму те шаги, какие сочту нужными.

Он оглядел собравшихся. Браун начал переводить его слова на шведский.

– Что вы сказали, капитан? – спросил Дюмулен.

Хорнблауэр, чувствуя нарастающее отчаяние, заговорил по-французски, и на «Несравненную» обрушилось вавилонское проклятие. Все пытались говорить одновременно, все разом протестовали и требовали, чтобы им переводили остальных. Бассе, очевидно, хотел угодить и

нашим и вашим, убедить и Англию, и Францию в дружеском отношении Швеции. Дюмулен собирался удостовериться, что «Бланшфлер» будет и впредь безнаказанно нападать на британские торговые суда. Хорнблауэр взглянул на Гауптманна.

– Отойдете на минутку. – Гауптманн жирной лапой спал Хорнблауэра за локоть и повлек его подальше от остальных. – Вы молоды, – сказал он, – и я знаю вас, флотских офицеров. Вы склонны рубить с плеча. Вам надо руководствоваться моими советами. Международная ситуация напряженная, крайне напряженная. Необходима чрезвычайная осмотрительность.

– Я всегда осмотрителен, – ответил Хорнблауэр. – Но вы что, хотите, чтобы я позволил каперу вести себя так, будто здесь Тулон или Брест?

Появился Браун:

– Барон Бассе просит передать вам, что у Бонапарта на границе со Шведской Померанией двести тысяч солдат. Он просит сказать, что с хозяином такой армии не ссорятся.

– Вот и я о том же, капитан! – подхватил Гауптманн.

Подошел Дюмулен, за ним – Бассе. Никто не хотел и на минуту оставлять своего коллегу наедине с британским капитаном. Хорнблауэра спас его тактический инстинкт: лучшая защита – яростная узконаправленная атака. Он повернулся к Гауптманну:

– Позвольте спросить, сэр, каким образом его величество держит консульского агента в порту, нейтралитет которого под вопросом?

– Это необходимо для торговых лицензий.

– И вы аккредитованы при шведском правительстве его величеством?

– Нет, сэр. Я аккредитован его баварским величеством.

– Его *баварским* величеством?

– Я – подданный его баварского величества.

– Который сейчас находится в состоянии войны с его британским величеством, – сухо произнес Хорнблауэр.

Не в человеческих силах распутать клубок балтийской политики. Он слушал мольбы и протесты, чувствуя, что не может их больше выносить. Наконец это поняли и его собеседники.

– Господа, я не могу принять решение прямо сейчас, – сказал он. – Мне надо обдумать полученные от вас сведения. Барон Бассе, если не ошибаюсь, вас как представителя генерал-губернатора положено провожать семнадцатью выстрелами?

Выстрел за выстрелом гремел над зеленовато-желтой водой. Семнадцать – барону Бассе. Одиннадцать – Дюмулену как генеральному консулу. Гауптманн, простой консульский агент, удостоился всего пяти – самый короткий салют в церемониале военно-морского флота. Едва он спустился в шлюпку, Хорнблауэр перешел к действиям.

– Сигнальте капитанам «Мотылька», «Гарви» и «Моллюска»: «Явиться на борт», – коротко распорядился он.

Бомбардирские кечи и тендер уже подошли на расстояние, с которого нетрудно прочесть сигналы, а над песчаными дюнами Хиддензе по-прежнему дразняще высились мачты французского приватера.

Глава девятая

Хорнблауэр перелез через борт «Гарви». Лейтенант Маунд, вытянувшись во фрунт, держал руку у поля шляпы, два боцманмата наяривали на дудках. Меньше чем в ярде громыхнула пушка, и Хорнблауэр от неожиданности подпрыгнул. Ах да, конечно: когда коммодорский брейд-вымпел переносится на другое судно (он как раз в эту минуту заплескал на высокой мачте «Гарви»), его приветствуют салютом. Поэтому сейчас и стреляет одна из четырех шести-фунтовок на корме «Гарви».

– Отставить эту чушь, – сказал Хорнблауэр и тут же устыдился своих слов. Он прилюдно назвал флотский ритуал чушью. Что еще удивительнее, он сказал так о почестях, которые принимает всего во второй раз, а значит, еще не мог ими пресытиться. Впрочем, судя по всему, дисциплина не пострадала, хотя юный Маунд и ухмыльнулся, давая приказ прекратить огонь.

– Обрасопьте паруса по ветру, мистер Маунд, – сказал Хорнблауэр.

«Гарви», расправив паруса, двинулся под углом к берегу, сразу за ним шел «Мотылек». Хорнблауэр оглядывал непривычное судно: за двадцать лет службы он ни разу не видел бомбардирского кеча в деле. Над ним высилась исполинская грот-мачта, заново установленная после того, как в Зунде ее сбило датское ядро. Она несла непомерно много парусов, компенсируя отсутствие фок-мачты. Бизань-мачта, сильно смещенная к корме, лучше соответствовала размерам суденышка. Колоссальный форштаг, удерживающий грот-мачту, был из стальной цепи, неожиданно чужеродной среди пеньковых канатов. Шкафут располагался на носу – звучит нелепо, но иначе описать конструкцию невозможно. Здесь, по обе стороны срединной линии, были установлены огромные мортиры, ради которых строители пожертвовали мореходными качествами. Хорнблауэр знал, что мортиры стоят на прочной дубовой платформе, которая опирается на кильсон. Четверо матросов под присмотром унтер-офицера складывали рядом с ними огромные тринадцатидюймовые снаряды. Боцманмат и еще несколько матросов пропустили канат через правый пушечный порт и теперь крепили его к взятому на кат якорю. Это был шпринг. Хорнблауэр часто накладывал шпринг во время учебных маневров, но еще никогда не использовал в бою. Совсем рядом с ним, на левом грот-руслене, матрос бросал лот. Хорнблауэру подумалось, что девять десятых времени, проведенного в Балтийском море, он слышит выкрики лотового. Весьма вероятно, что так оно и будет до конца миссии.

– Три с половиной! – крикнул лотовый.

У бомбардирских кечей осадка меньше девяти футов.

Они как раз проходили мимо «Ворона», который готовился верповаться с мели: Хорнблауэр видел канат, черный на фоне воды. Сломанную стенгу уже убрали. Из-за «Ворона» показался «Моллюск». Интересно, понял ли черноволосый красавчик-капитан данные ему сложные инструкции?

Маунд стоял рядом, отдавая указания рулевому. Он был на «Гарви» единственным офицером, вахты несли мичман и два подштурмана. Подштурманы сейчас стояли на корме, широко расставив ноги для устойчивости, и секстанами измеряли угол между горизонтом и направлением на топы мачт «Бланшфлера». Хорнблауэр чувствовал, что на «Гарви» царит атмосфера бесшабашности, естественная, когда капитану нет и двадцати. На таких маленьких судах дисциплина обычно менее строга – он часто слышал, как старые капитаны на это сетуют.

– Четверть до трех! – крикнул лотовый.

Семнадцать футов глубины.

– Мы на расстоянии выстрела, сэр, – сказал Маунд.

– Однако у ваших мортир точность лучше на расстоянии меньше предельного, так ведь?

– Да, сэр, я предпочитал бы иметь запас на случай, если противник отойдет от нас подальше.

– Только оставьте себе пространство для маневра. Мы ничего не знаем об этих мелях.

– Есть, сэр.

Маунд повернулся на месте, последний раз оценивая тактическую ситуацию: мачты «Бланшфлера» за дюнами, батарею на конце косы, «Моллюск», занимающий позицию, с которой можно будет видеть француза в лагуне, и «Лотос» за входом в нее на случай, если «Бланшфлер» каким-то чудом сумеет выбраться против ветра и вновь попытается достичь Штральзунда. Маунд то и дело подносил руки к карманам и тут же себя одергивал, вспоминая, что рядом коммодор. Это повторялось каждые несколько секунд.

– Бога ради, – сказал Хорнблауэр, – суньте руки в карманы и перестаньте дергаться.

– Есть, сэр, – отвечал Маунд, немного вздрогнув.

Он с благодарностью запустил руки в карманы и блаженно ссутулился, затем еще раз оглядел судно, прежде чем крикнуть мичману у крамбола:

– Мистер Джонс! Отдать якорь!

Канат скользнул в клюз, матросы бросились убирать паруса.

«Гарви» медленно развернулся против ветра; теперь его бушприт указывал почти точно на «Бланшфлер». «Мотылек» встал на якорь почти борт о борт с «Гарви».

Маунд с обманчивой неспешностью начал подготовку к обстрелу. Он взял несколько пеленгов, убеждаясь, что якорь держит. По его команде матрос привязал белую тряпицу на шпринг там, где канат лежал на палубе, и Маунд, выудив из кармана мелок, провел на досках черту с делениями.

– Мистер Джонс, – приказал он. – Поверните шпиль.

Четверо матросов у вымбовок немного повернули шпиль, выбирая шпринг. Белая тряпица поползла по палубе. Шпринг проходил через кормовой пушечный порт и крепился к якорю далеко на носу; выбирая его, можно было развернуть корму под нужным углом к ветру, движение тряпицы по начерченной мелом линии позволяло примерно оценить этот угол.

– Еще, мистер Джонс, – сказал Маунд, беря приблизительный пеленг на мачты «Бланшфлера».

Матросы налегли на вымбовки, защелкали палы.

– Стой! – крикнул Маунд.

Матросы остановились.

– Еще один пал! – скомандовал Маунд, вновь беря пеленг на грот-мачту «Бланшфлера», теперь уже со всей тщательностью.

Матросы всем телом навалились на вымбовки, шпиль шелкнул один раз.

– Еще один!

Щелк!

– Думаю, теперь все как надо, сэр, – сказал Маунд. Осевая линия «Гарви» указывала точно на «Бланшфлер». – Конечно, канаты растягиваются, и якорь может немного ползти, но я легко смогу удерживать нужный пеленг, выбирая или потравливая шпринг.

– Это понятно, – сказал Хорнблауэр.

Он был знаком с теорией бомбардирских кечей и даже пристально ею интересовался, так что сейчас с нетерпением ожидал предстоящей демонстрации. С тех самых пор, как в отчаянную минуту ему пришлось с большого расстояния стрелять по шлюпке из длинной шестифунтовой «Аэндорской волшебницы», Хорнблауэр сознавал, что искусство морской артиллерии нуждается в улучшении. Корабельные пушки стреляют практически наугад. Стрельба из мортиры с бомбардирского кеча – вершина морской артиллерийской науки, пусть и побочный ее побег, зато доведенный до совершенства. Высокая траектория и низкая начальная скорость снаряда, а также отсутствие случайной погрешности из-за неидеальной формы канала позволяли забросить бомбу с поразительной точностью.

– С вашего позволения, сэр, – сказал Маунд, – я пройду на нос. Я предпочитаю сам отрезать фитили.

– Я с вами, – ответил Хорнблауэр.

Две мортиры исполинскими котлами смотрели в небо.

– Тысяча сто ярдов, – сказал Маунд. – Для первого раза возьмем на пробу фунт и три четверти пороха, мистер Джонс.

Порох был разложен в картузы по фунту, по половине и по четверти фунта. Мичман вскрыл по картузу каждого размера, высыпал их содержимое в мортиру правого борта и дослал огромным фетровым пыжом. Маунд держал в руке линейку и смотрел в небо, что-то прикидывая. Потом он согнулся над бомбой и ножницами с большой тщательностью отрезал фитиль.

– Один и одиннадцать шестнадцатых, сэр, – виновато сообщил он. – Не знаю, почему я столько выбрал. При разной погоде фитиль горит с разной скоростью, и вроде сейчас надо столько. Конечно, мы не хотим, чтобы бомба взорвалась в воздухе, но, если сделать фитиль слишком длинным, лягушатники могут затушить его до взрыва.

– Естественно, – ответил Хорнблауэр.

Бомбу подняли и опустили в жерло мортиры; чуть глубже оно резко сужалось, образуя уступ, на который надежно ложился ободок бомбы. Верх тринадцатидюймового снаряда с торчащим из него фитилем был как раз вровень с краем жерла.

– Поднимите красный вымпел! – крикнул Маунд, повышая голос, чтобы его услышал подштурман на корме.

Хорнблауэр повернулся и глянул в подзорную трубу на «Моллюск», стоящий на якоре среди мелей примерно в двух милях от «Гарви», на расстоянии чуть больше выстрела от береговой батареи. Сигнальный код разрабатывали под его личным руководством, и Хорнблауэр очень тревожился, все ли пройдет гладко. Сигналы так легко спутать.

Он по-прежнему смотрел на тендер. На ноке его гафеля появился красный вымпел.

– Сигнал подтвержден, сэр, – крикнул подштурман.

Маунд взял дымящийся пальник и приложил его к фитилю. Через мгновение фитиль вспыхнул и затрещал.

– Раз, два, три, четыре, пять, – медленно считал Маунд, глядя на пыхающий фитиль.

Очевидно, он оставил себе пятисекундный запас на случай, если фитиль не разгорится и его надо будет заменить.

Затем он прижал пальник к запальному отверстию мортиры. Раздался оглушительный грохот. Хорнблауэр стоял прямо за мортирой и видел, как взлетает бомба, – ее траекторию прочерчивал огонек фитиля. Огонек взлетал все выше и выше и вдруг пропал: бомба, начав падать, развернулась к ним другим боком. Они ждали и ждали, однако ничего больше не произошло.

– Промаях, – сказал Маунд. – Спустить красный вымпел.

– «Моллюск» поднял белый флажок, сэр, – сообщил подштурман.

– Это означает «перелет», – сказал Маунд. – Фунт с половиной пороха на этот раз, пожалуйста, мистер Джонс.

«Мотылек» поднял два красных вымпела, в ответ два красных вымпела поднял «Моллюск». Хорнблауэр предвидел возможную путаницу и потому распорядился, чтобы сигналы для «Мотылька» всегда были двойными, тогда «Гарви» не примет на свой счет указания «Мотыльку» и наоборот. Грянула мортира «Мотылька», грохот выстрела прокатился над водой. С «Гарви» не было видно, как летит бомба.

– Два желтых флажка для «Моллюска», сэр.

– Значит, недолет, – сказал Маунд. – Поднять наш красный вымпел.

Он выстрелил, и вновь красный огонек фитиля взмыл в небо и пропал. Опять ничего не произошло.

– Белый флажок на «Моллюске», сэр.

– Опять перелет? – удивился Маунд. – Надеюсь, они там не страдают косоглазием.

Снова выстрелил «Мотылек», и «Моллюск» поднял два белых флажка. Первый снаряд упал слишком далеко, второй – слишком близко. Теперь Дункану на «Мотыльке» несложно будет попасть в цель. Маунд проверил пеленг на «Бланшфлер».

– По-прежнему точно на оси, – проворчал он. – Мистер Джонс, отсыпьте от полутора фунтов половину четверти.

Хорнблауэр пытался угадать, что делает сейчас капитан «Бланшфлера» по другую сторону песчаной косы. Вероятно, до той минуты, когда бомбардирские кечи открыли огонь, он воображал себя в полной безопасности, уверенный, что иначе как штурмом батареи до него не

добраться. Теперь бомбы падают рядом с ним, а он не может дать ответ или вообще как-нибудь защититься. Поднять паруса ему трудно – он встал на якорь в дальнем конце узкой длинной лагуны. Ближайший выход оттуда такой мелкий, что там не пройдет даже ял – это показывают буруны, – а при нынешнем ветре невозможно вернуться по фарватеру к батарее. Наверняка он кусает локти, что прошел так далеко по ветру, – видимо, желал обезопасить себя на случай шлюпочной операции. Правда, шлюпками или верпом он может отбуксировать корабль ближе к батарее, которая не подпустит кечи на расстояние выстрела из мортиры.

– Красный вымпел приспущен, сэр! – взволнованно доложил подштурман.

Это означало, что бомба не долетела до цели, но упала очень близко.

– Добавьте еще две щепотки, мистер Джонс, – распорядился Маунд.

Снова выстрелила мортира «Мотылька», но на сей раз они увидели, как бомба взорвалась в воздухе – надо полагать, прямо над мачтами «Бланшфлера». За косою возник огромный клуб дыма, и ветер донес слабый отзвук взрыва. Маунд покачал головой: то ли фитиль сгорел быстрее обычного, то ли Дункан слишком коротко его отрезал. Два синих флага на гафеле «Моллюска» известили, что место падения бомбы определить не удалось, – сигнальная система по-прежнему действовала исправно. Долговязый Маунд снова нагнулся и приложил пальник сперва к фитилю, потом – к запальному отверстию. Мортира взревела; по какому-то капризу баллистики кусок горящего пыжа пролетел прямо у Хорнблауэра над головой. Тот пригнулся в дыму, а когда вновь посмотрел вверх, то увидел искорку фитиля высоко в небе, в верхней точке траектории, как раз перед тем, как она пропала из глаз. Хорнблауэр, Маунд, Джонс и весь расчет мортиры напряженно ждали. Наконец из-за дюны показалась бледная струйка дыма, а следом раздался и звук взрыва.

– Думаю, попали, сэр, – с нарочитой беспечностью проговорил Маунд.

– Черный шар на мачте «Моллюска», сэр! – заорал подштурман.

Это означало попадание. Тринадцатидюймовая бомба рухнула с огромной высоты на палубу «Бланшфлера» и взорвалась. Трудно даже вообразить, какие там разрушения.

– Теперь обе вместе! – крикнул Маунд, забыв про свое притворное равнодушие. – Живей, ребята!

Два приспущенных белых флажка на «Моллюске» известили, что следующая бомба «Мотылька» упала близко за «Бланшфлером». Затем выстрелили обе мортиры «Гарви». От отдачи нос кеча резко ушел вниз, потом так же резко выровнялся. На мачту «Моллюска» взлетел черный шар.

– Снова попали! – ликовал Маунд.

Стеньги «Бланшфлера» над дюнами внезапно начали расходиться. Корабль поворачивал: отчаявшаяся команда тянула его шлюпками или верпом.

– Только бы нам его покалечить, пока не ушел! – воскликнул Маунд. – Черт, почему «Мотылек» не стреляет?

Хорнблауэр пристально за ним наблюдал; соблазн выстрелить, как только обе мортиры заряжены, не дожидаясь очереди «Мотылька», был, конечно, очень велик, однако поддаться ему значило сбить с толку наблюдателя на «Моллюске», что в итоге привело бы к полному замешательству. «Мотылек» выстрелил, и два черных шара на мачте «Моллюска» сообщили, что он тоже попал. Однако француз уже повернул. Хорнблауэр видел, как его стеньги медленно-медленно смещаются вдоль дюны. Маунд дал по выстрелу из своих мортир; бомбы еще были в воздухе, а матросы уже подбежали к шпилью и налегли на вымбовки. Щелк! Щелк! Дважды щелкнул на зубчатой рейке пал, кеч повернулся, чтобы его мортиры по-прежнему смотрели на цель. И в этот миг фор-стенга «Бланшфлера» упала. На виду остались только грот-и крьюйс-стенги.

– Клянусь Богом, снова попали! – крикнул Хорнблауэр. Слова вылетели из него, как пробка из пугача. Он поймал себя на том, что подпрыгивает на палубе, словно школьник. Упала

фок-мачта. Он силился вообразить, какие разрушения производят бомбы, падая на деревянные палубы. Теперь над дюнами показался и дым, больше, чем от взрыва бомб, да и чернее. Вероятно, «Бланшфлер» горит. Грот- и бизань-мачта вновь сошлись в одну линию – капер развернулся поперек фарватера. Возможно, он неуправляем: бомба попала в верповочный канат или потопила буксирные шлюпки.

Снова выстрелил «Мотылек»; два приспущенных красных вымпела сообщили, что бомбы упали с недолетом, но близко, – видимо, «Бланшфлер» далеко сместился внутри фарватера. Маунд заметил это и немного прибавил пороха. Дым валил клубами, «Бланшфлер» совершенно точно горел, а судя по тому, что он не двигался (стеньги оставались ровно над той же дюной), еще и сел на мель. Маунд выстрелил снова. Они подождали. Бизань-мачта начала очень медленно заваливаться назад, исчезла и грот-мачта. Дым стал таким густым, что, кроме него, ничего видно не было. Маунд вопросительно глянул на коммодора.

– Лучше продолжать обстрел, – хрипло проговорил Хорнблауэр.

Даже если команда поджаривается живьем, его долг – полностью уничтожить «Бланшфлер». Мортиры взрели снова, бомбы начали крутой подъем, продолжавшийся целых десять секунд, прежде чем траектория пошла вниз. «Моллюск» просигналил: «Близко и перелет». Выстрелил «Мотылек». «Моллюск» отметил попадание. Хорнблауэр мысленным взором видел, как бомбы сыплются с неба на французов, которые среди пламени пытаются спасти корабль – обгорелый, лишенный мачт, на мели. Эти образы возникли в одно мгновение, потому что, как только «Моллюск» поднял два черных шара, Маунд наклонился зажечь фитили; они еще не загорелись, когда его остановил мощный раскат взрыва. Хорнблауэр торопливо поднес к глазу подзорную трубу: над дюнами встал исполинский столб дыма, и в этом дыму вроде бы различались летящие точки – тела или обломки корабля. Огонь добрался до порохового погреба, или туда угодила одна из последних бомб с «Мотылька».

– Сигнальте «Моллюску», мистер Маунд, – сказал Хорнблауэр. – «Что противник?»

Они подождали ответа.

– «Противник... полностью... уничтожен», сэр, – прочел подштурман, и команда нестройно закричала «ура».

– Очень хорошо, мистер Маунд. Думаю, мы можем отойти с мелей, пока еще светло. Поднимите сигнал к отходу с позывными «Моллюска» и «Мотылька».

Бледное северное солнце обманчиво. Оно светит, но не дает тепла. Хорнблауэра пробила дрожь. Он сказал себе, что несколько часов простоял на палубе «Гарви» почти неподвижно. Надо было надеть бушлат. Однако дрожь объяснялась другим, и он это знал. Интерес и волнение ушли, оставив по себе тягостную пустоту. Кровавое и безжалостное дело – уничтожить корабль, который не может ответить выстрелом на выстрел. В рапорте оно будет выглядеть впечатляюще, собратья-офицеры станут обсуждать между собой новый успех Хорнблауэра. И только он будет знать про мучительно-тоскливый стыд, накотивший, когда все закончилось.

Глава десятая

Буш с обычным своим суетливым вниманием к хорошим манерам утер рот салфеткой.

– Что, по-вашему, скажут шведы, сэр? – С его стороны вопрос был очень рискованным. Вся ответственность целиком лежит на коммодоре, а Буш по опыту знал, как того может разозлить напоминание, что и он, Буш, тоже об этом думает.

– Они могут говорить что угодно, – ответил Хорнблауэр, – но никакие их слова не становятся «Бланшфлер» из обломков.

Это был на удивление сердечный ответ в сравнении с тем, что Хорнблауэр мог бы сказать. Буш очередной раз задумался, чем объясняется такая перемена – успехом, повышением в чине или женитьбой на леди Барбаре. Что примечательно, Хорнблауэр про себя обдумывал тот же

вопрос и пришел к выводу, что все дело в возрасте. Несколько мгновений он предавался всегдашнему безжалостному, почти нестерпимому самоанализу. Ему удалось смириться с тем, что волосы редеют и поседели на висках, – в первый раз зрелище розовой кожи в зеркале вызвало у него омерзение, теперь он хотя бы привык. Потом он оглядел двойной ряд молодых лиц за столом, и у него потеплело на сердце. Без сомнения, это новое для него отеческое чувство. Внезапно Хорнблауэр понял, что ему вообще симпатичны люди – не важно, молодые или старые, – и его – хотя бы на время, напомнил осторожный внутренний голос, – отпустило желание запереться и терзать себя в одиночестве.

Он поднял стакан:

– Предлагаю выпить, господа, за трех офицеров, чьи выдающиеся профессиональные качества и ревностное внимание к долгу позволили уничтожить опасного противника.

Буш, Монтгомери и два мичмана тоже подняли стаканы и с жаром выпили. Маунд, Дункан и Фримен с британской стеснительностью потупили глаза. Маунд, застигнутый врасплох, покраснел, как девушка, и смущенно заерзал.

– Вы не ответите, мистер Маунд? – спросил Монтгомери. – Вы старший.

– Это все коммодор, – пробормотал Маунд, по-прежнему глядя в скатерть. – Это все он.

Не мы.

– Верно, – подхватил Фримен, встряхивая цыганскими кудрями.

Пора сменить тему, подумал Хорнблауэр, чувствуя, что после всплеска взаимных поздравлений должна наступить неловкая пауза.

– Песню, мистер Фримен, – сказал он. – Мы все наслышаны, что вы замечательно поете.

Хорнблауэр не стал добавлять, что слышал про певческие таланты Фримена от младшего лорда Адмиралтейства, и умолчал, что сам не видит в пении ничего хорошего. Другие люди испытывают странное желание слушать музыку, почему бы не сделать им приятное.

Когда дело дошло до пения, вся стеснительность Фримена куда-то исчезла. Он просто задрал подбородок, открыл рот и запел:

В глубинах Хлоиных очей Сапфир небес, лазурь морей...

Удивительная это вещь – музыка. Фримен явно выполнял некое затейливое и трудное упражнение, он доставлял удовольствие остальным (Хорнблауэр исподволь покосился на других офицеров), но при этом просто пищал и басил на разный манер, произвольно растягивая слова – и какие слова! Тысячный раз в жизни Хорнблауэр попытался вообразить, что другие находят в музыке. Он, как всегда, сказал себе, что это так же невозможно, как слепому вообразить цвет.

Одну лишь Хло-о-ою я люблю!

Фримен умолк, и все в искреннем восхищении замолотили по столу.

– Прекрасная песня и прекрасно спета, – сказал Хорнблауэр.

Монтгомери пытался поймать его взгляд.

– С вашего позволения, сэра, у меня вторая собачья вахта.

Все разом засобирались. Три лейтенанта торопились на свои корабли, Буш хотел обойти палубы, два мичмана с должным сознанием своей ничтожности поспешили поблагодарить за прием и откланяться. Отличный был обед, думал Хорнблауэр, провожая их взглядом, вкусная еда, живой разговор и быстрое завершение. Он вышел на кормовую галерею, аккуратно пригибаясь, чтобы не удариться головой. В шесть часов вечера был еще ясный день: солнце, висевшее довольно высоко, било в галерею прямо с кормы. Под ним угадывалась туманная черточка – остров Борнхольм сразу за горизонтом.

Ветер снова дул с северо-запада. Тендер, ложась в бейдевинд под выбранным втугую, плоским, как доска, гротом, прошел сразу за «Несравненной». Три молодых лейтенанта на корме смеялись и болтали, потом, заметив коммодора на галерее, тут же приняли более серьезный и подтянутый вид. Хорнблауэр мысленно улыбнулся тому, что так привязался к этим мальчишкам, затем ушел в каюту, чтобы больше их не смущать. Там его ждал секретарь Браун.

– Я прочел газеты, сэр, – доложил он. («Лотос» сегодня днем перехватил прусское рыбацье судно. Судно почти сразу отпустили, конфисковав улов и газеты.)

– И что?

– Вот «Кенигсберг хартунгше цайтунг», сэр, издается, разумеется, под французской цензурой. Вся первая полоса посвящена встрече в Дрездене. Бонапарт был там с семьей королями и двадцатью одним суверенным правителем...

– Семью королями?

– «Короли Голландии, Неаполя, Баварии, Вюртемберга, Вестфалии, Саксонии и Пруссии», сэр, – прочел Браун. – Эрцгерцоги...

– Дальше не надо, – сказал Хорнблауэр.

Он смотрел на замусоленные страницы, в очередной раз удивляясь, до чего же варварский язык немецкий. Бонапарт явно пытается кого-то напугать. Не Англию, которая уже больше десяти лет бесстрашно противостоит его гневу. Возможно, собственных подданных и всю покоренную Западную Европу. Однако, скорее всего, Бонапарт хочет устрашить русского царя. У России есть много причин злиться на грозного соседа, и сейчас Бонапарт, вероятно, демонстрирует свои силы, чтобы принудить ее к покорности.

– Есть что-нибудь о передвижениях войск? – спросил Хорнблауэр.

– Да, сэр. Я удивлен, как свободно об этом пишут. Императорская гвардия в Дрездене. Упомянуты Первый, Второй, – Браун перевернул страницу, – и Девятый корпуса. Они в Пруссии, идут к Данцигу... и Варшаве.

– Девять корпусов, – задумчиво произнес Хорнблауэр. – Триста тысяч человек, как я понимаю.

– Здесь есть абзац о резервной кавалерии Мюрата. «Сорок тысяч человек, великолепно экипированных, на прекрасных конях». Бонапарт дал им смотреть.

Огромная человеческая масса скапливается на границе между империей Бонапарта и Россией. А ведь в распоряжении Бонапарта еще австрийская и прусская армии. Полмиллиона – шестьсот тысяч человек. Мозг отказывался вообразить такие числа. Могучая людская волна катится по Восточной Европе. Если Россия не испугается угроз, едва ли она устоит перед таким натиском. Участь России предрешена: она либо покорится, либо падет. Еще ни одно континентальное государство не устояло перед Бонапартом, только Англия еще противостоит ему да Испания продолжает сражаться, хотя его армия razорила каждую деревню на этом несчастном полуострове.

Хорнблауэром вновь овладели сомнения. Он не мог понять, на какую пользу от захвата России рассчитывает Бонапарт. Какие выгоды оправдают затраченные усилия и пусть небольшой, но риск? Армии и деньгам можно найти куда более разумное применение. Наверное, войны не будет. Россия покорится, и Англии придется воевать с Европой, целиком подвластной тирану. И все же...

– А вот «Варшавский вестник», – продолжал Браун. – Чуть более официальная газета, с французской точки зрения, чем кенигсбергская, хоть и на польском языке. Здесь большая статья про Россию. Говорится о «казацкой угрозе Европе». Александра называют «варварским правителем варварского народа» и «наследником Чингисхана». Пишут, что «Санкт-Петербург – источник всей потенциальной анархии в Европе»... «угроза миру»... что он «сознательно противится благам, которые несет человечеству французский народ».

– И все это, надо думать, печатается с одобрения Бонапарта, – заметил Хорнблауэр наполовину для себя, однако Браун был по-прежнему увлечен статьей.

– «Жестокий разоритель Финляндии», – читал Браун более чем наполовину для себя.

Он поднял зеленые глаза от газеты. В них горела ненависть, которая немного испугала Хорнблауэра. Он вспомнил то, о чем благополучно почти забыл: Браун стал нищим изгнанником из-за того, что Россия захватила его страну. Он пошел на английскую службу, но тогда Россия была хотя бы номинальным врагом Англии. Хорнблауэр мысленно взял на заметку: не доверять Брауну никаких конфиденциальных дел, связанных с Россией. По своей воле она никогда не вернет финнам независимость, а вот Бонапарт может – может провозгласить Финляндию независимой, по крайней мере на словах. Некоторые до сих пор верят его декларациям, несмотря на все прошлые обманы и вероломство, жестокость и грабежи.

За Брауном стоит приглядывать, подумал Хорнблауэр. Еще одна забота, как будто мало ему других. Он может шутить с Бушем о шведах и русских, но тайные тревоги этим не заглушить. Что, если уничтожение «Бланшфлера» в померанских водах стало для Швеции последней каплей? Что, если Бернадот в эту самую минуту готовится по-настоящему вступить в войну против Англии? В таком случае решимость России почти наверняка будет сломлена окончательно. Из-за действий Хорнблауэра Англия останется одна против всего мира. Отличный итог первой самостоятельной операции. Треклятые братцы Барбары высокомерно посмеются над его провалом.

Хорнблауэр с усилием отогнал кошмарные видения и заметил, что Браун по-прежнему погружен в свои. Ненависть в его глазах, напряженное сосредоточенное лицо по-настоящему пугали. Тут кто-то постучал в дверь. Браун вышел из забытья и принял обычное выражение почтительного внимания.

– Войдите! – крикнул Хорнблауэр.

Это был вахтенный мичман.

– Мистер Монтгомери отправил меня передать вот это сообщение с «Ворона».

Он протянул грифельную доску, на которой сигнальный офицер написал следующее:

Подшло шведское судно, запрашивает дозволения встретиться с коммодором.

– Я поднимусь на палубу, – сказал Хорнблауэр. – Спросите капитана, не будет ли он так любезен подняться тоже.

– Капитан на палубе, сэр.

– Очень хорошо.

Буш, Монтгомери и еще человек пять офицеров смотрели в подзорные трубы на марсели «Ворона» далеко по правому траверзу – эскадра вновь прочесывала Балтийское море. До заката оставался еще почти час.

– Капитан Буш, – сказал Хорнблауэр. – Я буду признателен, если вы возьмете курс на «Ворона».

– Есть, сэр.

– И просигнальте эскадре: «занять ночные позиции», пожалуйста.

– Есть, сэр.

«Несравненная» тяжело повернулась, кренясь от ветра. Вахтенные тянули брасы правого борта.

– Парус за кормой «Ворона», сэр, – доложил Монтгомери. – По виду бриг. Судя по форме марселей – шведский, сэр. Из балтийских купцов, каких можно часто видеть на Лейтском рейде.

– Спасибо, – ответил Хорнблауэр.

Скоро он узнает, какие новости. Они могут оказаться – и, вероятно, окажутся – в высшей степени неприятными. Новый груз ответственности на его плечи, если не известие о полном крахе. Он поймал себя на том, что завидует Монтгомери: обязанности вахтенного офицера

просты, надо только исполнять приказы, наблюдать за погодой, а все важные решения препоручать старшему по званию. Хорнблауэр заставил себя стоять неподвижно, сцепив руки за спиной, покуда «Несравненная» и бриг сблизились. Над горизонтом возникли нижние паруса, а затем и корпус брига. Небо на западе пламенело, однако света было еще достаточно.

– Капитан Буш, – сказал Хорнблауэр, – я попрошу вас лечь в дрейф. Они спустили шлюпку.

Нет, он не проявит вульгарного любопытства, не станет глядеть в шлюпку, пока она приближается. Он спокойно расхаживал взад и вперед по шканцам, наслаждаясь приятной вечерней погодой, глядя куда угодно, только не на шлюпку, в то время как все остальные офицеры и матросы смотрели и строили догадки. И все же Хорнблауэр, при всем своем внешнем равнодушии, повернулся к входному порту в тот самый миг, когда там показался гость. Сперва ему предстала смутно знакомая треуголка с белым пером, затем под треуголкой появились одутловатое лицо и дородная фигура барона Бассе. Тот приложил шляпу к груди и поклонился в точности как прошлый раз.

– Ваш слуга, сэр. – Хорнблауэр поднес руку к полям шляпы. В его движении была некая скованность: он прекрасно помнил барона и даже мог бы описать в малейших подробностях, но начисто позабыл его имя.

Рядом стоял вахтенный мичман.

– Позовите мистера Брауна, – сказал Хорнблауэр.

Швед что-то говорил, но что именно – понять было невозможно.

– Простите, сударь? – сказал Хорнблауэр, и Бассе повторил свои слова – с тем же результатом. Он начал в третий раз, медленнее, но умолк, видя, что Хорнблауэр рассеянно смотрит на входной порт.

Хорнблауэр изо всех сил старался быть вежливым, но над входным портом как раз показался большой меховой кивер, а перед таким интригующим зрелищем он устоять не мог. Большой меховой кивер с белым плюмажем, рыжие усы, алый мундир, красный кушак, много золотого галуна, синие рейтузы с красными лампасами, сапоги, шпага с золотой рукоятью, странно поблескивающая в свете догорающего дня. Гвардейская форма. Ее обладатель был для гвардейца маловат ростом, но регламент знал: он отсалютовал шканцам, просеменил вперед на коротких ногах и молодежато щелкнул каблуками.

– Добрый вечер, сэр, – сказал он. – Вы капитан сэр Горацио Хорнблауэр?

– Да, – ответил Хорнблауэр.

– Позвольте представиться. Лорд Уичвуд, полковник Первого гвардейского полка.

– Добрый вечер, – сухо ответил Хорнблауэр. Как коммодор, он был выше полковника по званию и мог позволить себе держаться холодно, пока не выяснит, что происходит. Он надеялся скоро услышать, что означает появление полковника гренадерской гвардии в полном парадном мундире посреди Балтийского моря.

– У меня депеши, – объявил полковник Уичвуд, роясь за пазухой мундира. – Вам от посла в Стокгольме.

– Пройдемте в мою каюту. – Хорнблауэр метнул взгляд на Бассе.

– Полагаю, вы уже знакомы с бароном Бассе. Ему тоже есть что вам сообщить.

– Тогда, возможно, барон любезно спустится с нами? Если вы, господа, позволите мне идти первым, я покажу вам дорогу.

Браун церемонно перевел, и Хорнблауэр возглавил шествие. В темной каюте Браун-вестовой поспешил внести лампы и придвинуть стулья. Уичвуд опустился на стул с осторожностью, какой требовали узкие рейтузы. Браун-секретарь встал к переборке.

– Слышали, что учинил Бони? – начал полковник.

– Последнее время я не получал новостей.

– Отправил пятьдесят тысяч солдат в Шведскую Померанию. Как только узнал о вашей бомбардировке под Штральзундом.

– Вот как?

– Ими командует Вандам. Все как обычно. Для начала он оштрафовал штральзундский муниципалитет на сто тысяч франков за то, что его не встретили колокольным звоном. Затем прервал службу в соборе Святого Духа, чтобы изъять церковную утварь. Схватил генерал-губернатора и бросил в тюрьму. Рюгенский гарнизон пытался не пропустить армию на остров, и теперь она вымещает зло на мирном населении. По всему острову убийства, насилия, грабежи. Барон спасся на рыбацкой лодке. Все остальные военные и чиновники арестованы.

– Так Бонапарт теперь воюет со Швецией?

Уичвуд пожал плечами; складывалось впечатление, что все в Балтике пожимают плечами в ответ на прямой вопрос, кто с кем воюет.

– Про это вам расскажет барон, – сказал Уичвуд.

Они оба повернулись к Бассе. Тот начал длинную шведскую речь, Браун переводил:

– Он говорит, что вопросы войны и мира решает его королевское высочество Карл Юхан, известный в прошлом как маршал Бернадот. Его королевское высочество сейчас за пределами Швеции. Он гостит у царя.

– Думаю, об этом есть в депешах, которые я вам привез. – Уичвуд вынул большой холщовый пакет со множеством печатей.

Хорнблауэр разорвал пакет и прочел:

Посольство Его Британского Величества в Стокгольме

20 мая 1812 г.

Сэр!

Податель сего, полковник Первого гвардейского полка лорд Уичвуд, ознакомит Вас с текущей политической ситуацией. Есть основания надеяться, что вторжение Бонапарта в Шведскую Померанию вынудит шведское правительство объявить войну. Посему необходимо оказать всяческое содействие тем шведским чиновникам, которые выразят желание снестись с его королевским высочеством кронпринцем. Вам указывается и предписывается доставить такого рода чиновников в Россию либо обеспечить им эскорт военных судов. Кроме того, Вам указывается и предписывается воспользоваться упомянутой оказией, дабы предоставить полковнику Уичвуду возможность вступить в переговоры с русским правительством и заверить, что в случае войны между Его Императорским Величеством и французским правительством Его Императорское Величество может рассчитывать на полную поддержку как морских, так и сухопутных сил Его Британского Величества. Вам со своей стороны, буде представится случай, надлежит всемерно содействовать улучшению отношений между Его Величеством и Его Императорским Величеством.

Ваш покорный слуга,

Г. Л. Мэрри

Его Британского Величества посол в Стокгольме

КАПИТАНУ СЭРУ ГОРАЦИО ХОРНБЛАУЭРУ, КАВАЛЕРУ ОРДЕНА БАНИ

Коммодору британской эскадры в Балтике

Хорнблауэр дважды внимательно перечел письмо. Решение предстояло важное. Не дело Мэрри ему приказывать, тем более в таких выражениях, – это прерогатива его флотского начальства. Посол – важное лицо (для морского офицера в заграничных водах – самое важное после лордов Адмиралтейства), однако он может только просить и советовать, а не указывать и предписывать. Если Хорнблауэр последует указаниям Мэрри, а дело обернется плохо, он

не сможет сослаться на них в адмиралтействе. С другой стороны, если пренебречь письмом Мэрри, тот отправит в Лондон гневную жалобу.

Хорнблауэр припомнил полученные в Адмиралтействе приказы; в отношениях с северными державами ему предоставили широкую свободу действий. Письмо Мэрри не снимает с него ответственности. Он может отправить Уичвуда и Бассе на рыбацьем судне, а может отвезти их сам. Главный вопрос – хорошо ли, что весть о вторжении Бонапарта доставит британская эскадра. Тех, кто приносит дурные вести, всегда не любят – и этот нелепый предрассудок тоже надо держать в голове. Двух властелинов может раздосадовать напоминание, что британский флот повсюду и везде сеет неприятности. С другой стороны, появление британской эскадры напомнит, что у Англии длинные руки. Если Россия и Швеция покорятся Бонапарту, им придется воевать с Англией уже по-настоящему – меньшим Бонапарт не удовлетворится. Британские марсели на горизонте, сознание, что война будет означать немедленную блокаду, что ни одно торговое судно не сможет спокойно покинуть порт, что ни одно прибрежное селение не будет спать спокойно, – все это способно повлиять на царя. Да, Бонапарт у границ России, но британский флот – на подступах к ее столице.

Хорнблауэр принял решение.

– Господа, – сказал он. – Полагаю, что мой долг – доставить вас в Россию. Если вы согласны перебраться на мой корабль, то он в вашем распоряжении.

Глава одиннадцатая

Несмотря на титул и принадлежность к гвардии, несмотря на рыжие усы и рыбы глаза, несмотря на комичный мундир и нелепый рост, Уичвуд оказался очень неглуп и сведущ. К тридцати двум годам он успел побывать чуть ли ни при всех европейских дворах, знал их сильные и слабые стороны, численность их войск, обычаи и предрассудки. Сейчас он (по приглашению Хорнблауэра) сидел в коммодорской каюте. Дул резкий западный ветер, «Несравненная», сильно кренясь с боку на бок и с носа на корму, летела по балтийским волнам. Барон Бассе лежал у себя в каюте с морской болезнью, так что их не стесняло его присутствие. Уичвуд был бледнее обычного и несколько напряжен, однако держался молодцом.

– Слабость Бони, – говорил Уичвуд, – что он уверен, будто всякое противодействие можно подавить силой. Часто он оказывается прав, чему свидетельством вся его прошлая карьера. Но временами он ошибается. Люди готовы драться, даже умирать, лишь бы избавиться от его ига.

– Это показала Испания, – кивнул Хорнблауэр.

– Да. Впрочем, с Россией может оказаться иначе. Россия – это царь в куда большей мере, чем Испания – Бурбоны. Если Александр сдастся перед угрозами Бонапарта, сдастся и Россия. Он проглотил уже немало оскорблений.

– Он много чего проглотил, не только оскорбления, – заметил Хорнблауэр.

– Вы о Финляндии? А до того были Литва, Курляндия и другие балтийские провинции. Вы лучше меня понимаете, какое значение они имеют для обороны Санкт-Петербурга, так что мне трудно обвинять царя. Да, в Англии захват Финляндии вызвал бурю чувств. Надеюсь, они поутихнут, когда царь станет нашим союзником.

– И насколько это вероятно?

– Бог его знает. Если он заручится поддержкой Швеции, то, возможно, и вступит в войну. Все зависит от того, готов ли Бернадот без боя уступить Шведскую Померанию.

– Тут Бонапарт явно поспешил.

– Истинная правда! Британский флаг для него – как красная тряпка для быка. Когда вы уничтожили тот корабль – «Бланшфлер», кажется? – под самым его носом, он взбесился. Сам толкает шведов к войне.

– Будем надеяться, – сказал Хорнблауэр, заметно успокоенный.

Решившись уничтожить «Бланшфлер», он сильно рисковал: при неблагоприятном повороте событий его могли бы привлечь к ответу. Человек более осторожный ограничился бы наблюдением за капером (и, вероятно, упустил бы того в первую же туманную ночь, но за туман никого не привлекут к трибуналу). Начни Швеция войну, вся Англия потребовала бы наказать офицера, чьи действия вызвали катастрофу. И все же он чувствовал, что выбрал единственно верный путь: показал, что Англия может и готова проявить силу. В истории мало случаев, когда робость оказывалась полезной.

Эскадра доставит в Санкт-Петербург и другие известия. Веллингтон наступает: он взял Сюдад-Родриго и Бадахос и теперь готовится нанести удар в самое сердце полуострова. Возможно, царя и Бернадота укрепит мысль, что немалая часть французской армии занята на юге.

Его шурин уже граф. Еще победа-другая – и станет герцогом. Барбара наверняка им горда. Еще один повод страшиться неуспеха для себя – у Барбары высокий эталон для сравнения. Однако она поймет. Ей известно, как велики ставки в его балтийской игре – не ниже, чем у ее брата в испанской; известно, какого морального мужества требуют такие решения. Она разберется... Ну уж нет! Он не хочет, чтобы жена подыскивала ему оправдания. От этой мысли кровь вскипела так, что пришлось, извинившись перед Уичвудом, выйти на палубу, под проливной дождь, и ходить по шканцам, покуда другие офицеры опасливо держались в стороне. Все в эскадре уже поняли, что только дурак сунется под ноги коммодору, когда тот расхаживает по палубе.

Хотя близился уже конец мая, ветер пробирал до костей; эскадра качалась на коротких крутых волнах, серых под свинцовым небом. Они шли на север, к Финскому заливу, к России, где сейчас решаются судьбы мира. Ночь была не темнее неба: здесь, на шестидесяти градусах северной широты, солнце лишь ненадолго пряталось за край горизонта. В призрачном лунном свете они обогнули Гохланд и легли в дрейф в виду острова Лавенсаари, чтобы подойти к Кронштадту, когда рассветет.

Браун в этот ранний час был уже на палубе и стоял у фальшборта, чуть не перевесившись в море. Серая полоса тумана на горизонте – его родина, Финляндия лесов и озер, захваченная и отнятая царем. Хорнблауэр заметил его обреченно ссутуленные плечи и пожалел бедолагу. Однако в душе уже поднималось волнение: какой-то прием окажет им царь? Появился Буш, в эполетах и при шпаге, придирчиво оглядывая палубу и мачты. Скоро на корабль обратятся взгляды недружественной державы, и надо не ударить в грязь лицом.

– Капитан Буш, – сказал Хорнблауэр, – я попрошу вас сняться с дрейфа и взять курс на Кронштадт.

– Есть, сэр.

Хорнблауэру хотелось спросить, идет ли подготовка к салюту, но он сдержался. В обычных делах Бушу можно довериться целиком, и негоже коммодору посягать на его вотчину. Хорошо, что он до сих пор еще ни разу не забыл, отдавая приказы Бушу как равному по действительному званию, прибавлять «будьте любезны» или «я вас попрошу», хотя для этого до сих пор требовалось некоторое усилие.

Он повернулся спиной к встающему солнцу и направил подзорную трубу за корму. Эскадра снималась с дрейфа и занимала места в кильватерном строю: сперва – два шлюпа, затем – два бомбардирских кеча, последний – тендер.

– Общий сигнал! – гаркнул Хорнблауэр. – «Лучше держать строй!»

Он хотел, чтобы его эскадра проследовала извилистым фарватером точно, словно бусины на нитке. Уичвуд и Бассе тоже вышли на палубу; Хорнблауэр увидел их краем глаза, но сделал вид, будто не заметил.

– Повторите сигнал, – резко произнес он, – с позывными «Гарви».

«Гарви» слегка увалился с курса; юному Маунду надо лучше приглядывать за рулевым. По правому борту, там, где от ораниенбаумского берега тянулись широкие мели, границы фарватера были отмечены буями. Они вились причудливой змеей; если он когда-нибудь будет входить сюда как враг, задача будет не из простых. Слева по курсу показались серые укрепления Кронштадта; поворот фарватера – и нос «Несравненной» указал прямо на них; в случае боя батареи накрыли бы весь строй анфиладным огнем. Затем фарватер опять повернул; здесь он был спрямлен так, что все корабли проходили прямо под пушками Кронштадта. В подзорную трубу Хорнблауэр видел над низкими стенами белый флаг с синим Андреевским крестом.

– Поднимите сигнал «Бросить якорь», – сказал Хорнблауэр сигнальному мичману, потом выразительно глянул на Буша. Тот кивнул. У него все готово. Корабль полз вперед, ближе и ближе к пушкам.

– Опускайте! – приказал Хорнблауэр, и сигнал пошел вниз. Шесть якорных канатов загромыхали в клюзах. На шести кораблях тысяча людей побежала по вантам, и паруса исчезли, словно по волшебству.

– Неплохо, – заметил Хорнблауэр и тут же внутренне улыбнулся собственной слабости: ни один маневр никогда не удовлетворит его полностью.

Пушка на носу громыхнула, начиная отсчитывать салют российскому флагу. Форт выпустил клуб дыма, и вскоре до слуха донесся первый ответный выстрел. Раз... два... три... десять... одиннадцать. Значит, русские узнали брейд-вымпел и знают, как салютовать коммодору. Подошла шлюпка, чтобы выписать им карантинное свидетельство. Доктор, с большой черной бородой, говорил на ломаном французском. Хороший случай проверить, насколько Браун владеет русским. Он легко перевел заявление Хорнблауэра, что на кораблях эскадры нет заразных болезней. Матросы взволнованно столпились у борта и разглядывали русских моряков. Впрочем, по виду они ничуть не отличались от любых других: те же цветные рубахи, драные штаны и босые ноги, и со своим суденышком управлялись довольно ловко.

Буш пришел в ярость и разогнал зевак.

– Болтают, как стая мартышек! – с возмущением сказал он первому лейтенанту. – Трещат, как целое дерево сорок! Что русские о нас подумают? Займите людей работой и не давайте им отвлекаться!

В условиях сомнительного нейтралитета лучше было, чтобы на берег первым отправился Бассе. Формально эскадра зашла в Кронштадт с единственной целью – доставить барона с известиями к кронпринцу. Хорнблауэр распорядился спустить для него собственный катер. Шлюпка вернулась без Бассе и без каких-либо сведений. Бассе сошел на пристани, шлюпка согласно распоряжению Хорнблауэра тут же направилась назад к кораблю. Если не считать салюта и посещения санитарного врача, Российская империя никак не выказала, что знает о появлении британской эскадры.

– За кого они нас принимают? – возмущался Буш – как всегда, изводясь от бездействия.

Он не хуже Хорнблауэра знал, что в дипломатических делах спешка вредна, но, в отличие от коммодора, не мог разыгрывать спокойствие. Хорнблауэр стоял на палубе в парадном мундире, с лентой и звездой, и Буш то и дело выразительно на них косился; ему хотелось, чтобы коммодор отправился на берег, к местным властям, и прояснил ситуацию. Однако Хорнблауэр был непреклонен. Он ждал приглашения. Англия все эти годы выдерживала европейские шторма без помощи России; переговоры пойдут легче, если Россия сделает первый шаг, – при условии, что она его сделает. Эскадра доставила шведского чиновника к Бернадоту. Если русские воспользуются этим случаем для переговоров с британским коммодором – очень хорошо. Если нет – придется изобретать какой-нибудь другой план.

– Телеграф работает без остановки с той минуты, как Бассе сошел на берег, – заметил Буш, глядя в подзорную трубу.

Три черные руки семафора деловито передавали что-то другой станции, расположенной дальше в заливе. В остальном смотреть было практически не на что: за плоским островом торчало несколько мачт, указывая положение военного дока; в той же стороне покачивались на якорях два или три торговых суденышка, рыбацьи лодки выбирали сети.

– Шлюпка! – неожиданно воскликнул Монтгомери.

Щегольской полубаркас вылетел из военного дока и теперь шел в бакштаг поперек фарватера, удаляясь от «Несравненной».

– Русский флаг, – сказал Буш. – Кто на борту, не видите?

Однако шлюпка была слишком далеко.

– Вроде бы я различаю золотой позумент, – неуверенно проговорил Карлин.

– Экая неожиданность, – проворчал Буш. – Слепой бы догадался, что на командирском полубаркасе будет золотой позумент.

Шлюпка все удалялась, ее белый парус стал еле различимым пятнышком.

– Пожалуйста, капитан Буш, позовите меня, если что-нибудь произойдет, – сказал Хорнблауэр.

В каюте Браун помог ему снять тяжелый мундир с эполетами. Оставшись один, Хорнблауэр заходил из угла в угол. Он открыл ящик с пистолетами – подарок Барбары, – перечел записку – последнюю весточку от нее – и снова захлопнул крышку. Вышел на кормовую галерею и тут же вернулся. Мысль, что он нервничает, бесила. Он взял с полки путевые заметки архидьякона Кокса¹² с серьезным намерением больше узнать про Россию, однако длинные ученые фразы казались совершенно бессмысленными. Хорнблауэр отложил Кокса и взял томик «Чайльд Гарольда».

– Ходульность и мишура! – пробормотал он, перелистывая страницы.

Пробило шесть склянок. Раньше двух обед не потребуешь. Хорнблауэр лег на койку, закрыл глаза, стиснул кулаки и приказал себе уснуть. Больше всего ему хотелось сейчас расхаживать по шканцам, но он не мог прилюдно показать, что от волнения не находит себе места. Минуты шли на свинцовых ногах; никогда в жизни он не чувствовал себя таким несчастным.

Пробило восемь склянок, сменилась вахта. Прошла целая вечность, прежде чем снаружи послышались шаги и в дверь постучали.

– Войдите! – крикнул Хорнблауэр и заморгал на мичмана, будто только что пробудился от глубокого сна.

– К нам приближается шлюпка, – сообщил мичман.

– Я поднимусь на палубу, – ответил Хорнблауэр. – Скажите, чтобы позвали моего вестового.

Браун подал ему мундир, и Хорнблауэр вышел на палубу. Шлюпка приближалась.

– Тот же полубаркас, что прежде, – заметил Херст.

Шлюпка привелась к ветру, парус убрали. Баковый матрос что-то крикнул по-русски.

– Где мистер Браун? – спросил Хорнблауэр.

Баковый повторил свой вопрос, Браун перевел:

– Он спрашивает разрешения зацепиться за руслень, сэр. И говорит, у него для вас письмо.

– Скажите, чтобы подошел к борту, – ответил Хорнблауэр. Зависимость от переводчика его раздражала.

Команда шлюпки выглядела молодцевато. На матросах было что-то вроде формы: голубые рубахи и синие штаны. На корме стоял офицер в военном мундире, расшитом шнурами на

---

¹² Уильям Кокс (1747–1828) – английский священник, автор множества исторических трудов и путевых заметок, в частности «Путешествия по Польше, России, Швеции и Дании», впервые опубликованного в 1784 г. и в дальнейшем не раз переиздававшегося с исправлениями и дополнениями автора.

гусарский манер. Гусар неловко выбрался на палубу и отсалютовал скоплению золотого позумента. Потом вытащил письмо и протянул его, что-то пояснив по-русски.

– От его императорского величества, – перевел Браун дрогнувшим голосом.
Хорнблауэр взял письмо; оно было подписано на французском:

*M. LE CHEF D'ESCADRE LE CAPITAINE SIR HORNBLOWER, VAISSEAU BRITANNIQUE
NOONSUCH*¹³

Очевидно, царский секретарь, при всех своих возможных талантах, плохо разбирался в английских титулах и правописании. Само письмо тоже было написано по-французски – Хорнблауэр порадовался, что может обойтись без услуг Брауна.

*Петергофский дворец,
Придворная контора императорского двора
30 мая 1812 г.
Сударь!*

По поручению Его Императорского Величества Императора Всея Руси выражаю радость Его Императорского Величества по поводу вашего прибытия. Его Императорское Величество и Его Королевское Высочество принц Шведский приглашают Вас и Ваших офицеров отобедать сегодня во дворце в четыре часа пополудни. Его Высокопревосходительство министр флота предоставил шлюпку, которая доставит Вас и Ваших спутников на пристань. Податель сего письма будет Вашим провожатым.

*Примите уверения в совершеннейшем к Вам почтении,
Кочубей, обер-гофмейстер двора*

– Меня приглашают отобедать с царем и Бернадотом, – сказал Хорнблауэр, протягивая Бушу письмо.

Буш оглядел бумагу, склонив голову набок, будто и впрямь понимал по-французски.
– Полагаю, вы идете, сэр?
– Да.

Не очень-то вежливо было бы начинать знакомство с отказа явиться по монаршему приглашению.

Хорнблауэр внезапно огляделся и заметил, что половина корабельных офицеров жадно ловит его слова. Так не годится. Коммодора должен окутывать ореол величавой таинственности. Он совершенно утратил бдительность.

– Вам что, больше нечего делать, кроме как стоять и слушать? – рявкнул он. – Если потребуется, я и старших офицеров могу отправить на салинг!

Приятно было видеть, с каким испугом они заспешили прочь, избегая смотреть в гневные глаза коммодора. Только тут Хорнблауэр заметил в руке у гусара еще письмо. Он взял пакет.

– Это вам, полковник, – сказал он, передавая письмо Уичвуду, затем вновь повернулся к Бушу. – Царь и Бернадот в Петергофе – это место отмечено на карте. Вон там, на ораниенбаумском берегу. Разумеется, в мое отсутствие вы останетесь на корабле старшим.

На открытом лице Буша проступили смешанные чувства. Очевидно, он вспомнил случаи, когда Хорнблауэр оставлял его на корабле вместо себя: в Южной Америке, где отправлялся вести опасную игру с самовластным безумцем, или у французского побережья перед той или иной отчаянной вылазкой.

– Есть, сэр.

---

¹³ Господину командующему эскадрой сэру Горнбловверу на британский корабль «Неесравненная».

– Мне предписано взять с собой офицеров, – сказал Хорнблауэр. – Как по-вашему, кто хотел бы пообедать с царем?

С Бушем, равным ему по действительному званию, коммодор мог и пошутить – особенно после того, как поставил на место других офицеров.

– Наверное, сэр, вам понадобится Браун?

– Да, наверное.

Обед у царя – большое событие для молодого офицера, о таком он сможет рассказывать до конца дней. Это способ поощрить за отличную службу. Быть может, некий будущий адмирал получит сегодня бесценный опыт.

– Я возьму Херста. – (Первый лейтенант не похож на будущего адмирала, но дисциплина требует, чтобы Хорнблауэр включил его.) – И юного Маунда, если вы просигналите, чтобы он прибыл на корабль. И одного мичмана. Кого вы посоветуете?

– Сомерс – самый толковый, сэр.

– Это который толстый? Очень хорошо, возьму его. Вы тоже приглашены, полковник?

– Да, сэр, – отвечал Уичвуд.

– Там надо быть к четырем. Сколько займет дорога?

Он взглянул на гусара, который не понял вопроса, и поискал глазами Брауна. Тот ушел с палубы. Возмутительно! Когда Хорнблауэр разгонял зевак, он, разумеется, не имел в виду переводчика. Очень в духе Брауна с его нарочитым смирением сделать вид, будто он понял коммодора буквально. Хорнблауэр сердито распорядился позвать его, однако с появлением Брауна легче не стало. Гусар в ответ на переведенный вопрос завел глаза к небу, пожал плечами и наконец изрек (Браун переводил), что дорога может занять два часа, а может – четыре. И впрямь, откуда сухопутному офицеру знать, сколько времени займет поездка в шлюпке.

– Черт, на обед к царю опаздывать нельзя, – сказал Хорнблауэр. – Отбываем через полчаса.

Точно в назначенное время он подошел к борту и увидел, что остальные уже ждут. Пухлые щеки Сомерса побагровели от туго затянутого галстука, по Херсту и Маунду было видно, как неловко им в парадных мундирах.

В соответствии с освященной временем традицией Сомерс, как самый младший, первым спустился в шлюпку. Браун шел вторым. Когда он поднял руку, чтобы схватиться за борт, тугой рукав потянул сюртук, а с ним и жилет. Что-то блеснуло за поясом, что-то черное. Это должна быть рукоять пистолета, засунутого под пояс панталон, там, где выпуклость будет наименее заметна. Браун, разумеется, был при шпаге; Хорнблауэр задумался, для чего ему еще и пистолет. Однако Маунд и Херст уже спускались, за ними – Уичвуд в алом мундире и меховом кивере. Следующим полагалось идти гусару, чтобы Хорнблауэр спустился в шлюпку последним, но русский с дурацкой вежливостью кланялся, пропуская коммодора вперед.

– После вас, сударь, – сказал Хорнблауэр.

Ему пришлось топнуть ногой, чтобы невежественный армейский офицер подчинился. Наконец он сам под свист боцманских дудок перелез через борт. Офицеры провожали его, вытянувшись во фронт и приложив руку к полям шляпы. В носовой части полубаркаса была маленькая каюта, Хорнблауэр с Уичвудом и Херстом ушли туда, Маунд, уорент-офицеры и гусар скромно остались на корме. Рулевой выкрикнул что-то непонятное, матросы развернули люгерный парус, и шлюпка двинулась к ораниенбаумскому берегу.

Со своего места Хорнблауэр видел Брауна на корме – тот сидел в напряженной позе. Все-таки непонятно, зачем ему пистолет. Допустим, он боится, что его арестуют – как недавнего мятежника. Однако даже русские не посмеют тронуть британского офицера в британской форме. Большая пистолетная рукоять, черная. Хорнблауэр внезапно нервно заерзал. Это его пистолет, один из подаренных Барбарой. Рукоять эбенового дерева, ее не спутаешь.

Вор на корабле – это всегда крайне неприятно: подозрительность распространяется мгновенно. Правда, сейчас случай другой, и все равно хорошего мало – ни в предстоящем разбирательстве, ни в том, что Брауна придется наказать. Английский нарезной пистолет с капсулями, – возможно, в России таких еще не видели; Браун вполне может рассчитывать, что выручит за него двести или триста гиней. И все же при всей неприязни ему трудно было вообразить Брауна мелким воришкой.

Рулевой выкрикнул какой-то новый приказ, и шлюпка легла на другой галс. Рейковый парус приходилось при смене галсов убирать и поднимать снова; Хорнблауэр с профессиональным интересом наблюдал за русскими матросами. Они работали споро и ловко, но чего еще ждать от шлюпки на адмиралтейской службе? «Несравненная» осталась далеко позади, только ее мачты еще виднелись над горизонтом. Близко от шлюпки возник буй и сразу остался за кормой – видимый знак, как быстро она летит.

– Теперь мы идем на зюйд-вест, сэр, – заметил Херст. – Вышли из фарватера.

Он выбрался из тесной каюты и смотрел вперед.

– Земля прямо по курсу, но никакого дворца не видно.

– Я про Петергоф ничего не знаю, – сказал Уичвуд. – Был в Царском Селе и в Зимнем субалтерном при штабе Вильсона¹⁴ перед Тильзитом. Петергоф – одна из малых резиденций; думаю, его выбрали, чтобы Бернадот мог прибыть на встречу прямо по морю.

Бесполезно было обсуждать, к чему приведет сегодняшняя встреча, однако Хорнблауэр лишь с усилием поборол это искушение. Минута уходила за минутой, прежде чем рулевой отдал новый приказ. Парус пошел вниз, шлюпка развернулась, и впереди возникли столбы пристани. Полубаркас пришвартовался у широкой лестницы, ведущей с причала в воду. На сей раз учтивость русского офицера была вполне к месту. Последним в шлюпку, первым из шлюпки, в порядке старшинства – таков флотский этикет. Хорнблауэр, пригнувшись, вышел из каюты, ступил на лестницу и начал подъем, торопливо поправляя на ходу шпагу и треуголку. Как только он достиг последней ступеньки, наверху кто-то выкрикнул приказ. Там выстроился караул из двадцати солдат – гренадеры в меховых киверах и синих мундирах. Они приложили левую руку к груди и взяли на караул – Хорнблауэру, привыкшему к тому, как отдают честь британские морские пехотинцы, движение показалось странным. Однако мундиры и поза выглядели смутно знакомыми. Кого же они ему напоминают? Ах да, конечно! Деревянных солдатиков Ричарда. Кто-то из дипломатических друзей Барбары подарил ему коробку контрабандных немецких солдатиков. Русская армия создана по немецкому образцу, и Петр III ввел немецкие мундиры. Хорнблауэр поднес руку к полям шляпы, отвечая на приветствие офицера, и стоял так, пока не подтянулись остальные. Гусар быстро заговорил с Брауном по-русски.

– Нас ждут кареты, сэр, – перевел Браун.

Хорнблауэр видел их в конце пристани – два открытых четырехместных экипажа, запряженные великолепными лошадьми. Кучера на козлах были в пудренных париках с косичками и в красных ливреях – не того оттенка, как британский военный мундир, а чуть теплее. Лакеи в таком же наряде держали лошадей под уздцы, другие лакеи застыли рядом с дверцами.

– Старшие офицеры поедут в первой карете, – объяснил Браун.

Хорнблауэр, потом Уичвуд и Херст залезли в экипаж. Гусар с виноватой улыбкой забрался следом и сел спиной к лошадям. Дверца захлопнулась. Один лакей вскочил на козлы рядом с кучером, другой – на запятки, и лошади помчали вперед. Дорога вилась через большой парк, поляны сменялись купами деревьев, там и сям фонтаны выбрасывали струи высоко в небо, мраморные наяды склонялись над мраморными бассейнами. Иногда на повороте возни-

---

¹⁴ Роберт Томас Вильсон (1777–1849) – английский генерал и военный писатель. Был при штабе русской армии в 1806–1807 гг., после заключения Тильзитского мира отправился в Санкт-Петербург. Позже, во время войны 1812 г., представлял английские интересы при русской армии.

кала широкая красивая аллея, мраморная лестница или изящный мраморный павильон, однако у каждого павильона, у каждого фонтана стоял часовой. При виде кареты все они брали на караул.

– Последние три царя были убиты, – заметил Уичвуд. – Только царицы умирают в своей постели. Александр предпочитает не рисковать.

Экипаж снова круто повернул и въехал на широкий, усыпанный гравием двор. Хорнблауэр едва успел разглядеть в дальнем конце длинное здание в стиле рококо, а карета уже остановилась у входа. Часовой взял на караул, лакей в пудреном парике распахнул двери. Гусар по розовой мраморной лестнице провел гостей в просторный вестибюль, где рой слуг тут же бросился к ним, чтобы принять плащи. Хорнблауэр вспомнил сунуть треуголку под мышку, остальные последовали его примеру. Распахнулись следующие двери. За ними гостей встречал сановник в красном мундире (того же имперского оттенка, что кучерские ливреи, насколько можно было различить цвет под золотым шитьем). Он был в пудреном парике и держал в руке церемониальный жезл черного дерева.

– Кочубей, обер-гофмейстер двора, – представился сановник на прекрасном французском. – Коммодор Горнбловвер? Лорд Вичвуд?

Они поклонились, Хорнблауэр представил остальных. Обер-гофмейстер скользнул взглядом по их мундирам, убеждаясь, что ничто недостойное царского двора не проникнет дальше этих дверей. Затем он вновь повернулся к Уичвуду и Хорнблауэру:

– Его высокопревосходительство министр флота сочтет за честь, если коммодор Горнбловвер уделит ему время для короткой беседы.

– Я к услугам его превосходительства, – ответил Хорнблауэр, – однако прибыл сюда по велению его императорского величества.

– До выхода его императорского величества еще остается время. А его высокопревосходительство министр иностранных дел будет премного обязан, если лорд Вичвуд уделит ему несколько минут.

– Я к услугам его превосходительства, – отвечал Уичвуд. Для человека с его опытом он говорил по-французски на удивление плохо.

– Благодарю вас, – сказал Кочубей.

Он жестом подозвал еще трех придворных, рангом пониже (если считать показателем ранга обилие золотого позумента). По ключу на ленте Хорнблауэр угадал в них камергеров. Последовали новые представления, новые поклоны.

– Теперь, сударь, если вы соблаговолите пройти со мной... – обратился Кочубей к Хорнблауэру.

Два камергера занялись младшими офицерами, один – Уичвудом, а Кочубей повел Хорнблауэра прочь. Тот последний раз оглянулся на спутников. Даже твердокаменный Херст, даже Маунд с его притворной ленцой выглядели испуганными детьми, которых родители оставили незнакомой няньке. Однако у Брауна лицо было совсем другое. Зеленые глаза напряженно блестя, он озирался, как будто замыслил нечто отчаянное. Хорнблауэру сделалось не по себе; он вспомнил, что за волнением поездки во дворец позабыл о Брауне, об украденном пистолете, обо всем, что с ним связано. Требовалось время подумать, однако Кочубей быстро шел вперед. Они миновали великолепную комнату – Хорнблауэр едва успел отметить на ходу картины, мебель, скульптуры, – и двое лакеев (казалось, их тут сотни) распахнули следующие двери. Коридор был высок и широк – скорее картинная галерея, чем коридор, – однако Кочубей прошел по нему лишь несколько ярдов. Он резко остановился у не приметной двери. Два лакея торопливо шагнули в стороны. За дверью началась крутая лестница. Пролет – и они оказались перед следующей дверью. Ее охраняли четыре дюжих молодца в красных мундирах и синих шароварах – первые казаки, которых Хорнблауэр видел собственными глазами. Даже прижавшись к стене, чтобы пропустить гостей, они наполовину перегородили узкую лест-

ницу, и Хорнблауэр вынужден был протиснуться боком. Кочубей очень тихо постучал и тут же открыл дверь, заговорщицким жестом поманив Хорнблауэра за собой.

– Сэр Горнбловвер, – объявил он.

Дородный сановник во флотском мундире с эполетами и множеством орденов, очевидно, был министром флота; он сердечно шагнул вперед и на очень хорошем французском выразил сожаление, что не говорит по-английски. Однако в дальнем углу комнаты сидел еще один человек, высокий и стройный, в изящном голубом мундире. Он был очень красив, но какой-то странной, неземной красотой; восковая бледность щек, подчеркнутая короткими темными бакенбардами, не выглядела болезненной, скорее в ней было что-то от иного мира. Он неподвижно сидел, уперев кончики пальцев в небольшой столик, и оба русских сановника не подавали вида, что знают о его присутствии. И все же Хорнблауэр понял, что это царь. Что ж, если царские приближенные ведут себя так, будто не видят царя, он сумеет притвориться не хуже их.

Хорнблауэр перевел взгляд на министра флота.

– Надеюсь, – сказал тот, – вы в добром здравии?

– Благодарю, – ответил Хорнблауэр. – В самом что ни на есть отменном.

– А ваша эскадра?

– Тоже в отменном здравии, ваше превосходительство.

– Она в чем-нибудь нуждается?

Хорнблауэру вновь пришлось соображать быстро. С одной стороны, хотелось выглядеть совершенно независимым, с другой – он помнил, что вода на исходе. Чем бы ни командовал офицер – кораблем или эскадрой, – он постоянно держит в голове необходимость возобновлять запасы воды. И министр флота – даже русского – это наверняка знает.

– Дрова и вода, как обычно, были бы весьма кстати, – сказал он.

– Я постараюсь прислать вам воду завтра утром, – ответил министр.

– Я очень признателен вашему превосходительству, – сказал Хорнблауэр, гадая, что у него попросят взамен.

– Вам известно, сударь, – продолжал министр, меняя тему так резко, что Хорнблауэр мог объяснить это только нервозностью, вызванной присутствием царя, – что Бонапарт захватил Шведскую Померанию?

– Да, ваше превосходительство.

– И что вы об этом думаете?

Хорнблауэр ответил не сразу: ему пришлось выстраивать свои мысли и придумывать французские фразы.

– Очень типично для Бонапарта. Он терпит нейтралитет слабых держав, пока ему это выгодно, потом вероломно вводит туда войска, с которыми приходят все ужасы бонапартизма: террор, страдания, голод. Тюрьмы, расстрелы, тайная полиция. Купцов и банкиров обирают до нитки, мужчин принудительно вербуют в армию, женщин... весь мир знает, что происходит с женщинами.

– Но вы не думаете, что грабеж – его единственная цель?

– Не думаю, ваше превосходительство, хотя для Бонапарта грабеж – один из способов свести непомерные расходы с доходами. Бонапарт захватил Померанию в тот же миг, как она, с появлением моей эскадры, перестала быть удобной базой для его каперов.

На Хорнблауэра сошло вдохновение; видимо, его лицо преобразилось, потому что министр, не дождавшись следующей фразы, с явным интересом спросил:

– Мсье хочет сказать, что...

– Бонапарт теперь владеет балтийским побережьем вплоть до самых владений его императорского величества. Это крайне выгодно для него в одном случае, ваше превосходительство. В случае, если он готовится напасть на Россию.

Хорнблауэр вложил в последние слова всю силу убеждения, и министр кивнул. Искушение взглянуть на царя было огромно, но Хорнблауэр его поборол.

– Пока Померания оставалась шведской, Бонапарт не мог быть вполне спокоен за свои коммуникации. Моей эскадре было бы легко атаковать их с тыла. Теперь он может двинуть войска на Санкт-Петербург, не опасаясь, что их отрежут. Это еще одна угроза владениям его императорского величества.

– И насколько она, по-вашему, серьезна?

– Угрозы Бонапарта всегда серьезны. Вы знаете его приемы, ваше превосходительство. Он требует уступок, а получив их, выдвигает новые, все больше истощая намеченную жертву. Он не остановится, пока не получит все, что желает, а желает он ни много ни мало полной власти над миром.

– Мсье очень красноречив.

– Я красноречив, потому что говорю от чистого сердца. Девятнадцать лет, с самого отрочества, я служу моей стране в ее схватке с чудовищем, готовым поглотить Европу и мир.

– И что принесла эта схватка вашей стране?

– Мы до сих пор свободны. По меркам истории это уже немало. Более того. Сегодня мы уже не просто обороняемся. Мы наступаем. Португалия и Сицилия свободны благодаря Англии. Пока мы с вами говорим, ваше превосходительство, британские войска входят в Испанию. Вскоре Бонапарту придется защищать от них самые границы своей хваленной империи. Мы отыскали слабое место в том исполинском здании, которое он возводит, и теперь бьем в самый фундамент. Скоро оно закачается и рухнет.

В маленькой комнате было очень жарко; Хорнблауэр под толстым сукном мундира обливался потом.

– А здесь, в Балтике?

– Англия проникла и сюда. Ни один французский корабль не войдет в Балтику без моего разрешения. Англия готова поддержать деньгами и оружием любого, кто встанет против тирана. Бонапарт окружен с юга, с запада и с севера. Ему остался только восток. Туда он ударит и там должен получить отпор.

На самом деле его речь адресовалась бледному красивому молодому человеку в дальнем углу комнаты. У министра флота в этой международной игре ставки куда ниже, чем у его государя. Другие монархи рискуют провинцией-двумя, честью и репутацией. Русский царь, самый могущественный из них, рискует жизнью. Он может одним словом отправить дворянина в Сибирь или двинуть в поход полмиллиона солдат, но ошибка будет стоить ему жизни. Военное поражение, малейшая утрата власти над придворными и гвардией – и царь обречен: его сперва низложат, потом убьют. Так было и с отцом, и с дедом Александра. Если он ввяжется в войну и проиграет, если пойдет на неприемлемые уступки и потеряет уважение двора, его ждут шелковый шарф на горло или дюжина клинков в грудь.

Золоченые часы на полке мелодично пропели четыре раза.

– Как видите, час пробил, ваше превосходительство, – сказал Хорнблауэр. Он дрожал от волнения, чувствуя себя опустошенным и обессиленным до предела.

– И впрямь, час пробил, – ответил министр. Он явно перебарывал искушение обернуться на царя. – Кстати, о часах: весьма сожалею, что они напомнили мне о невозможности задерживать вас долее, иначе вы опоздаете на прием к его императорскому величеству.

– Я бы, безусловно, не хотел туда опоздать, – сказал Хорнблауэр.

– Благодарю вас, капитан, что вы так четко изложили свои взгляды. Буду иметь удовольствие видеть вас на приеме. Его превосходительство обер-гофмейстер проводит вас в Таврический зал.

Хорнблауэр поклонился, по-прежнему не разрешая себе взглянуть в угол. Он сумел выйти из комнаты, не поворачиваясь к царю спиной, но так, чтобы его ухищрения не выглядели чересчур явными. Затем протиснулся мимо казаков и вновь оказался на первом этаже.

– Прошу сюда, сударь.

Глава двенадцатая

Лакеи распахнули очередные двери, и Хорнблауэр с Кочубеем вошли в огромный высокий зал, сверкающий мрамором и позолотой. Мужчины были в мундирах всех цветов радуги, дамы – в придворных платьях со шлейфом, с перьями на голове. Ордена и драгоценности вспыхивали в свете бесчисленных канделябров.

Кучка мужчин и женщин, со смехом переговаривающихся по-французски, раздвинулась, давая место Хорнблауэру и обер-гофмейстеру.

– Имею честь представить... – начал Кочубей.

Последовал длинный список имен: графиня такая-то, баронесса такая-то, княгиня такая-то – прекрасные женщины, некоторые с дерзкими глазами, другие – равнодушно-томные. Хорнблауэр кланялся и кланялся; звезда ордена Бани хлопала его по груди всякий раз, как он выпрямлялся.

– За столом вы будете сидеть с графиней Канериной, капитан, – сказал обер-гофмейстер, и Хорнблауэр поклонился снова.

– Чрезвычайно польщен, – ответил он.

Графиня была самой красивой из всех, с самыми дерзкими глазами; они смотрели из-под изогнутых бровей, темные и влажные и в то же время исполненные жгучего огня. Овал лица безупречен, кожа нежнее розовых лепестков, пышная грудь в глубоком декольте придворного платья бела как снег.

– Как видный иностранец, – продолжал обер-гофмейстер, – вы пойдете сразу за послами и министрами. Впереди вас будет идти персидский посол, его превосходительство Горза-хан.

Обер-гофмейстер указал на господина в тюрбане и бриллиантах; большая удача, что узнать его будет гораздо легче, чем кого-либо другого в пышной толпе. Все остальные с интересом поглядели на английского капитана, которому отведено такое почетное место в процессии; графиня бросила на него оценивающий взгляд, на который Хорнблауэр ответить не успел, потому что Кочубей теперь называл имена мужчин. Они кланялись в ответ на поклоны Хорнблауэра.

– Его императорское величество, – сообщил обер-гофмейстер, заполняя паузу в разговоре, возникшую, как только было покончено с представлениями, – будет в мундире Семеновского полка.

Хорнблауэр заметил Уичвуда в другом конце зала; тот стоял рядом с Бассе, держа кивер под мышкой, и кланялся – там происходила такая же церемония. Они обменялись кивками, и Хорнблауэр немного рассеянно вернулся к разговору в своей кучке. Графиня спросила о корабле, он попытался описать «Несравненную». С дальнего конца в зал шеренгой по двое входили военные – высокие молодые люди в кирасах, сверкающих серебром (а может, и правда серебряных) и с длинными белыми плюмажами на серебряных касках.

– Кавалергарды, – объяснила графиня. – Все – молодые люди знатного рода.

Она глядела на них с явным одобрением; они выстроились вдоль стены на расстоянии двух или трех ярдов один от другого и тут же застыли серебряными статуями. Толпа медленно начала освобождать центральную часть зала. Хорнблауэр гадал, где остальные его офицеры; он огляделся и понял, что есть вторая толпа гостей – на галерее, опоясывающей две трети зала примерно на высоте второго этажа. Видимо, оттуда гости рангом пониже могли смотреть на высшую знать империи. Херст и Маунд стояли там, перегнувшись через балюстраду. У них

за спинами юный Сомерс, со шляпой в руке, изображал какую-то сложную пантомиму перед тремя хорошенькими девицами, которые от смеха вцепились друг в дружку, чтобы не упасть. Одному Богу известно, на каком языке Сомерс пытается с ними говорить, но он определенно имеет большой успех.

На самом деле Хорнблауэра тревожил Браун, но в опустошенности после недавней речи, в блеске и гомоне вокруг, под жаркими взглядами графини думать совершенно не получалось. Надо было срочно сосредоточиться. Пистолет у Брауна за поясом... мрачная решимость на лице... галерея. Части головоломки сложатся, если его хотя бы на секунду перестанут отвлекать.

– Кронпринц Швеции войдет вместе с его императорским величеством, – говорила графиня.

Кронпринц Швеции! Бернадот, основатель новой династии, занявший место Густава, ради которого Браун рисковал жизнью и состоянием. Александр, завоевавший Финляндию, и Бернадот, уступивший ее России. Два человека, которых Браун должен ненавидеть сильнее всех в мире. И у Брауна двустольный нарезной пистолет с капсюлями, не дающий осечки и бьющий без промаха на пятьдесят ярдов. Хорнблауэр обвел взглядом галерею. Вот и Браун, стоит незаметно между двумя колоннами. Что-то надо было предпринимать сию же секунду. Обер-гофмейстер любезно беседовал с двумя придворными, и Хорнблауэр повернулся к нему, оставив без внимания графиню и грубо перебив разговор единственным предложением, которое сумел выдумать.

– Невозможно! – воскликнул обер-гофмейстер, глядя на часы. – Его императорское величество и его королевское высочество войдут через три с половиной минуты.

– Прошу прощения, – сказал Хорнблауэр. – Глубоко сожалею, но я должен... совершенно безотлагательно...

От волнения он буквально приплясывал на месте, и это придавало убедительности высказанному ранее доводу. Обер-гофмейстер задумался, что хуже: нарушить придворную церемонию или оскорбить человека, который, судя по недавней беседе, имеет влияние на царя.

– Выйдите через ту дверь, сударь, – нехотя разрешил он наконец, – и, пожалуйста, сударь, возвращайтесь как можно незаметнее!

Хорнблауэр, стараясь никого не задеть, проскользнул через толпу к двери и, выйдя из нее, в отчаянии огляделся. Широкая лестница слева, должно быть, вела как раз на галерею. Он схватил ножны, чтобы не споткнуться о них, и побежал вверх, прыгая через две ступеньки. Лакеи, попадавшие по дороге, едва ли удостоили его взглядом. Галерея тоже была заполнена людьми, хотя платья дам здесь не отличались таким изяществом, а мундиры офицеров – таким блеском. Хорнблауэр глянул в тот конец, где последний раз видел Брауна, и двинулся широким шагом, изо всех сил изображая, что прогуливается без дела. Маунд поймал его взгляд – Хорнблауэру было не до слов, но он надеялся, что Маунд поймет и последует за ним. Снизу донесся звук открываемых дверей, и гул разговоров мгновенно стих. Зычный голос провозгласил:

– *L'Empereur! L'Impératrice! Le Prince Royal de Suede!*¹⁵

Браун стоял между двумя колоннами и смотрел вниз. Рука его была за поясом – он вытаскивал пистолет. Был лишь один способ остановить его без шума. Хорнблауэр выхватил клинок – шпагу ценою в сто гиней, дар Патриотического фонда – и острым как бритва лезвием полоснул Брауна по запястью, рассекая сухожилие. Пальцы финна безвольно разжались, пистолет выпал на ковер. Сам он обернулся и в немом ошеломлении посмотрел сперва на кровь, хлещущую из руки, потом на Хорнблауэра. Тот упер острие шпаги ему в грудь: одно нажатие – и клинок войдет между ребрами. Видимо, на лице Хорнблауэра была написана такая искрен-

---

¹⁵ Император! Императрица! Кронпринц Швеции! (*фр.*)

няя решимость убить, если потребуется, что Браун не издал ни звука и не шелохнулся. Кто-то возник у Хорнблауэра за плечом; слава богу, это был Маунд.

– Приглядите за ним, – шепнул Хорнблауэр. – Перевяжите ему запястье и уведите его куда-нибудь.

Он глянул через балюстраду. Царствующие особы шли прямо под ним: Александр в своем голубом мундире, рядом высокий смуглый мужчина с большим носом – надо полагать, Бернадот, – несколько дам, две из них в диадемах, видимо мать и супруга императора, остальные с перьями. Брауну ничего не стоило бы сделать два выстрела. По всему залу мужчины склонились в низких поклонах, дамы делали реверанс; когда они разом выпрямились, мундиры и перья всколыхнулись цветочной волной. Хорнблауэр убрал шпагу в ножны, поднял пистолет и сунул себе за пояс. Маунд, сменивший обычную медлительную вальяжность на плавное кошачье проворство, обнимал Брауна, привалившегося к его плечу. Хорнблауэр успел вытащить носовой платок и протянуть Маунду, но мешкать дольше было нельзя. Он торопливо прошел назад по галерее, мимо придворных, которые постепенно возвращались к прерванным разговорам. Счастье, что в критическую минуту все их внимание было устремлено на государя. Херст и Сомерс как раз собирались продолжить разговор с молодыми дамами, но Хорнблауэр взглядом поманил их к себе.

– Идите к Маунду, – сказал он. – Ему нужна ваша помощь.

Затем быстро спустился по лестнице, отыскал дверь в аудиенц-зал, прошел мимо застывшего перед ней лакея и незаметно проскользнул на прежнее место рядом с графиней. Император и его спутники обходили зал, обращая по несколько слов к наиболее значительным гостям. Довольно скоро они поравнялись с группой, в которой стоял Хорнблауэр. Обер-гофмейстер представил английского коммодора, и тот, чувствуя себя как в страшном сне после волнения последних минут, по очереди склонился перед членами царской семьи и перед Бернадотом.

– Чрезвычайно приятно познакомиться с коммодором Хорнблауэром, – любезно произнес Александр. – Мы все наслышаны о его подвигах.

– Ваше величество чересчур добры, – еле выговорил Хорнблауэр.

Августейшие особы двинулись дальше, и он повернулся к графине. То, что царь адресовался к нему лично, видимо, подтвердило ее догадки, что Хорнблауэр – лицо потенциально влиятельное, и теперь она приглядывалась к нему с новым интересом.

– Вы надолго в России? – спросила графиня.

Он все не мог отойти от происшествия на галерее. Мысли путались, хотелось одного: сесть и отдохнуть. Хорнблауэр как-то вымучил вежливый ответ, а когда мужчины начали спрашивать его о британском флоте и общей ситуации на море, попытался отвечать вдумчиво, впрочем без всякого успеха.

Лакеи вкатили длинные буфетные столы, уставленные золотой и серебряной посудой. Хорнблауэр принудил себя собраться, чтобы не нарушить этикет. С одной стороны усаживалась царская семья: государь и его супруга – в кресла, Бернадот, великие князья и княжны – на стулья с высокими спинками. Все остальные внимательно следили за собой, дабы не оскорбить августейший взор зрелищем человеческой спины. Гости начали брать с буфетов еду, и Хорнблауэр, как ни старался, не мог различить, чтобы они подходили к столам в каком-то установленном порядке. Во всяком случае, персидский посол уже что-то ел с золотой тарелки, поэтому Хорнблауэр счел себя вправе переместиться к буфету. И все же это был самый диковинный обед на его памяти: все стояли, за исключением августейших особ, а те, насколько он видел, не притрагивались к еде.

– Позвольте предложить вам руку, графиня? – произнес Хорнблауэр, когда все вокруг двинулись к буфету.

Придворные, очевидно, по долгу службы осваивают искусство есть стоя, да еще со шляпой под мышкой, однако это было очень непросто. Шпага норовила запутаться в ногах, а тре-

клятый пистолет за поясом больно впивался в бок. Лакеи за столом не говорили по-французски, и графиня пришла Хорнблауэру на выручку.

– Это черная икра, – объяснила она, – а это водка, напиток простонародья, но вы обнаружите, что они сочетаются идеально.

Графиня сказала чистую правду. Неаппетитная на вид серая масса оказалась божественно вкусной. Хорнблауэр осторожно глотнул водки и в своем взвинченном состоянии почти не заметил, как она обожгла гортань. Одно и впрямь идеально дополняло другое. От водки внутри распространилось приятное тепло, и он вдруг понял, что зверски голоден. Буфет был уставлен самыми разными кушаньями, как холодными, так и горячими, приготовленными на жаровнях. Под руководством графини Хорнблауэр перепробовал почти все. Тут было что-то невероятно вкусное: тушеные грибы, если судить по виду, ломтики копченой рыбы, неизвестный салат, несколько сортов сыра, яйца холодные и горячие, какое-то свиное рагу. Помимо водки предлагали еще что-то крепкое. Хорнблауэр ел и пил, веселея с каждой минутой и чувствуя растущую благодарность к графине. Ему уже не составляло никакого труда поддерживать разговор. Да, обед был несколько странноват, зато капитан никогда в жизни не ел так вкусно. Голова немного кружилась; он понял, что опьянел, но почти не ощутил всегдашнего укора совести и даже сумел вовремя одернуть себя, заметив, что смеется чересчур громко. Смех, разговоры, яркий свет – никогда еще на его памяти парадный обед не проходил так весело. Казалось, Брауна по руке меньше часа назад полоснул кто-то другой. Наконец Хорнблауэр поставил изящную фарфоровую тарелку на буфет и утер рот салфеткой. Он чувствовал приятную тяжесть в желудке и с удовольствием сознавал, что переел лишь самую малость, а выпил точно в меру. Теперь доставало лишь чашки кофе, и Хорнблауэр подозревал, что кофе подадут скоро.

– Я замечательно пообедал, – сказал он графине.

Ответом ему была странная смена выражений на ее лице. Графиня вскинула брови, открыла было рот, потом улыбнулась озадаченно и в то же время расстроено. Она уже собиралась заговорить снова, но тут открылись еще одни двери и перед ними, образовав коридор, выстроились человек двадцать-тридцать лакеев. Августейшие особы поднялись с места, и по тому, как разом оборвались все разговоры, Хорнблауэр понял, что наступает какой-то чрезвычайно торжественный момент. Пары двигались по залу, словно корабли, занимающие место в строю. Графиня положила руку Хорнблауэру на локоть и легонько направила его вперед. О боже! Вслед за августейшими особами выстраивалась процессия! Вот и персидский посол под руку с какой-то юной красавицей. Хорнблауэр еле успел пристроиться за ним вместе со своей дамой. Как только еще две пары встали позади них, процессия медленно двинулась, удлиняясь на ходу. Глядя в затылок персидскому послу, Хорнблауэр провел графиню между двумя рядами лакеев и оказался в следующем зале.

Придворные расходились: одна пара направо, другая налево, как в контрдансе. Посол свернул влево, и Хорнблауэр догадался свернуть вправо даже без подсказки обер-гофмейстера, готового прийти на помощь, если кто-нибудь растеряется. Огромный зал ярко освещали хрустальные люстры – казалось, их здесь сотни, – а по всей его длине – по ощущениям Хорнблауэра по меньшей мере на милю – тянулся огромный стол, уставленный цветами, золотом и хрусталем. Он имел форму буквы Т с очень маленькой перекладиной; император, Бернадот и члены императорской фамилии уже сидели во главе стола, за каждым стулом стоял лакей в пудреном парике. До Хорнблауэра постепенно дошло, что обед сейчас начнется, а перед этим гостям всего лишь предложили легкие закуски. Ему хотелось рассмеяться над собственной бестолковостью и одновременно застонать при мысли о том, что придется еще долго заталкивать в себя еду, для которой в желудке уже нет места.

Все мужчины, кроме государя и его ближайшего окружения, стояли, пока дамы усаживались; по другую сторону стола персидский посол склонился к своей миловидной спутнице;

эгретка на его тюрбане покачивалась, бриллианты вспыхивали в свете люстр. Последняя дама села, и мужчины разом опустились на стулья – не с той слаженностью, с какой морские пехотинцы берут на караул, но и немногим им уступая. Разговоры мгновенно возобновились, и почти сразу под нос Хорнблауэру поставили золотую тарелку и поднесли ему золотую супницу с каким-то красноватым супом. Он глянул вдоль стола: всем гостям супницы подали одновременно. Надо полагать, здесь прислуживают по меньшей мере две сотни лакеев.

– Это господин де Нарбонн, французский посол, – сказала графиня, указывая глазами на красивого молодого человека, который сидел напротив через одно место от персидского посла, ближе к царю. – Разумеется, обер-гофмейстер вас не представил. А это австрийский посол, датский посланник и саксонский посланник – все официально ваши враги. Испанский посол прибыл от Жозефа Бонапарта, а не от повстанцев, которых признаете вы. По-моему, тут нет вообще никого, кроме нас, русских, с кем вас прилично познакомиться.

В бокале перед Хорнблауэром было прохладное вино красивого желтоватого оттенка, и он выпил глоток.

– Сегодня я узнал, что русские – самые замечательные люди на свете, а русские женщины – самые красивые и обворожительные.

Графиня стрельнула в него жгучими черными глазами, и в голове у Хорнблауэра поплыло. Глубокую золотую тарелку убрали, вместо нее поставили плоскую. В другой бокал перед ним налили другого вина – шампанского. Оно бурлило пузырьками, и у Хорнблауэра было сильное чувство, что нечто похожее происходит с его мыслями. Лакей обратился к нему по-русски, очевидно предлагая какие-то блюда на выбор, и графиня решила вопрос, не спрашивая Хорнблауэра.

– Поскольку вы в России первый раз, – объяснила она, – вы наверняка не пробовали нашей осетрины.

Говоря, она накладывала себе рыбу с золотого блюда; такое же блюдо держал перед Хорнблауэром его лакей.

– Золотые сервизы очень красивы, но еда на них быстро остывает, – с сожалением заметила графиня. – У себя дома я подаю на золоте, только когда принимаю его императорское величество. Поскольку и в других домах так же, его императорскому величеству едва ли случается когда-нибудь есть горячее.

Золотые вилка и нож, которыми Хорнблауэр разрезал рыбу, были очень тяжелыми и непривычно скребли по золотой тарелке.

– У вас доброе сердце, мадам.

– Да, – многозначительно ответила графиня.

У Хорнблауэра вновь голова пошла кругом; шампанское, такое прохладное, такое вкусное, казалось лучшим лекарством, и он жадно выпил.

За осетриной последовали две жирные птички на вертеле, нежное мясо так и таяло во рту. К ним налили какого-то другого вина. Затем подали мясо – возможно, баранину, но вознесенную на пегасовых крыльях чеснока далеко за пределы земного воображения. Где-то в череде кушаний последовал шербет – Хорнблауэр пробовал его всего третий или четвертый раз в жизни.

«Заморские выкрутасы», – сказал он себе, однако ел с удовольствием и не чувствовал никакого предубеждения против иностранной кухни. Возможно, он сказал «заморские выкрутасы» потому, что именно эти слова произнес бы Буш, сиди он сейчас рядом. А может, потому, что он немного пьян: всегдашний самоанализ привел Хорнблауэра к этому поразительному заключению, подействовавшему так, словно он в темноте врезался головой в столб. Ни в коем случае нельзя напиваться, когда представляешь свою страну, и только дурак напьется, когда ему угрожает непосредственная опасность. Он лично привел во дворец убийцу; и если об этом станет известно, последуют крупные неприятности, особенно если царю донесут, что убийца

собирался стрелять из пистолета британского коммодора. Тут Хорнблауэр протрезвел окончательно, поняв, что начисто позабыл про младших офицеров, которых оставил с раненым убийцей без каких-либо указаний, как с ним поступить.

Графиня под столом легонько наступила ему на ногу. Все тело пронизал как будто электрический ток, голова опять закружилась. Хорнблауэр блаженно улынулся графине. Та взглянула на него из-под полуопущенных ресниц и, отвернувшись, заговорила с соседом по другую руку, тактично напоминая Хорнблауэру, что тому пора обратить внимание на баронессу – с начала обеда он едва ли обратил к ней больше двух слов. Хорнблауэр лихорадочно начал разговор, и генерал в драгунской форме по дальнюю сторону от баронессы включился в беседу, задав вопрос об адмирале Китсе, с которым познакомился в 1807 году. Лакей предлагал следующее блюдо. Между его белой перчаткой и манжетой проглядывала волосатая рука, вся в блошиных укусах. Хорнблауэр вспомнил наблюдение, прочитанное им в одной из книг про северные страны: чем дальше на восток, тем страшнее паразиты. Польская блоха кусает больно, русская – нестерпимо. Если они хуже испанских, с которыми Хорнблауэр был близко знаком лично, то это и впрямь какие-то блохи-исполины.

Здесь, во дворце, сотни – и даже тысячи слуг. Хорнблауэр догадывался, как скученно они живут. Он сам двадцать лет вел безостановочную войну с паразитами на кораблях военного флота и знал, как трудно их истребить. И в то же время, пока одна часть его сознания была занята беседой с драгунским генералом о принципах продвижения по службе в британском флоте, другая продолжала думать, как неприятно, когда тебя обслуживает искусанный блохами лакей. Разговор мало-помалу иссяк, и он вновь повернулся к графине.

– Мсье очень интересуется живописью? – спросила она.

– Конечно, – вежливо ответил Хорнблауэр.

– Дворцовая картинная галерея очень хороша. Вы ее видели?

– Еще не имел удовольствия.

– Сегодня, после того как государь удалится, я ее вам покажу. Или вы предпочитаете карты?

– Я куда охотнее посмотрю галерею, – ответил Хорнблауэр со смехом – немного чересчур громким, даже на его слух.

– Что ж, тогда, после ухода государя, будьте у двери в дальнем конце зала. Я вас провожу.

– Буду чрезвычайно счастлив, мадам.

Во главе стола провозглашали тосты: сперва всем пришлось встать и выпить за здоровье шведского кронпринца, и дальше разговаривать стало почти невозможно, потому что рослый царедворец с необычайно зычным голосом (Стентор¹⁶ в теле Геракла, сказал Хорнблауэр себе, крайне довольный классическим сравнением), стоявший за царским креслом, объявлял все новые тосты. Промежутки между тостами заполнял мужской хор, певший а капелла, – казалось, весь зал гудел от рокота сотен голосов. Хорнблауэр слушал его с нарастающим раздражением. По счастью, скоро хор умолк и все встали, дожидаясь, когда государь с приближенными удалятся через ближайшую к их концу стола дверь. Едва она закрылась, дамы вслед за мадам Кочубей потянулись к другому выходу.

– *A bientôt!*¹⁷ – с улыбкой сказала ему графиня.

Мужчины собирались кучками около стола, лакеи торопливо вносили кофе и ликеры; Уичвуд, по-прежнему сжимая кивер под мышкой, пробрался к Хорнблауэру. Лицо его было багровее обычного, глаза еще сильнее вылезли из орбит.

¹⁶ *Стентор* – в «Илиаде» глашатай, «медноголосый боец, кто пятьдесят голосов мог один покрывать своим криком» (перев. Н. М. Минского).

¹⁷ До скорой встречи! (*фр.*)

– Если Россия будет воевать, то Швеция ее поддержит, – громким шепотом сообщил полковник. – Так мне сказал сам Бассе, он сегодня весь день был с Бернадотом.

Уичвуд прошел дальше, и вскоре Хорнблауэр услышал, как он на своем примечательном французском разговаривает с группой офицеров дальше за столом. В зале было нестерпимо жарко – вероятно, из-за множества свечей; некоторые мужчины уже выходили в двери, через которые раньше удалились женщины. Хорнблауэр допил кофе и встал – треуголку опять пришлось взять с колен и сунуть под мышку. Зал, в который он вышел, был не меньше аудиенц-зала и заполнен ломберными столами. За одним несколько престарелых дам уже сражались в карты, за другим пожилая пара играла в триктрак. В дальнем конце он сразу различил графиню – она сидела на оттоманке, расправив шлейф, пила кофе и беседовала с другой дамой; вся ее поза дышала девичьей непосредственностью.

По количеству людей, уже собравшихся в зале, было ясно, что сюда впустили и тех, кто прежде находился на галерее; вероятно, после более скромного обеда им позволили смешаться с высшим обществом. Юный Маунд стремительно шел к Хорнблауэру, похожий на долговязого жеребенка-переростка.

– Он в комнате наверху, сэр, – сообщил Маунд. – Сейчас без сознания от потери крови – нам пришлось наложить жгут, чтобы ее остановить. Перевязали его половиной рубашки Сомерса. Сомерс и мистер Херст его стерегут.

– Кто-нибудь об этом знает?

– Нет, сэр. Никто не видел, как мы туда входили. И я выплеснул ему на грудь стакан вина, так что по запаху все подумают, будто он пьян.

Хорнблауэр не ошибся: Маунд и впрямь умеет проявить находчивость в критическую минуту.

– Очень хорошо.

– Чем скорее мы его отсюда заберем, тем лучше, сэр, – сказал Маунд со всей почтительностью младшего офицера, дающего советы старшему.

– Вы совершенно правы, – ответил Хорнблауэр, – но...

Надо было соображать быстро. Едва ли прилично уехать сразу по окончании обеда. И графиня... она наверняка за ними наблюдает. Если он уйдет сейчас, пренебрегши условленной встречей, после короткого совещания с младшим офицером, то к ярости отвергнутой женщины добавятся еще и подозрения. Нет, уйти просто невозможно.

– Нам придется пробыть здесь еще по меньшей мере час, – сказал Хорнблауэр. – Так требует этикет. Возвращайтесь и держите оборону.

– Есть, сэр.

Маунд по многолетней привычке чуть было не отсалютовал при этих словах, но в последний момент сдержался – еще одно свидетельство того, какая у него ясная голова. Он кивнул и пошел прочь с таким видом, будто они беседовали о погоде. Хорнблауэр медленно побрел к графине.

Она заметила его и улыбнулась.

– Княгиня, вы знакомы с коммодором Хорнблауэром? Княгиня Слупская.

Хорнблауэр поклонился. Княгиня была пожилая дама, сохранившая немалую часть своей, видимо, умопомрачительной красоты.

– Коммодор, – продолжала графиня, – выразил желание посмотреть картинную галерею. Желаете пойти с нами, княгиня?

– Нет, спасибо, – ответила та. – Стара я уже для картинных галерей. Идите без меня, детки.

– Мне не хочется оставлять вас одну, – возразила графиня.

– Даже в мои лета я никогда не остаюсь одна, милая. А вы, детки, идите забавляйтесь.

Хорнблауэр поклонился и подал графине руку. У дверей, пока лакеи расступались, давая им дорогу, она сжала его локоть.

– Живопись итальянского Возрождения в дальней галерее, – сказала графиня, когда они вышли в широкий коридор. – Хотите сначала увидеть более современную?

– Как пожелает мадам, – ответил Хорнблауэр.

Сразу за парадной частью дворца начинался лабиринт узких коридоров, бесчисленных лестниц и кабинетов. Покои, куда вела его графиня, были на втором этаже. Они вошли в роскошную гостиную; ждавшая там сонная горничная шмыгнула в соседнюю комнату. Туда графиня и позвала Хорнблауэра пятью минутами позже.

Глава тринадцатая

Хорнблауэр со стоном перелег на другой бок; от движения заломило в висках, хотя поворачивался он очень осторожно. Нельзя было столько пить; последний раз он мучился похмельем лет шесть назад. И все же этого нельзя было избежать, как, впрочем, и дальнейшего – события не оставили ему выбора. Он крикнул, чтобы позвали Брауна, – голос прозвучал хрипло и вновь отдался болью в голове. За дверью часовой передал его приказ дальше. Хорнблауэр с бесконечным усилием сел и спустил ноги на палубу. Браун не должен видеть, как он лежит полумертвый.

– Принеси кофе, – сказал он, когда Браун вошел.

– Есть, сэр.

Хорнблауэр продолжал сидеть на краю койки. Наверху первый лейтенант распекал какого-то нерадивого мичмана.

– Фу-ты ну-ты, – говорил Херст. – Гляньте на эти медяшки! По-вашему, они блестят? Глаза вы у себя в койке забыли? Что ваш дивизион делал последний час? Боже, куда катится флот, если патенты раздают малолетним фертикам, неспособным прочистить себе ноздрю такелажной свайкой! Вы зовете себя королевским офицером? Вы больше похожи на зимний день – серый, короткий и грязный!

Вошел Браун.

– Мои приветствия мистеру Херсту, – проскрежетал Хорнблауэр, забирая кофе, – и скажите, что я прошу его не кричать так громко рядом с моим световым люком.

Впервые с пробуждения он почувствовал себя лучше, когда тирада Херста над головой резко оборвалась. Кофе был обжигающе горяч, и Хорнблауэрпил даже с некоторым удовольствием. Мало удивительного, что Херст с утра не в духе. Хорнблауэр вспомнил, как вчера вечером Херст и Маунд тащили Брауна, бесчувственного и окутанного винными парами, в экипаж у дворцовых дверей. Херст был трезв как стеклышко, однако караулить тайного убийцу в императорском дворце, видимо, оказалось слишком большим испытанием для его нервов. Когда Браун вернулся, Хорнблауэр протянул ему чашку и в ожидании, пока тот снова ее наполнит, потянул через голову ночную рубашку. Когда он складывал ее на койке, взгляд привлекло какое-то движение – из рукава выпрыгнула блоха. Хорнблауэр посмотрел на себя: его гладкий живот испещряли блошинные укусы. Вот она, красочная иллюстрация разницы между царским дворцом и линейным кораблем британского военного флота. Браун, войдя со второй чашкой кофе, услышал, как его коммодор яростно честит грязь императорских покоев и необходимость избавляться от насекомых, которые почему-то особенно его любят.

– Убери ухмылку с физиономии, – рявкнул Хорнблауэр, – а не то будешь скалиться под кошками!

Браун не ухмылялся; он именно что чересчур заметно *не* ухмылялся. Бесила же Хорнблауэра мысль, что Браун испытывает к нему то снисходительное отеческое сочувствие, с каким здоровый и бодрый человек смотрит на страдающего похмельем.

Купание под помпой отчасти восстановило его душевный покой. Хорнблауэр надел чистое белье, велел Брауну обработать его одежду и вышел на палубу, где сразу увидел Уичвуда, осоловелого и явно терзаемого еще худшей головной болью, нежели он сам. Однако свежий ветер русского утра приятно бодрил. Будничная корабельная жизнь, ряды матросов, драящих палубу, звук выплескиваемой на доски воды – все возвращало ему силы.

– К нам приближается шлюпка, сэр, – доложил мичман вахтенному офицеру.

Это был тот же полубаркас, что вчера возил их на берег. Он доставил флотского офицера с письмом на французском:

Его Высокопревосходительство министр флота приветствует коммодора сэра Горнбловера. Его Высокопревосходительство распорядился, чтобы водоналивная баржа подошла к «Несравненной» сегодня в одиннадцать часов до полудня.

Его Сиятельство граф Северный выразил желание посетить британский корабль. Его Высокопревосходительство господин министр надеется, что не злоупотребит гостеприимством коммодора Горнбловера, если в обществе графа Северного прибудет на «Несравненную» в десять часов до полудня.

Хорнблауэр показал письмо Уичвуду, и тот подтвердил его подозрения.

– Это сам Александр, – сказал Уичвуд. – В бытность наследником он путешествовал по Европе под именем графа Северного¹⁸. Он будет инкогнито, так что нет надобности оказывать ему королевские почести.

– Да, – сухо ответил Хорнблауэр, слегка раздосадованный непрошеным советом со стороны человека, не связанного со службой на море. – Однако министр российского флота по рангу соответствует первому лорду адмиралтейства, а это означает девятнадцать пушечных выстрелов и весь остальной церемониал. Вахтенный мичман! Мои приветствия капитану Бушу, и я буду весьма обязан, если он любезно поднимется на палубу.

Буш выслушал известия, тихо присвистнул и тут же повернулся, чтобы оглядеть палубу и паруса: все ли безупречно, не заметит ли русский царь какого-нибудь изъяна.

– Как мы будем заливать воду? – жалобно спросил Буш. – Что царь о нас подумает, если увидит всю эту суету? Может, пусть воду сперва зальют остальные корабли флотилии?

– Царь – человек разумный, – отрезал Хорнблауэр. – Пусть посмотрит на матросов за работой. Сам он не отличит бизань-штага от бом-утлегаря, но слаженность отметить сумеет. Будем заправляться водой при нем.

– А чем его кормить? – спросил Буш с ноткой тревоги. – Надо ж будет подать угощение, сэр.

Хорнблауэр широко улыбнулся:

– Чем-нибудь угостим.

Очень характерно для его противоречивой натуры: чем больше трудностей предвидели другие, тем больше он веселел, потому что по-настоящему вогнать Хорнблауэра в тоску мог только сам Хорнблауэр. Голова уже не болела, и он искренне улыбался в предвкушении напряженного утра. Завтрак он съел с аппетитом, затем надел парадный мундир и снова вышел на палубу. Буш по-прежнему суетился, заканчивая приготовления. Команда была уже в чистых белых куртках и парусиновых штанах, забортный трап – повешен, фалрепы – белы как снег, морские пехотинцы – вычищены и вылощены, койки уложены геометрически правильными рядами. Лишь когда вахтенный мичман доложил, что приближается тендер, у Хорнблауэра слегка перехватило дыхание от мысли, что следующие несколько часов могут стать поворотными в истории мира.

---

¹⁸ Еще одна небольшая авторская вольность в череде тех, которые читатель, вероятно, уже подметил при описании Петергофа. Под именем графа Северного по Европе в бытность великим князем путешествовал Павел I.

Свист боцманматских дудок дрожью пробежал по всему кораблю, команда выстроилась подивизионно, офицеры в эполетах и при шпагах – впереди, Хорнблауэр – у шканцевого поручня, лицом к ним. Британские моряки не могут соперничать с прусской гвардией на смотре – вымуштровать их до такой степени значило бы уничтожить самые ценные их качества, – но всякий мыслящий человек, глядя на ряды толковых, уверенных лиц, почувствовал бы невольное восхищение.

– По реям! – скомандовал Буш.

Снова взвыли дудки, и марсовые упорядоченным потоком хлынули вверх по вантам, не сбавляя скорости даже на путенс-вантах, где лезть приходилось спиной вниз. Они с ловкостью воздушных гимнастов взлетели по брам-вантам, пробежали по реям, словно канатоходцы, и каждый занимал свою позицию на ножном перте в то мгновение, как ее достигал.

Разные чувства вскипали в душе Хорнблауэра. Сперва он пожалел, что его матросы, гордость и честь флота, выступают на потеху восточному монарху, будто цирковые медведи. И все же, когда каждый матрос встал на свое место, как если бы неким чудом порыв ветра взметнул палые листья и они застыли в безупречном геометрическом рисунке, обида утонула в довольстве художника своим творением. Он надеялся, что Александр, подняв глаза, сумеет понять: эти люди способны проделать то же самое ревущей штормовой ночью, когда бушприт устремляется к незримому небу, а нок-рея – к незримым беснующимся волнам.

Боцман, глядевший одним глазом на правый фальшборт, еле заметно двинул головой. По забортному трапу поднималась небольшая процессия офицеров. Боцманматы поднесли дудки к губам. Тамбурсержант морской пехоты исхитрился щелкнуть пальцами, держа руки по швам, и шесть его барабанщиков начали выбивать бодрую дробь.

– На караул! – крикнул капитан Норман, и пятьдесят ружей с примкнутыми штыками встали вертикально перед пятьюдесятью вертикальными рядами блестящих пуговиц, а палаши трех офицеров морской пехоты взметнулись в военном салюте.

Александр поднялся на борт одновременно с министром флота, которому эти почести формально предназначались; сзади следовали два адъютанта. Он поднес руку к полям шляпы; дудки тем времени затихли на последней пронзительной ноте, барабаны завершили четвертую дробь, грянула первая пушка, и оркестр морской пехоты заиграл марш. Хорнблауэр вышел вперед и поклонился.

– Доброе утро, коммодор, – сказал министр флота. – Позвольте представить вас графу Северному.

Хорнблауэр вновь отдал честь, изо всех сил сохраняя бесстрастное выражение, хотя его так и подмывало улыбнуться: уж очень нелепым было желание царя явиться инкогнито.

– Доброе утро, коммодор, – сказал Александр; Хорнблауэр едва не вздрогнул, осознав, что тот говорит по-английски. – Надеюсь, наш визит не слишком вас беспокоит?

– Ничуть в сравнении с честью, которая оказана моему кораблю, сэр, – ответил Хорнблауэр, гадая, правильно ли он обратился к монарху инкогнито. Очевидно, «сэр» Александра вполне устроило.

– Можете представить своих офицеров, – сказал тот.

Хорнблауэр представлял их одного за другим, они кланялись и отдавали честь с неловким смущением, естественным в младших офицерах, когда перед ними царь всея Руси, да к тому же еще инкогнито.

– Думаю, капитан, вы можете начать подготовку к загрузке воды, – сказал Хорнблауэр Бушу, затем вновь повернулся к Александру. – Желаете осмотреть корабль, сэр?

– Охотно, – согласился царь.

Он задержался на шканцах посмотреть, как готовятся загружать воду. Марсовые бегом спускались с реев. Александр восхищенно заморгал, когда с полдюжины марсовых соскользнули по бизань-штагам и крьюйс-марса-фалам на палубу рядом с ним. Матросы, подгоняемые

унтер-офицерами, деловито сновали туда-сюда; это походило на разворошенный муравейник, но все указывало на порядок и цель. Люки распахнули, помпы вооружили, на реях основали тали, с левого борта спустили кранцы. Александр засмотрелся, как полроты морских пехотинцев ухватились за таль-лопарь и двинулись почти что строевым шагом.

– Солдаты-моряки, сэр, – небрежно пояснил Хорнблауэр, приглашая царя к трапу.

Александр был очень высок, дюйма на два выше Хорнблауэра; проходя под низкими палубными бимсами, он сгибался почти вдвое. Хорнблауэр провел его вперед по нижнему гондеку, где высота межпалубного пространства была всего пять футов и шесть дюймов, показал мичманскую каюту и уорент-офицерскую кают-компанию – все неприглядные детали флотского быта. Александр внимательно смотрел близорукими глазами. Хорнблауэр подозревал нескольких матросов, велел им повесить гамаки и лечь, чтобы Александр яснее усвоил, что такое двадцать два дюйма на человека, потом красочно описал, как в шторм сплошная масса людей – от одного конца палубы до другого – качается как одно целое. Ухмылки матросов, вешавших гамаки, убеждали царя не только в истинности услышанного, но в боевом задоре этих людей, так не похожем на забитую покорность темных крестьян, из которых состояла его армия.

Они заглянули в люк, посмотреть, как готовят бочки к заправке водой, и на них пахло вонью орлопдека: запахами тухлой воды, сыра, немывтых человеческих тел.

– Вы ведь давно служите на флоте, коммодор? – спросил Александр.

– Девятнадцать лет, сэр.

– И сколько из них вы провели в море?

– Шестнадцать лет, сэр. Девять месяцев я был пленником в Испании, шесть месяцев – во Франции.

– Я слышал про ваш побег из Франции. Вы претерпели немало испытаний, чтобы вернуться к такой жизни.

Красивый лоб Александра наморщился; царь силился вообразить, как человек может провести в таких условиях шестнадцать лет, сохранив рассудок и здоровье.

– И как давно вы в теперешнем своем чине?

– Я стал коммодором меньше двух месяцев назад, сэр. Однако у меня девять лет капитанской выслуги.

– А до того?

– Я шесть лет был лейтенантом, четыре года мичманом.

– Четыре года? Вы четыре года жили в мичманской каюте вроде той, что мы сейчас видели?

– Не в столь просторной, сэр. Я служил на фрегате под началом сэра Эдварда Пэлью. На фрегате места куда меньше, нежели на линейном корабле.

Хорнблауэр, пристально наблюдавший за Александром, видел, что сумел произвести впечатление, и мог примерно угадать его мысли. Царя поразили не тяжелые условия жизни на корабле – если он хоть что-нибудь знает про свой народ, то догадывается, что значительная часть его подданных живет куда хуже, – а то, что в таких условиях вырастают способные офицеры.

– Полагаю, это необходимо, – вздохнул Александр, на мгновение приоткрывая ту чувствительную сторону своей натуры, которую давно расписывала молва.

К тому времени как они поднялись на палубу, водоналивная баржа уже подошла к борту. Английские матросы смешались с русскими, помогая им в работе. Сильные руки налегали на помпы, длинные змеи парусиновых шлангов пульсировали им в такт. На баке команда с песней тянула тросы, поднимая на борт вязанки дров.

– Благодаря вашей щедрости, сэр, – сказал Хорнблауэр, – мы, если потребуется, сможем еще четыре месяца пробыть в море без захода в порт.

Завтрак у Хорнблауэра в каюте подали на восьмерых: коммодора, капитана, двух старших лейтенантов и четырех русских. Буша при виде негостеприимного стола бросило в пот: перед самым прибытием царя он увлек Хорнблауэра в сторонку и тщетно молил, чтобы тот добавил к простой корабельной пище что-нибудь из собственных припасов. Буш не мог избавиться от навязчивой мысли, что царя надо покормить хорошо. Младший офицер, который вздумал бы угостить адмирала матросской солониной, навсегда простился бы с надеждой на следующий чин, а в глазах Буша царский визит был чем-то вроде адмиральского – на большее его воображения не хватало.

Царь с любопытством оглядел помятую оловянную супницу, которую Браун водрузил перед Хорнблауэром.

– Гороховый суп, сэр, – объяснил тот. – Один из главных корабельных деликатесов.

Карлин по давней привычке постучал галетой по столу, замер, осознав, что делает, и тут же виновато принялся стучать снова. Он вспомнил, что Хорнблауэр велел офицерам вести себя так, будто никаких высоких гостей нет, более того, пригрозил сурово наказать забывчивых, а Карлин знал, что коммодор не бросает угроз на ветер. Александр с интересом взглянул на Карлина, затем вопросительно – на сидевшего рядом Буша.

– Мистер Карлин вытряхивает жучков, – объяснил Буш, умирая от смущения. – Если постучать легонько, они сами вылезут, вот так, видите, сэр.

– Весьма занятно, – сказал Александр, но галету есть не стал; один из его адъютантов повторил опыт, увидел жирные белые личинки с черными головками и разразился длинной тирадой, состоящей, надо думать, из русских проклятий. Это были едва ли не первые его слова на борту.

После такого невдохновляющего начала гости взялись за суп с осторожностью, однако, как справедливо заметил Хорнблауэр, гороховый суп – лучшее блюдо британского камбуза. Адъютант, чертыхавшийся из-за жучков, после первой ложки издал восхищенный звук, быстро очистил тарелку и не отказался, когда ему предложили вторую. В следующую перемену подали только три блюда: отварные ребра, отварной язык (и то и другое – из говяжьей солонины), а также отварную свиную солонину, все с гарниром из квашеной капусты. Александр оглядел все три блюда и мудро выбрал язык; министр флота и адъютант по совету Хорнблауэра взяли с каждого блюда по куску, отрезанному Хорнблауэром, Бушем и Херстом. Прежде молчаливый, а теперь словоохотливый адъютант с воистину русским аппетитом взялся за говяжью солонину и обнаружил, что ему предстоит долгое сражение.

Браун разлил ром.

– Жизненный эликсир флота, сэр, – сказал Хорнблауэр Александру, который разглядывал свой стакан. – Позвольте, господа, провозгласить тост, который мы все сможем выпить с самым истинным чувством. За императора всея Руси! Да здравствует император!

Все, за исключением Александра, встали и выпили. Не успели они сесть, как поднялся Александр:

– Здоровье короля Великобритании.

Адъютант принялся на французском объяснять, в каком восторге он от английского флотского рома, который попробовал первый раз. В доказательство своих слов он осушил стакан и протянул Брауну, чтобы тот налил еще. Как только со стола убрали, Александр произнес следующий тост:

– За сэра Горацио Хорнблауэра и за британский военный флот.

Когда все выпили, Хорнблауэр огляделся и понял, что от него ждут ответа.

– Флот, – сказал он. – Защитник свободы мира. Несгибаемый союзник, неумолимый враг. Когда тиран озирается вокруг, стремясь всеми правдами и неправдами расширить свои владения, он видит у себя на пути британский флот. И этот флот медленно душит тирана, обескровливая его хваленую империю. Пусть тиран бахвалится неизменными победами на суше, на

море он неизменно терпит поражение. И благодаря королевскому флоту каждая победа только больше ослабляет его, вынуждая, как Сизифа, вновь и вновь закатывать камень на недосягаемую вершину. Рано или поздно этот камень его раздавит. Так пусть это случится скорее!

Хорнблауэр закончил под общий согласный гул. Он вновь испытывал душевный подъем. Необходимость говорить речь застала его врасплох, однако он с утра раздумывал над тем, как бы еще раз привлечь внимание царя к выгодам союза с Англией. Александр сравнительно молод и впечатлителен. Апеллировать надо не только к его разуму, но и к его чувствам. Хорнблауэр взглянул на царя, проверяя, достиг ли цели. Александр сидел в глубокой задумчивости, затем с улыбкой поднял на него взор, и Хорнблауэра захлестнула волна ликования – непреложной уверенности, что план сработал. Он умышленно приказал подать Александру простую матросскую еду, он показал царю, как живет, спит, работает королевский флот. Царь не может не знать о британских победах на море; интуиция подсказывала, что тяготы флотской жизни затронут его чувствительную струну – трудно объяснить, каким именно образом, но Хорнблауэр это чувствовал. Александру захочется поддержать людей, заслуживших славу такой ценой, и одновременно – иметь на своей стороне таких нестигаемых бойцов.

Царь начал подниматься со стула; адъютант торопливо опрокинул в себя пятый стакан рома. Эта порция вкупе с четырьмя предыдущими подействовала на него так хорошо, что по пути на шканцы он обнял Буша и от всей души хлопнул по спине. Ордена и медали на груди адъютанта звенели, как дюжина лудильщиков за работой. Буш, чувствуя на себе взгляды всего корабля, попытался вывернуться из объятий, но безуспешно. С багровым лицом он отдал приказ: «По реям!» – и с явным облегчением вздохнул, когда Александр начал спускаться по трапу и адъютант вынужденно последовал за ним.

Глава четырнадцатая

Попутный ветер не станет ждать. Сейчас он дул с востока, и «Несравненная» под всеми парусами летела через Финский залив. Коммодор расхаживал по шканцам, прокручивая в голове все обычные заботы главнокомандующего. По крайней мере о питьевой воде можно не думать еще месяца два, а если потребуется – то и все четыре. То, что он заполнил бочки, станет хоть каким-то оправданием для захода в Кронштадт, буде Уайтхолл или Даунинг-стрит осудят его последние действия... Он припомнил формулировки в своем рапорте, где подчеркивал достигнутый успех и желательность подобных контактов с русским двором. Вроде бы получилось убедительно, и все же...

Хорнблауэр повернулся и глянул на эскадру.

– Сигнальте «Лотосу», – приказал он. – «Почему отклонились от строя?»

Флаги взмыли по фалу, и шлюп поспешно занял предписанную позицию.

– «Лотос» подтвердил сигнал, сэр, – доложил мичман.

– Тогда просигнальте: «Почему не ответили на мой вопрос?» – резко потребовал Хорнблауэр.

Прошло несколько секунд, прежде чем показался ответ.

– «Лотос» сигналил: «Невнимательность со стороны вахтенного офицера», сэр.

– Подтвердите, – сказал Хорнблауэр.

Легко вообразить, что происходит сейчас на «Лотосе»: Викери рвет и мечет, а злополучный вахтенный офицер горько раскаивается в своей невнимательности. Скорее всего, эскадре это только на пользу. Однако Хорнблауэр прекрасно знал, что распек Викери единственно из желания оттянуть тягостное решение. Интересно, сколько других выволочек на флоте – в том числе тех, что он сам получал в бытность младшим офицером, – сделаны адмиралами в сходном состоянии духа? Мысли, от которых он пытался отвлечься, были такими: что делать с Брауном?

На севере как раз показались низкие финские берега, на нижней палубе Карлин проводил артиллерийские учения, заставляя орудийные расчеты выдвигать и заряжать пушки. Ветер дул почти прямо в корму, на «Несравненной» поставили лисели, и она резво летела по волнам, – если ветер усилится, надо будет убавить парусов, чтобы бомбардирские кечи не отстали. На баке боцман вытянул матроса по спине фор-марса-гитовом. Немного слишком толстый трос для такой цели. Хорнблауэр собрался было вмешаться во внутреннюю жизнь корабля, однако лейтенант уже сделал боцману замечание, избавив коммодора от хлопот. Очевидно, некоторые его идиосинкразии через Буша передались офицерам на корабле. Хорнблауэр смотрел, как боцман, матрос и лейтенант разошлись по своим делам, пока и этот повод отвлечься от Брауна не исчерпал себя окончательно.

Браун покушался на убийство, а это по законам Англии и флота карается смертной казнью. Однако уорент-офицера может осудить на смерть лишь трибунал из пяти капитанов первого ранга, а таких в радиусе ста миль только два: Хорнблауэр и Буш. Викери и Коул – всего лишь капитан-лейтенанты. По закону Браун должен оставаться под арестом, пока не соберется трибунал, если только – и тут в уставе имелась лазейка – насущные обстоятельства службы, безопасность корабля либо благополучие Англии не потребуют решительных действий. В таком случае он может созвать трибунал из имеющихся старших офицеров, судить и повесить Брауна на месте. Доказательств предостаточно – его и Маунда показаний хватит, чтобы вздернуть Брауна десять раз кряду.

Впрочем, оснований спешить нет. Браун в лазарете, полумертвый от потери крови, с неработающей (теперь уже до конца жизни) правой рукой. Он точно не сможет поднять среди матросов мятеж, поджечь корабль или склонить офицеров к измене. Однако по нижней палубе уже наверняка гуляют самые дикие слухи. Не угадать, как матросы объясняют факт, что Брауна доставили из царского дворца тяжелораненым. Рано или поздно об этих домыслах прознают агенты Бонапарта, а тот не брезгует ничем, если видит способ посеять раздор между своими врагами. Александр не простит страну, по вине которой оказался на волосок от смерти. Высшие английские сановники придут в бешенство, и весь их гнев будет направлен на Хорнблауэра. Он вспомнил рапорт у себя в столе, помеченный «Совершенно секретно и конфиденциально», – там изложены факты. Легко представить, как этот рапорт зачитают во время трибунала, который соберется его, Хорнблауэра, судить. Не трудно предсказать и мнение собратьев-капитанов, которые будут его судьями.

Мгновение Хорнблауэр раздумывал, не уничтожить ли рапорт и не замять ли историю вообще, однако отбросил эту мысль как неосуществимую. Кто-нибудь обязательно проболтается. С другой стороны, ему предписано всемерно опираться на Брауна и его опыт. Возможно, это означает, что у Брауна есть высокие покровители. Коли так, им публичный скандал невыгоден. Все чрезвычайно сложно.

– Мистер Монтгомери, – резко спросил Хорнблауэр, – куда смотрят ваши рулевые? Пусть держат ровнее, не то мне придется потребовать у вас объяснений.

– Есть, сэр, – ответил Монтгомери.

По крайней мере, он сделал все, чтобы втянуть Россию в войну с Бонапартом. Перед самым отбытием из Кронштадта Уичвуд как-то узнал, что Александр ответил на последние требования Бонапарта резким письмом. Если война начнется, Бонапарт этим летом бросит основные силы на Восток, и Веллингтон сможет нанести решающий удар на юге. Однако как долго выстоит Россия? Вот уже двенадцать лет Бонапарт каждый год одерживает по крупной победе, занимая очередную страну в течение нескольких недель. Возможно, к следующей зиме Россия покорится, как уже покорились Австрия и Пруссия; Даунинг-стрит, заполучив в лице России нового врага, будет с сожалением вспоминать ее былой нейтралитет, тем более что Бонапарт, разгромив Россию, наверняка захватит и Швецию. Тогда вся Европа, от Нордкапа до Дарданелл, объединится против Англии; ее вытеснят из Испании, и она, утерев этот последний

крошечный плацдарм, вынуждена будет либо продолжать бесконечную изматывающую войну, либо заключить опасный мир с тираном, чья злоба никогда не утихнет. В таком случае никто не скажет спасибо человеку, подтолкнувшему Россию к войне.

На палубу поднялся Буш, – видимо, Монтгомери за ним послал. Буш изучил черновой журнал Монтгомери и вахтенную доску, затем, стуча деревяшкой, подошел к Хорнблауэру на правой стороне шканцев и отсалютовал.

– Ревель – Таллин на шведских картах, сэр, – в двадцати милях к юго-востоку по численности пути, сэр. Земля слева – северный мыс острова Найссаар, уж не знаю, как это выговорить.

– Спасибо, капитан Буш.

Хорнблауэр постоянно чувствовал искушение срывать досаду на Буше. Он живо представил, как уязвит Буша колкость по поводу его мучений с иностранными словами. Буш – легкая мишень и очень удобная в том смысле, что результат достигается мгновенно. Хорнблауэр раздумывал, поддаться ли соблазну, а Буш тем временем стоял перед ним в ожидании приказа. Даже забавно было длить эти секунды; наверняка Буш нервно гадает, какая шпилька ему готовится. И тут Хорнблауэру сделалось стыдно. Плохо уже то, что безвестный вахтенный офицер на «Лотосе» пострадал из-за нежелания его коммодора решать вопрос с Брауном; куда хуже, что честный Буш мучается без всякой вины.

– Пожалуйста, капитан Буш, проложите курс на Кенигсберг.

– Есть, сэр.

Раскаяние было так сильно, что Хорнблауэр снизошел до объяснений:

– Данциг, Кенигсберг и Восточная Пруссия – плацдармы Бонапарта. Припасы для армии, которую он собирает в Польше, доставляют по рекам и каналам – Висле, Прегелю, Мемелю. Мы попытаемся вставить палку ему в колесо.

– Так точно, сэр.

– Сегодня утром я намерен провести общие маневры эскадры.

– Есть, сэр.

Буш положительно расцвел от внезапной словоохотливости своего непредсказуемого командира. А ведь он страдает безвинно – капитан флагмана вправе ждать, что коммодор посвятит его в свои планы. В конце концов, шальная пуля, упавший рей, апоплексический удар или болезнь – и Буш может оказаться во главе эскадры. И все равно он с благодарностью принимает те жалкие крохи, которые Хорнблауэр соглашается ему бросить.

Буш со штурманом быстро провели расчеты, и «Несравненная» привелась к ветру на левом галсе. Она накренилась под высокой пирамидой парусов, натянутый такелаж запел на ветру, и Хорнблауэр перешел на левую, наветренную часть шканцев – свое законное место. Он поглядел назад. Все корабли эскадры поворачивали вслед за флагманом: «Лотос» и «Ворон», «Гарви» и «Мотылек». «Моллюск» остался в Кронштадте, чтобы догнать их с вестями, если Уичвуд выяснит что-нибудь новое. Однако пяти кораблей для учений вполне довольно.

– Принесите мне сигнальную книгу, – распорядился Хорнблауэр.

Флажки взмыли по фалам, каждый сигнал – цепочка черных шаров, как бусины на шнурке. С кораблей эскадры на них зорко смотрели в подзорные трубы, читая флажки еще до того, как они расправятся окончательно, и тут же приказывая поднять ответ. Все последовательно сменили галс, разом выстроились в строй пеленга и вновь последовательно привелись к ветру в кильватерном строю. Они убавляли паруса вслед за флагманом – каждый капитан отправил наверх сколько мог матросов, чтобы убрать нижние прямые и брамсели в тот же миг, как станет ясно намерение коммодора, – и тут же ставили их снова. Они взяли сперва один риф на марселях, потом два, затем отдали рифы. Они легли в дрейф, спустили шлюпки с абордажной командой, подняли шлюпки обратно. Легли на прежний курс, открыли орудийные порты, выдвинули пушки, закрепили, опять выдвинули, опять закрепили. По фалам «Несравненной»

взлетел новый сигнал, на сей раз с позывными «Ворона»: «Коммодор – капитану. Почему не исполнили мой приказ?»

В подзорную трубу Хорнблауэр различил, что на «Вороне» не полностью закрепили пушки – не заперли орудийные порты, а только прикрыли, чтобы быстрее распахнуть в случае надобности. Однако Хорнблауэр видел, как крышки легонько приоткрываются от качки, и у него были серьезные основания полагать, что расчеты не отцепили и не убрали откатные тали, дав себе полных пять секунд форы. Большая глупость со стороны Коула – прибегнуть к такому старому трюку, и очень хорошо, что его позор видела вся эскадра. Половина задачи маневров – развить в капитанах смекалку. Если кто-нибудь из них сумеет перехитрить коммодора, тем лучше: больше вероятности, что в бою он перехитрит французов.

На «Вороне» поспешно задраили орудийные порты и сняли откатные тали; чтобы урок усвоился окончательно, Хорнблауэр выждал, пока, по его прикидкам, приказ исполнят на всех палубах шлюпа, и дал сигнал вновь выдвинуть пушки. Он легко мог вообразить, как чертыхаются офицеры на «Вороне», как сбивается в действиях орудийная прислуга. Шлюп просигналил: «Маневр завершен» – на семь секунд позже других кораблей эскадры. Впрочем, указывать на это не стоило – все на «Вороне» и так понимают, что произошло, а еще один нагоняй подорвет авторитет Коула, а значит – дурно скажется на дисциплине.

Утро выдалось напряженным для всех в эскадре; Хорнблауэр, вспоминая себя мичманом, легко мог вообразить, с каким облегчением вздохнула команда, когда в полдень он завершил учения, дав матросам возможность поесть. Он наблюдал, как на «Несравненной» выстроилась очередь за ежедневной порцией рома: веселые матросы, каждый со своей деревянной чаркой, часовые возле бочки с надписью «Боже, храни короля», Монтгомери и два подштурмана наблюдают за раздачей. Одного из матросов возмущенно отогнали от бочки: видимо, он лишен рома за провинность, однако рассчитывал обманом получить порцию. На иных кораблях за такое можно схлопотать два десятка плетей, но, судя по действиям Монтгомери, нарушитель отделается лишением рома на дополнительный срок, нарядом на помпы или чисткой галююнов.

Веселость и оживленность на корабле обнадеживали. Эти люди, когда придет время, будут драться не за страх, а за совесть, и, что не менее важно, они выдержат долгие тягостные дни в море, утомительную рутину корабельной жизни, ропща не больше обычного. Впрочем, надо напомнить Бушу, что бодрый настрой команды необходимо всячески поддерживать. Состязание танцоров, театральная постановка – что-нибудь в таком роде нужно будет устроить в ближайшее время, пока матросы не заскучали, если только боевые действия не внесут разнообразие в их жизнь еще раньше. С этим решением Хорнблауэр пошел в каюту, благополучно отложив мысли о Брауне до тех пор, пока тот выздоровеет. В конце концов, Браун еще может умереть.

К тому же внизу ждали карты Фришского залива¹⁹. Надо придумать, как нанести удар по французским коммуникациям в тех краях. Если попутный ветер сохранится, на составление планов у него не больше трех дней. Хорнблауэр велел принести карты и склонился над ними. Через минуту он раздраженно потребовал лампы, чтобы читать мелкие надписи. Рельеф дна по промерам глубин был сложен невероятно, и задача не упрощалась тем, что изучить предстояло целых три карты: шведскую с замерами в шведских футах, новую французскую с глубинами в метрах и схематическую английскую с морскими саженьями. Пришлось изрядно помучиться, прежде чем удалось их сопоставить и прийти к неутешительному выводу, что они друг дружке противоречат.

И все же у Хорнблауэра не было сомнений, что нанести удар надо именно здесь. В лишенных дорог Польше и Восточной Пруссии у Бонапарта есть лишь один способ снабжать расту-

¹⁹ Фришский залив – Вислинский, современный Калининградский.

щую армию – по воде. Главный его плацдарм – Данциг, туда боеприпасы и провиант доставляют по Висле. Однако крупные силы в Восточной Пруссии и на востоке Польши снабжаются по другим рекам, и реки эти впадают во Фришский залив неподалеку от Кенигсберга и Эльбинга. Сам залив – длинная узкая лагуна, почти отрезанная от моря песчаной косой. Баржи наверняка так и снуют по ней из Эльбинга в Кенигсберг и обратно. Пятьдесят миль в длину, десять с небольшим в ширину, глубина – от силы три-четыре морские сажени, узкий вход охраняют батареи Пиллау, – на взгляд французов, это совершенно безопасный путь для перевозки припасов, надежно защищенный и от штормов, и от англичан. Конечно, самая лучшая цель – Данциг, но он далеко от моря, несколько миль вверх по Висле, да к тому же надежно укреплен. Если Бонапарт со ста тысячами солдат взял его только после трехмесячной осады, для Хорнблауэра с двумя сотнями морских пехотинцев Данциг совершенно неприступен. И Кенигсберг с Эльбингом, кстати, тоже. Однако его цель – всего лишь нарушить морское сообщение между ними, этого будет вполне довольно. Да и ветер попутный – римлянин счел бы это добрым знаменем.

Глава пятнадцатая

Для рекогносцировки входа во Фришский залив ночь выдалась идеальная. Пасмурная, так что низкие облака почти не пропускали последних отблесков заката, и ветреная – шлюпу, с которого Хорнблауэр только что перебрался в тендер, час назад пришлось взять рифы на марселях. Свежий ветер и сильное волнение означают, что у них меньше шансов встретить сторожевой катер, обходящий дозором то самое заграждение, которое Хорнблауэр задумал осмотреть.

Однако те же волны доставляли ему заметное личное неудобство. Тендер, на корме которого он сидел, подпрыгивал, то вскидываясь задом, то вставая на дыбы, брызги летели стеной, и два матроса должны были безостановочно вычерпывать воду. Брызги неумолимо проникали под плащ, так что Хорнблауэр промок и замерз, а сочетание холода и качки обратило его мысли к морской болезни. Желудку было так же неуютно, как и остальному телу. В темноте Хорнблауэр не различал ни Викери, сидевшего рядом за румпелем, ни Брауна, держащего шкот; сознание, что они не видят его предательской бледности, утешало лишь самую малость. В отличие от других, он не мог просто страдать от морской болезни, не раздумывая, как выглядит со стороны; ничего удивительного, со всегдашней безжалостностью напомнил себе Хорнблауэр, он вообще не умеет отдаться чувствам и забыть про чужие мнения.

Он сел поудобнее и плотнее закутался в плащ. Немцы и французы в Пиллау еще не знают о появлении британской эскадры; два шлюпа, оставив «Несравненную» и кечи за горизонтом, приблизились к берегу меньше часа назад, уже в темноте. Сердобольный старший офицер в Кенигсберге вполне мог пожалеть гребцов и не отправить их в ненастную ночь обходить дозором боновое заграждение, а если и отправил, унтер-офицер в катере не станет сильно усердствовать, тем более что немцы-подчиненные едва ли питают любовь к своим командирам-французам.

Впередсмотрящий на носу издал тихий предостерегающий возглас, и Викери немного повернул руль, беря чуть круче к ветру. Шлюпка приподнялась на волне, потом ухнула вниз. Рядом возникло что-то черное, едва различимое на фоне морской пены.

– Канат, сэр, – доложил Викери. – А вот и бон, прямо по курсу.

На вздымающихся волнах впереди смутно угадывалось что-то темное.

– Подведите шлюпку к нему, – приказал Хорнблауэр.

Викери привел шлюпку к ветру и приказал убрать люгерный парус. Шлюпка приблизилась к бону. Ветер дул не совсем вдоль него, так что за боном оставалось немного спокойной воды; по дальнюю сторону волны с грохотом били в заграждение, здесь же море было почти

гладкое, хоть и в белой, слабо поблескивающей пене. Матросы зацепились за канат в том месте, где он подходил к ограждению.

Хорнблауэр сбросил плащ, подставив себя ветру и брызгам, изготовился и прыгнул на бон. В этот самый миг волна ударила в заграждение, окатив его с ног до головы. Хорнблауэру пришлось изо всех сил держаться руками и ногами, чтобы не смыло. Он сидел верхом на исполинском древесном стволе, почти целиком погруженном в воду. В распоряжении французов весь корабельный лес Европы, который ничего не стоит доставить сюда морем, – разумеется, для защиты порта они выбрали самую плотную древесину. Хорнблауэр пополз вдоль бревна, отчаянно балансируя на своем норовистом скакуне. Марсовый матрос – да и Викери, надо полагать, тоже – легко прошел бы ногами, однако Хорнблауэр хотел все осмотреть сам, а не выслушать отчет. Канат, когда удалось до него добраться, оказался невиданно толстым, не меньше тридцати дюймов, – самый толстый канат на «Несравненной» имел обхват всего девятнадцать дюймов. Ледяные брызги обдавали с головой, но Хорнблауэр продолжал ощупывать бревно, пока не нашел, что искал, – цепь, связывающую его с соседним. То была двухдюймовая якорная цепь, способная выдержать нагрузку тонн в сто, если не больше. Чуть дальше отыскалась и вторая. Очевидно, были и другие под водой, так что общее число получалось четыре или пять. Даже линейный корабль, летя с полным ветром, едва ли проломит такое заграждение, скорее только повредит свой корпус. Вглядываясь сквозь брызги, Хорнблауэр различил следующее бревно и его канат; зазор не превышал десяти футов. Ветер, дующий почти вдоль бревен, сносил их, насколько позволяли канаты, так что канаты и бревна создавали туго натянутый каркас, наподобие рыбьего скелета.

Хорнблауэр прополз по бревну обратно, встал и прыгнул в шлюпку. В темноте, на качающейся опоре трудно было правильно рассчитать время, так что он плюхнулся животом на планширь, одной ногой в море, и Викери пришлось втаскивать его в шлюпку без всяких церемоний.

– Отцепитесь и пусть нас сносит ветром, – приказал Хорнблауэр. – Я хочу замерить глубину у каждого бревна.

Викери отлично управлялся с румпелем. Двое матросов работали веслами, а он, держа тендер носом к ветру, ловко огибал натянутые канаты. Браун, балансируя посередине скачущей шлюпки, промерял глубину неудобным тридцатифутовым шестом. Управляться на ветру с длинным шестом мог лишь очень сильный человек, зато при должной сноровке шума он производил меньше, чем если бы бросал лот. Четыре сажени... три с половиной... четыре... боновое заграждение было устроено точно поперек фарватера, как и следовало ожидать. С наветренной стороны оно не более чем в двух сотнях ярдах – кабельтове – от берега, на котором стоит Пиллау, и Хорнблауэр, вглядываясь во тьму, более чем подозревал, что там устроен второй бон, так что проходящему судну придется совершить поворот. Это значит, что пушки Пиллау потопят или сожгут любого, кто вздумает прорваться в залив.

Тендер добрался до подветренного конца заграждения. Впереди за полосой воды началась двадцатимильная коса – или Нерунг, как именовали ее немецкие карты, – отделяющая залив от Балтийского моря. Сама полоса воды была с четверть мили, не меньше, но совершенно несудоходна. Два раза Браун намерил по десять футов, дальше пошли глубины восемь и шесть.

Викери внезапно тронул Хорнблауэра за локоть и указал в сторону суши. Там угадывалось что-то темное: сторожевой катер шел через мели, обходя дозором заграждение.

– Весла! – скомандовал Хорнблауэр. – Уходим в море.

Вальки весел были обмотаны шпигованными матами, чтобы они двигались в уключинах без всякого звука; гребцы налегли, и тендер заскользил прочь от дозорной шлюпки. Когда отошли достаточно далеко в темноту, поставили люгерный парус, и тендер двинулся назад к «Лотосу». Хорнблауэр в мокрой одежде неудержимо трясся от холода и с горьким стыдом думал, что Викери видит, как дрожит его коммодор, хотя для любого стойкого моряка про-

мокший бушлат – обыденная житейская мелочь. Досаднейшим (хоть и вполне ожидаемым) образом в первый раз они мимо «Лотоса» проскочили, так что тендеру пришлось повернуть и двинуться вспять, прежде чем в темноте вырос силуэт шлюпа. Как только с «Лотоса» раздался оклик, Браун поднес ко рту рупор.

– Коммодор! – крикнул он, и Викери подвел тендер к подветренному борту «Лотоса». Едва шлюпка коснулась корабля, Хорнблауэр выбрался на невысокую палубу. На шканцах Викери повернулся к нему в ожидании приказов.

– Возьмите курс в открытое море, мистер Викери, – сказал Хорнблауэр. – Убедитесь, что «Ворон» за нами следует. К рассвету нас должно быть не видно с суши.

Стаскивая мокрую одежду в крохотной каюте Викери, пока Браун стоял рядом наготове, Хорнблауэр мучительно заставлял себя думать о диспозиции, однако усталый мозг решительно отказывался работать. Браун подал полотенце, и Хорнблауэр растер задубевшие руки и ноги. Викери постучался и вошел: задав курс, он тут же поспешил проследить, чтобы у коммодора было все необходимое. Хорнблауэр, закончив вытирать ноги, выпрямился и с размаху въехал головой в палубный бимс: высота каюты на шлюпе была от силы пять футов. Хорнблауэр чертыхнулся.

– Под световым люком на фут выше, сэр, – дипломатично заметил Викери.

Люк был три фута на два; прямо под ним Хорнблауэр мог выпрямиться в полный рост, хотя даже так его волосы касались решетки. А рядом на палубном бимсе висела лампа; Хорнблауэр неосторожно задел ее голым плечом, и теплая ворвань плеснула ему на ключицу. Он чертыхнулся снова.

– Вам несут горячий кофе, сэр, – сказал Викери.

Кофе оказался такой, какого Хорнблауэр не пробовал уже много лет, – пережаренный хлеб со щепоткой настоящего кофе для запаха, – но хотя бы согревал. Хорнблауэр допил чашку и протянул Брауну, затем взял с казенной части двенадцатифунтовки чистую рубаху и принялся надевать.

– Будут еще распоряжения, сэр? – спросил Викери.

– Нет, – хмуро ответил Хорнблауэр, вытягивая голову вперед, чтобы снова не удариться о бимс.

Он пытался не выдать своей досады, но, кажется, ему это не удалось. Благоразумие, здравый смысл, инстинкты – все требовало признать, что проникнуть во Фришский залив невозможно. Заграждение не прорвать, и ни один из кораблей эскадры не сможет пройти в обход. И зачем он только сказал Бушу, что удар желательно нанести здесь? Вот очередной урок, лишнее напоминание, что рот надо держать на замке. Вся эскадра ждет действий, а он вынужден будет отплыть, ничего не предприняв. В будущем надо дважды стиснуть зубы, трижды прикусить болтливый язык: не поговори он тогда с Бушем так легкомысленно, сейчас все было бы куда проще. А так Буш, в отсутствие прямых указаний молчать, наверняка поделился услышанным с офицерами. Теперь все живут в ожидании великих свершений, к которым бесстрашный Хорнблауэр (с горьким смешком сказал он себе) поведет их с прославленной дерзкой изобретательностью.

Он еще раз обреченно перебрал все, что знает. Со стороны косы вдоль бона есть полоса воды, по которой пройдут корабельные шлюпки. Можно отправить три или четыре баркаса с установленными на нос четырехфунтовками. Полторы сотни матросов. Нет сомнений, что ночью они обойдут бон и, застав всех в лагуне врасплох, потопят или сожгут некоторое количество судов. Вполне вероятно, уничтожены будут тысячи тонн груза. Однако шлюпочный десант не сможет вернуться. Выход из лагуны окажется заперт: на батарее канониры будут день и ночь дежурить у пушек, полосу воды в другом конце бона перекроют канонерские лодки, а канонерки, даже с командой из солдат, легко разделаются с несколькими баркасами. Эскадра

не может пойти на потерю ста пятидесяти опытных моряков – десятой части всего личного состава, – а меньше посылать бессмысленно.

Нет. Никакие каботажные суда не стоят такой цены. Затею придется бросить. Как будто скрепляя принятое решение, Хорнблауэр стал надевать сухие штаны, которые раздобыл для него Викери. И тут, одной ногой в штанине, он внезапно придумал выход и замер, как стоял – левая нога голая, правая в штанине до колена.

– Мистер Викери, – сказал он, – дайте-ка мне карты еще раз.

– Есть, сэр, – отвечал Викери.

Пылкость в его голосе явно была вызвана чувством, прозвучавшим в словах коммодора. Хорнблауэр это заметил, поэтому, застегивая пояс, укрепился в решении впредь следить за тем, что и как говорит. Необходимо вернуть себе репутацию молчаливого героя. Викери разложил на столе карты, и Хорнблауэр склонился над ними, зная, что его лицо с жадностью изучают. Он тщательно хранил непроницаемое выражение, чтобы не дать молодому офицеру и малейшей подсказки, а закончив, сказал спасибо самым бесстрастным тоном, на какой только был способен. Тут он вспомнил идеальное междометие на все случаи жизни и прочистил горло.

– Кхе-хм. – Результат был настолько хорош, что Хорнблауэр повторил с еще большей растяжкой: – Кхе-е-е-хм.

Ошарашенное лицо Викери порадовало его несказанно.

На следующее утро, вновь в своей каюте на «Несравненной», он немного отыгрался за прошлое, наблюдая за офицерами, пока те выслушивали его план. Каждый мечтал командовать десантом, каждый рвался рискнуть свободой и жизнью в операции, которая на первый взгляд могла показаться безумной. Оба командера отдали бы все за шанс получить капитанский чин, лейтенанты надеялись стать командерами.

– Операцию возглавит мистер Викери, – сказал Хорнблауэр, и ему вновь представился случай пронаблюдать за их минами. Однако в данном случае все присутствующие имели право знать, почему их обошли, так что он снизошел до короткого объяснения:

– Оба капитана бомбардирских кечей незаменимы; у нас нет других лейтенантов, умеющих так же ловко управляться с их адскими машинами. Я могу не объяснять, почему незаменим мистер Буш. Мистер Викери был со мной на рекогносцировке, поэтому знает ситуацию лучше мистера Коула – второго очевидного кандидата на руководство операцией.

Отговорка, конечно, чтобы хоть немного подсластить пилюлю, но лучше другим не знать, что он не доверяет Коулу – сгорбленному седому Коулу, который и со своим-то делом управляется еле-еле, но все равно грезит о капитанском чине, даже сознавая всю тщетность таких надежд. У Хорнблауэра было неприятное чувство, что Коул разгадал его тактику; пришлось утешить себя банальной мыслью, что невозможно вести войну и никого не обидеть. Он торопливо перешел к следующему пункту:

– Теперь, господа, я попрошу вас предложить кандидатуры офицеров, которые будут участвовать в операции под началом мистера Викери. Мистер Викери первый, как наиболее заинтересованная сторона.

Как только все детали обсудили, пришло время готовить шлюпки: баркас и тендер «Несравненной», тендеры «Лотоса» и «Ворона». Четырехфунтовка – на баркас, трехфунтовки – на тендеры; провиант, воду, боеприпасы, горючие материалы, чтобы поджигать захваченные суда. Отобрать и вооружить команду: матросам – пистолеты и абордажные сабли, морским пехотинцам – ружья со штыками. В конце дня Викери поднялся на борт «Несравненной», чтобы выслушать последние указания.

– Удачи, – сказал Хорнблауэр.

– Спасибо, сэр, – отвечал Викери.

Он открыто взглянул Хорнблауэру в глаза и добавил:

– Я вам так благодарен, сэр.

– Не благодарите меня, благодарите себя, – резко ответил Хорнблауэр.

Юный Викери благодарит коммодора за то, что тот рискует его жизнью, – и это раздражало невероятно. Если бы он женился мичманом, у него мог бы быть сын – ровесник Викери.

С наступлением темноты эскадра взяла курс к берегу. Ветер стал чуть более северным, но дул с прежней силой, и, хотя ночь была не такая пасмурная, как вчера, у шлюпок оставались все шансы проскользнуть незамеченными. Ровно в две склянки ночной вахты Хорнблауэр пронаблюдал, как они отходят от кораблей, а как только их очертания растаяли в серой мгле, отвернулся прочь. Теперь предстояло ждать. Он в очередной раз с интересом поймал себя на том, что искренне предпочел бы сам возглавить десант. Много легче рисковать свободой и жизнью во Фришском заливе, чем мучиться неизвестностью на корабле. Хорнблауэр знал свою трусость, знал, что до тошноты страшится увечья, а смерти – лишь ненамного меньше. Тем занятнее обнаружить, что есть вещи, которые он ненавидит еще больше опасности. Когда прошло довольно времени, чтобы шлюпки успели обогнуть бон (или попасть в руки врага), Хорнблауэр спустился в каюту и лег, но мог лишь притворяться спящим, усилием воли не позволяя себе метаться и ворочаться с боку на бок. Большим облегчением было с первыми проблесками зари вновь выйти на полупалубу, искупаться под помпой, а затем выпить кофе на шканцах, поглядывая за правую раковину, где («Несравненная» лежала в дрейфе на левом галсе) были сейчас Пиллау и вход в залив.

Вскоре рассвело настолько, что их стало видно в подзорную трубу. На расстоянии дальнего пушечного выстрела лежал желто-зеленый мыс, на котором стоит Пиллау: двойной шпиль колокольни различался вполне отчетливо. Линию бона поперек прохода можно было угадать по бурунам, в которых иногда мелькало что-то темное – бревна. Темные бугры у кромки воды, надо полагать, батареи, защищающие проход. По другую сторону тянулась полоска Нерунга, желтовато-зеленая цепь дюн, вздымающаяся и опадающая в окуляре подзорной трубы. Однако за проходом глаз не видел ничего, кроме серой воды, испещренной белыми бурунами там, где глубина всего меньше. Противоположный берег залива с корабля было не разглядеть.

– Капитан Буш, – сказал Хорнблауэр, – будьте добры отправить на мачту зоркого офицера с подзорной трубой.

– Есть, сэр.

Молодой лейтенант, чувствуя на себе взгляд коммодора, пулей взлетел по вантам, перегнулся назад, влезая по путенс-вантам, в два счета преодолел брам-ванты. Хорнблауэр знал, что ему самому пришлось бы в таком подъеме отдыхать на грот-марсе, да и зрение у него уже не то, что прежде, – куда хуже, чем у этого лейтенантика. Тот устроился на грот-брам-салинге, поднес к глазу подзорную трубу и начал медленно обводить горизонт. Не в силах больше терпеть, Хорнблауэр схватил рупор:

– Эй, на мачте! Что видите?

– Ничего, сэр! Дымка слишком плотная. Но парусов не видать, сэр.

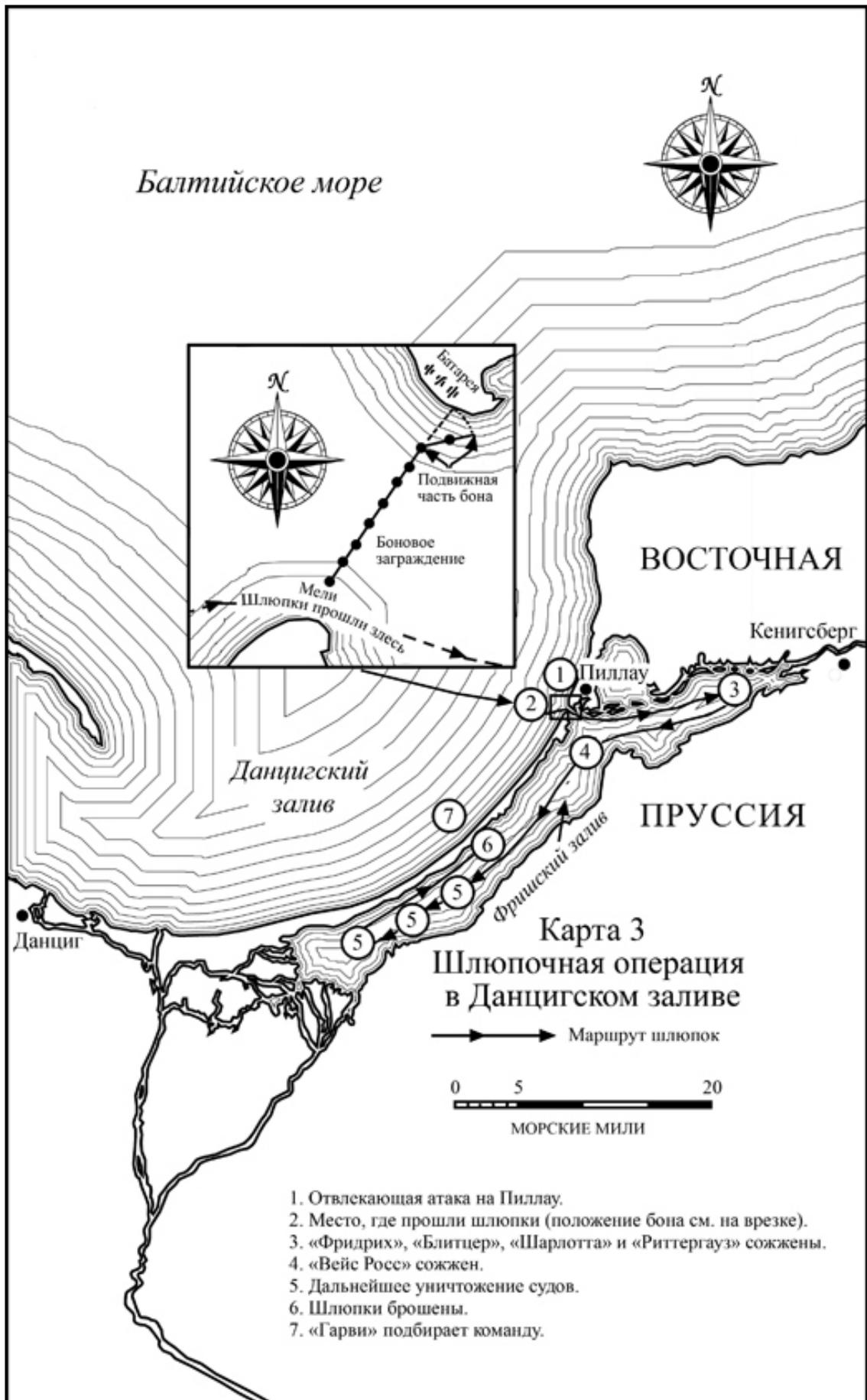
Может, сейчас весь гарнизон над ним потешается. Может, шлюпки угодили прямо в руки врага, и теперь все на берегу злорадно наблюдают за эскадрой, ждущей шлюпки и моряков, которые уже никогда не вернуться. Хорнблауэр твердо сказал себе, что не даст дурным опасениям взять над собой власть. Он попытался вообразить состояние людей, увидевших с первым светом британскую эскадру на расстоянии чуть больше выстрела от батареи и города. Как гремят барабаны и завывают трубы, как солдат поднимают по тревоге, чтобы обороняться от возможной высадки. Вот что сейчас происходит на самом деле. Ни гарнизон, ни губернатор-француз пока не знают, что в их овчарню забрались волки, что британские шлюпки проникли в залив, не видевший врагов с тех пор, как пять лет назад Данциг пал под французским натиском. Хорнблауэр пытался успокоить себя мыслями о том, как неразбериха усиливается с каждой минутой: вестовые скачут с приказами, на канонерках готовятся отдать концы, каботажные суда спешат под укрытие батарей – если там вообще есть батареи. Он готов был держать

пари, что между Эльбингом и Кенигсбергом нет ни одной батареи, ведь до сих пор в них не возникало нужды.

– Эй, на мачте! Видно что-нибудь у берега?

– Нет, сэр... да, сэр! От города отходят канонерки.

Хорнблауэр и сам видел, что из Эльбинга выходит флотилия двухмачтовых суденышек с характерными для Балтики шпринтовыми парусами. Они немного напоминали норфолкские баржи с их единственной высоченной мачтой. У каждого на носу должна стоять тяжелая пушка, скорее всего двадцатичетырехфунтовая. Они бросили якорь на мелководье, создав перед боном дополнительный заслон на случай возможной атаки. Четыре канонерки перегородили проход между боном и Нерунгом. «Заперли конюшню после того, как лошадь свели», – подумал Хорнблауэр и тут же отверг сравнение. Они запирают конюшню, чтобы конокрад не ушел, если, конечно, знают, что вор внутри (впрочем, последнее очень маловероятно). Дымка быстро рассеивалась; небо над головой стало голубым, выглянуло бледное солнце.

– Эй, на палубе! С вашего позволения, сэр, там, в заливе, показался дымок. Больше ничего не вижу, сэр, но дым черный. Может, горит судно.

Буш, на взгляд прикинув уменьшающееся расстояние между боном и кораблем, приказал обрасопить паруса и отойти чуть дальше в море. Оба шлюпа в точности повторили маневр «Несравненной». Хорнблауэр гадал, правильно ли поступил, целиком положившись на юного Маунда в том, что касается кечей. У Маунда на следующее утро назначено важное свидание; сейчас он с «Гарви» и «Мотыльком» за горизонтом, вне пределов видимости. До сих пор гарнизон Эльбинга видел лишь три английских корабля и не знает о существовании кечей. Это хорошо – только бы Маунд в точности исполнил приказы. А еще может начаться шторм, или ветер изменится, и буруны не дадут исполнить того, что задумал Хорнблауэр. На него вновь навалилась тревога. Он усилием воли принял спокойный вид, затем разрешил себе немного пройтись по шканцам, правда размеренным шагом, а не так быстро, как бы ему хотелось.

– Эй, на палубе! Вижу еще дым, сэр! Два столба, как будто горят два судна.

Буш приказал вновь обстенить грот-марсель и, как только «Несравненная» легла в дрейф, подошел к коммодору.

– Сдается, у Викери уже есть первый улов, да, сэр? – с улыбкой сказал он.

– Будем надеяться, – ответил Хорнблауэр.

На лице Буша не было и следа тревоги, только кровожадное удовольствие при мысли, что Викери настигает и жжет каботажные суда. Хорнблауэр уже начал проникаться его уверенностью, пока не сообразил с досадой, что Буш и не думает вникать в обстоятельства. Буш знает, что операцию придумал Хорнблауэр, и не может допустить, что она окончится крахом.

– Эй, на палубе! Вижу два паруса! Идут от города через залив круто к ветру. Точно не скажу, сэр, но, думаю, второй – наш тендер.

– Да, сэр, это он! – заорал другой голос. Все, не занятые другими делами, повзбуривались на салинги.

– Это, должно быть, Монтгомери, – сказал Буш. Он продел деревянную ногу в рым-болт на тали ближайшей к корме каронады, чтобы без усилий стоять на покачивающейся палубе.

– Догнал, сэр! – прокричал тот же голос. – Наш тендер догнал преследуемого!

– Да, Бони недополучит изрядно солонины и сухарей, – заметил Буш.

Очень большой ущерб каботажным судам во Фришском заливе отчасти искупит потерю ста пятидесяти опытных моряков. Однако, чтобы лорды Адмиралтейства поверили в этот ущерб, нужны веские доказательства.

– Эй, на палубе! Два паруса разошлись. Наш тендер идет на фордевинд. У другого судна грот вроде бы взят на гитовы, сэр. Впечатление, что...

Лейтенант оборвал себя на середине фразы.

– Рвануло! – крикнул другой голос, и в тот же миг все на мачтах закричали «ура!».

– Судно взорвалось! – заорал лейтенант, от волнения позабыв добавить «сэр» в обращении к коммодору. – Дым валит столбом! Наверное, даже вам с палубы видно!

И впрямь над горизонтом встало исполинское грибообразное облако. Черное и тяжелое, оно провисело несколько минут, пока ветер не разорвал его на причудливые клубы и не развеял окончательно.

– Клянусь Богом, там были не солонина и сухари! – воскликнул Буш, молотя ладонью по кулаку. – Там был порох! Целая баржа пороха! Тонн пятьдесят, не меньше, клянусь Богом!

– Эй, на мачте! Что тендер?

– Цел, сэр! Вроде его не задело взрывом! Корпус уже за горизонтом, сэр!

– Погнался за следующим, дай-то бог, – заметил Буш.

Взрыв пороховой баржи – лучшее доказательство, что Бонапарт перевозит вдоль берега военные припасы. Хорнблауэр почувствовал, что добился ощутимого результата, даже если не

сможет убедить в этом Уайтхолл. Он невольно улыбнулся и тут же подавил улыбку: триумф надлежало принимать так же равнодушно, как и томительное неведение.

– Осталось только вытащить назавтра Викери и остальных, сэр, – сказал Буш.

– Да, только это, – ответил Хорнблауэр с самым деревянным лицом, какое сумел изобразить.

Взрыв пороховой баржи остался единственным безусловным свидетельством того, что операция во Фришском заливе идет успешно, хотя впередсмотрящие несколько раз неуверенно докладывали о дымках над горизонтом. К вечеру подошла еще одна вереница канонерок – видимо, из Кенигсберга – и заняла позицию вдоль бона. По берегу в сторону Пиллау промаршировала колонна солдат: даже с палубы можно было различить горизонтальные линии белых штанов и синих мундиров.

Вечером Хорнблауэр поднялся из каюты, где некоторое время просидел за обедом, приносясь, будто ест. На палубе он огляделся, однако за столом его чувства были так напряжены, что сейчас зрение не сообщило ничего нового. Ветер к концу дня немного ослаб, солнце клонилось к закату, хотя до захода оставалось еще часа два.

– Капитан Буш, я буду признателен, если вы отправите лучших наводчиков к пушкам правого борта нижней оружейной палубы.

– Есть, сэр.

– Пожалуйста, прикажите отцепить и выдвинуть пушки. Затем я попрошу вас подойти к батарее на расстояние выстрела. Я хочу вызвать огонь на себя.

– Есть, сэр.

По всему кораблю засвистели дудки, боцманы и боцманматы выкрикивали команды, матросы бежали по местам. По палубам прошла дрожь, как от землетрясения: это с грохотом выдвигали большие двадцатичетырехфунтовые пушки.

– Пожалуйста, проследите, чтобы канониры целились как можно тщательнее, – сказал Хорнблауэр.

Он знал, как мало видит канонир на нижней палубе через оружейный порт в ярде от воды. А если пушки не будут стрелять прицельно, враг может сообразить, что эволюции «Несравненной» – всего лишь отвлекающий маневр. Матросы выбрали подветренные брасы грот-марселя, большой парус развернулся, «Несравненная» привелась к ветру и начала набирать скорость.

– Лево помалу! – крикнул Буш рулевому. – Отводи! Одерживай! Так держать!

– Есть так держать, сэр! – отозвался рулевой, затем натренированным движением лицевых мышц переправил табак из-за щеки к зубам и сплюнул точно в плевательницу рядом со штурвалом, и на миг не отрывая взгляда от шкаторины грот-марселя и компасной стрелки.

«Несравненная» приближалась к проходу и к батарее. Нервное дело – идти под обстрел. Сбоку от батареи поднимался дымок. Может, там всего лишь готовят ужин артиллеристам, а может – калят ядра. Однако Буш знал, чего можно ждать от береговых батарей, и в предупреждениях не нуждался. Все свободные матросы стояли наготове с ведрами, все помпы были вооружены. Теперь он на глаз прикидывал расстояние до берега.

– Пожалуйста, еще немного ближе, капитан Буш, – сказал Хорнблауэр – ему было очевидно, что расстояние еще слишком велико.

Над волнами, в двух кабельтовых справа по курсу, взметнулся и тут же исчез фонтан брызг.

– Еще чуть ближе, капитан Буш.

Корабль в напряженной тишине скользил вперед. Сразу несколько фонтанов неожиданно взметнулись под правой раковиной – один так близко, что по какой-то причуде ветра и волн большая пригоршня воды плеснула Бушу в лицо.

– Дьявол их побери! – выговорил тот, отплеываясь и протирая глаза.

Не должна эта батарея бить так далеко, и дыма над ее амбразурами видно не было. Хорнблауэр повел подзорной трубой, и у него перехватило дыхание. Стреляла совсем другая батарея, дальше влево, – батарея, о которой он до сей минуты не подозревал. Трава, выросшая на парапете, совершенно скрыла ее от глаз. Однако она слишком рано выдала свое существование. Выжди тамошний офицер еще минут десять, «Несравненной» пришлось бы худо.

– Теперь довольно, капитан Буш, – сказал Хорнблауэр.

– Круто к ветру! – скомандовал Буш рулевому, затем повысил голос: – Пошел брасы подветренного борта!

«Несравненная» развернулась пушками правого борта к батарее; теперь, в бейдевинд, она приближалась к противнику не так быстро. Хорнблауэр указал на только что стрелявшую батарею вахтенному мичману и отправил того бежать с этими сведениями к артиллеристам.

– Круче к ветру! – рявкнул Буш рулевому.

– Есть круче к ветру, сэр.

Мгновение или два фонтаны вставали вокруг всего корабля, от грохота канонады заложило уши. Примечательно, что ни одно ядро не попало, – по крайней мере, так Хорнблауэр думал, пока, подняв глаза, не обнаружил две овальные дыры в крьюселе. Целят из рук вон плохо, ведь стреляло, судя по дымкам на берегу, около двадцати пушек. Хорнблауэр тщательно приметил расположение батарей – эти сведения еще могут пригодиться.

– Откройте огонь, капитан, будьте любезны, – сказал он, и еще до того, как прозвучали последние два вежливых слова, Буш поднял рупор и во всю глотку повторил приказ.

Помощник артиллериста у грот-люка передал команду на нижнюю орудийную палубу. Хорнблауэр с удовольствием отметил короткую паузу – она означала, что канониры наводят пушки на цель, а не просто дергают шнур сразу, как услышали приказание. Затем прерывисто громыхнуло, корабль содрогнулся, дым клубами полетел по ветру. В подзорную трубу Хорнблауэр видел, как вокруг замаскированной батареи взлетает выбитый ядрами песок. Вновь и вновь ревели семнадцать двадцатичетырехфунтовок, палуба под ногами содрогалась от выстрелов и от грохота пушечных катков.

– Спасибо, капитан Буш, – сказал Хорнблауэр. – Можете поворачивать.

Буш заморгал; он вошел в такой боевой раж, что не в первое мгновение осознал приказ.

– Есть, сэр. – Буш поднял рупор. – Прекратить огонь! К повороту оверштаг!

Команду передали канонирам, и грохот сразу смолк, так что «Руль под ветер!» Буша, обращенное к рулевому, прозвучало неестественно громко.

– Пошел грот! – взревел Буш.

Когда «Несравненная» начала поворачивать, вставая на ровный киль, сразу несколько фонтанов взметнулось у правой раковины. Ядра впервые легли так кучно, – если бы не внезапный поворот, они бы попали в цель. Сейчас Хорнблауэр мог лежать на шканцах в крови, с выпавшими кишками.

«Несравненная» прошла линию ветра, паруса наполнились.

– Пошел фока-брасы!

Матросы побежали к корме с брасами подветренного борта, кливер и грот-стаксель наполнились ветром, «Несравненная» легла на новый галс.

– Будут еще приказания, сэр? – спросил Буш.

– Пока достаточно.

В крутой бейдевинд на правом галсе «Несравненная» устремилась туда, где ждали шлюпы. На берегу, надо думать, сейчас ликуют, что отбили серьезное нападение; какой-нибудь хвостун-канонир клянется, что своими глазами видел, как ядра били в британский корабль. Теперь надо их убедить, что эскадра по-прежнему замышляет совершить прорыв.

– Мичман! – позвал Хорнблауэр.

По фалам «Несравненной» взлетела цепочка цветных флажков. Хорошее упражнение для сигнального мичмана: передать «Уже бледнеет день, скрываясь за горою»²⁰ как можно быстрее. Теперь он в подзорную трубу читал ответ «Ворона»:

– «М-ы... мы... ч-а-щ-и»... наверное, «чаще», сэр... «е»... нет, получается «мычащие», сэр. «С-т-а»... утвердительный флажок...

Значит, Коул хотя бы знаком с «Элегией на сельском кладбище» Грея, а сигнальный офицер на «Вороне» догадался заменить два буквенных флажка одним утвердительным.

– «Мычащие стада толпятся над рекой», сэр, – доложил озадаченный мичман.

– Очень хорошо. Подтвердите.

Весь этот обмен сигналами наверняка вызвал интерес на берегу. Хорнблауэр распорядился поднять еще одно сообщение с позывными «Лотоса»: «Усталый селянин медлительной стопой» – и тут же получил в ответ недоуменное: «Сигнал не понят». Первис, первый лейтенант шлюпа, командующий в отсутствие Викери, явно не очень сообразителен, а может, просто плохо начитан. Что он в таком случае сейчас думает, Хорнблауэр вообразить не брался, хотя эта мысль и вызвала у него улыбку.

– Отменить сигнал, – распорядился он, – и передать другой: «Немедленно сообщите количество рыжих женатых матросов на борту».

Хорнблауэр подождал, надеясь, что Первису достанет фантазии соединить в ответе почти несовместимые остроумие и почтительность, но тот ограничился лаконичным: «Пять». Хорнблауэр вернулся к делу:

– Сигнальте обоим шлюпам: «Двигаться к бону в угрожающей манере, избегая боя».

В густеющих сумерках шлюпы устремились вперед, словно намереваясь атаковать. Они повернули, беря круто к ветру, затем вновь спустились под ветер. Дважды Хорнблауэр видел клубы дыма и слышал глухой раскат: стреляли канонерские лодки, проверяя, не достанут ли с такого расстояния. С последним светом, пока еще можно было читать флажки, он просигналил: «Прекратить операцию через полчаса».

Он сделал все, чтобы привлечь внимание противника к этой части косы – единственному входу в залив. Теперь, надо думать, гарнизон убежден, что прорыва следует ждать здесь: что на рассвете шлюпки попробуют обойти бон у Пиллау при поддержке больших кораблей со стороны моря. Хорнблауэр сделал, что мог. Теперь следовало спуститься в каюту, лечь и спокойно дожидаться утра. Если, конечно, он сможет дожидаться спокойно.

Разумеется, о таком нечего было и мечтать, когда на кону стояла жизнь ста пятидесяти моряков и его репутация удачливого тактика. Через полчаса Хорнблауэр пожалел, что не пригласил трех младших офицеров играть с ним в вист до зари. Некоторое время он раздумывал, не встать ли и не пригласить их сейчас, но тогда все догадуются, что он пытался уснуть и не смог. Оставалось лишь стоически ворочаться с боку на бок и ждать, пока рассвет избавит от этой пытки.

Когда он вышел на шканцы, жемчужная мгла балтийского утра делала смутные очертания предметов еще более смутными. Все обещало ясный день, умеренный ветер немного заходил. Буш уже встал – Хорнблауэр знал, что тот на палубе, потому что слышал над головой стук деревяшки. Он взглянул на серого от бессонницы Буша и понадеялся, что на его собственном лице следы волнения не столь очевидны. По крайней мере, эта мысль заставила собраться и глубже спрятать свои переживания.

– Надеюсь, сэр, у Викери все будет хорошо, – сказал Буш.

То, что он обратился к коммодору в столь ранний час, несмотря на весь опыт совместной службы, лучше всего выдавало его тревогу.

– О да, – весело ответил Хорнблауэр. – Я уверен, он выберется из любой переделки.

---

²⁰ Перевод В. А. Жуковского.

Он ничуть не кривил душой. Произнося эти слова, Хорнблауэр подумал – в который раз! – что его беспокойство никак не связано с реальными фактами. Он сделал все возможное. Он помнил, как тщательно штудировал карты, как пристально следил за барометром в попытке (теперь уже ясно – вполне успешной) заранее угадать погоду. Заставь его держать пари, он бы поставил на то, что Викери вернется, более того, оценил бы свои шансы на выигрыш как три к одному. И все равно это не разгоняло тревогу. Разогнало ее беспокойство на лице Буша.

– При таком ветре сильных бурунов не будет, сэр, – сказал тот.

– Да, разумеется.

За прошлую ночь Хорнблауэр думал об этом раз пятьдесят, а сейчас постарался сделать вид, что не больше одного. В тающей дымке мало-помалу проступал берег: вдоль бона по-прежнему дежурили канонерские лодки, мимо них запоздалым дозором проходил сторожевой катер.

– Для кечей ветер попутный, сэр, – сказал Буш. – Они должны были уже забрать Викери и сейчас идти назад.

– Да.

Буш вскинул голову, проверяя, на месте ли впередсмотрящие и не задремал ли кто из них ненароком. Маунд должен был забрать Викери и его людей в двенадцати милях отсюда, на Нерунге – длинной песчаной косе, отделяющей Фришский залив от Балтики. Викери предстояло в темноте высадиться на Нерунг, бросить шлюпки, пересечь косу и за час до рассвета встретиться с Маундом. Кечи с их неглубокой осадкой подойдут близко к берегу и на шлюпках перевезут десант. Четыре шлюпки с другой стороны косы забрать не удастся, но они – малая цена за нанесенный врагу ущерб. Хорнблауэр надеялся, что его отвлекающий маневр у Пиллау возымел действие и Викери не встретит сопротивления. А если и встретит – коса тянется на пятнадцать миль, а у Викери полторы сотни моряков: они легко прорвут жидкий кордон дозорных или таможенников.

Однако, если все прошло по плану, кечи должны сейчас показаться. Ближайшие несколько минут решат все.

– Если вчера в заливе была перестрелка, сэр, мы бы при таком направлении ветра все равно не услышали, – сказал Буш. – Они могли напороться на большой военный корабль.

– Могли, – согласился Хорнблауэр.

– Вижу парус! – донеслось с мачты. – Два паруса на левом траверзе! Это бомбардирские кечи, сэр.

Возможно, они возвращаются, так и не сумев забрать Викери, но вряд ли – в таком случае Маунд подождал бы еще какое-то время. Буш широко улыбался, уже не сомневаясь, что все прошло успешно.

– Думаю, капитан, – сказал Хорнблауэр, – вы можете положить руль под ветер и двинуться им навстречу.

Поднять вопросительный сигнал в тот же миг, как с палубы «Гарви» смогут прочесть флажок, не позволяло коммодорское достоинство. Однако «Несравненная» делала добрых пять узлов, вода под ее форштевнем весело бурлила, «Гарви» летел навстречу, и ждать оставалось лишь несколько минут.

– «Гарви» сигналил, сэр, – доложил мичман. Он читал флажки, торопливо сверяясь с кодовой книгой. – «Моряки на борту», сэр.

– Очень хорошо. Сигнальте: «Коммодор – капитану. Вместе с мистером Викери явиться на борт для доклада».

Теперь ждать осталось совсем недолго. Подойдя на расстояние окрика, кечи легли в дрейф, «Гарви» спустил гичку, и она запрыгала по волнам к «Несравненной». Усталый, с серым землистым лицом и багровыми, как рубцы, мешками под глазами, поднялся Викери на борт.

Он благодарно рухнул на стул в коммодорской каюте сразу, как Хорнблауэр пригласил его и Маунда сесть.

– Итак? – сказал Хорнблауэр. – Сначала я выслушаю вас, Викери.

– Все прошло очень хорошо, сэр. – Викери извлек из кармана клочок бумаги, на котором, очевидно, делал заметки. – Ночью пятнадцатого мы без труда обогнули бон. Противника не видели. На рассвете шестнадцатого были напротив устья реки у Кенигсберга. Там захватили... как его... «Фридрих», каботажное судно из Эльбинга, водоизмещение примерно двести тонн, команда семь человек, с грузом риса и живых свиней. Судно сожгли, команду отправили на берег в их шлюпке. Потом настигли... «Блитцер», тоже из Эльбинга, водоизмещение примерно сто тонн, с грузом зерна. Также сожгли. Потом «Шарлотта» из Данцига. Водоизмещение четыреста тонн, корабельная оснастка, двадцать пять человек команды, груз – военное снаряжение: палатки, носилки, подковы, десять тысяч стволов стрелкового оружия. Сожгли. Дальше «Риттергауз», пороховая баржа, примерно семьдесят тонн. Взорвали.

– Думаю, мы видели, – сказал Хорнблауэр. – Это был тендер с «Несравненной».

– Да, сэр. Больше в том конце залива судов не осталось. Мы взяли курс на запад. Атаковали «Вейс Росс» из Кольберга, двести тонн водоизмещение. У немцев были четыре шестифунтовки, и они отстреливались, но Монтгомери взял их на бордаж, и они бросили оружие. У нас двое получили ранения. Мы сожгли «Вейс Росс», потом...

– Сколько всего?

– Один корабль, сэр. Восемь каботажных судов. Двадцать четыре баржи. Все уничтожены.

– Превосходно! – сказал Хорнблауэр. – А дальше?

– К тому времени практически стемнело, сэр. Мы бросили якорь в северной части залива, дождались полуночи и вылезли на косу. Наткнулись на двух солдат, взяли их в плен. Преодолеть косу оказалось довольно легко, сэр. Мы зажгли голубой фонарь и посигналили «Гарви». В два часа нас начали забирать, в три, с первым светом, я был на борту. Перед этим я вернулся и сжег шлюпки, которые мы бросили на берегу.

– Еще лучше.

Противнику за все его потери не достанется даже жалкого утешения в виде четырех корабельных шлюпок. Хорнблауэр повернулся к Маунду.

– Мне нечего особо докладывать, сэр. Там мелко, это правда. Но к месту встречи я прошел без труда. После того как забрали отряд мистера Викери, мы сели на мель, сэр. Видимо, из-за ста лишних человек на борту осадка увеличилась примерно на фут. Но мы благополучно снялись: я велел матросам бегать от борта к борту, чтобы раскатать судно, обстенил все паруса, и мы соскочили.

– Ясно.

Хорнблауэр взглянул на Маунда и внутренне улыбнулся его ленивой вальяжности. Пройти в темноте среди мелей – подвиг воистину эпический. Хорнблауэр мог оценить, какое потребовалось навигационное искусство, но не в традициях флота расписывать пережитые трудности. И менее надежный офицер постарался бы скрыть, что посадил судно на мель. То, что Маунд выложил все напрямик, делает ему честь.

– В рапорте Адмиралтейству я особо отмечу ваши действия, которые нахожу образцовыми, – сказал Хорнблауэр. Он чувствовал, что слова звучат напыщенно и казенно, но, как ни старался, не мог говорить иначе. – Разумеется, мне потребуются ваши рапорты, как только они будут готовы.

– Есть, сэр.

Теперь, став коммодором, Хорнблауэр лучше понимал старших офицеров, говоривших с ним сугубо официальным тоном. Теперь он сам говорил так – то был способ не показать подчиненным, что он за них волновался.

Глава шестнадцатая

Хорнблауэр обедал в одиночестве. Он прислонил раскрытого Гиббона к горшочку с сыром перед собой и блаженно вытянул ноги под столом. Сегодня он, вопреки обыкновению, решил побаловать себя полбутылкой вина, а мясной пирог на столе выглядел чрезвычайно заманчиво. Один из редких дней, когда можно бездумно покачиваться вместе с кораблем, зная, что жизнь прекрасна, еда вкусна, а вино – выше всяких похвал. Хорнблауэр уже запустил ложку в пирог, но тут в дверь постучали, и вошел мичман.

– На ветре показался «Моллюск», сэр, – доложил тот.

– Очень хорошо.

Хорнблауэр переложил кусок пирога с блюда на тарелку и, разламывая его, чтобы остыл, почувствовал нарастающее волнение. «Моллюск» доставит новости – он для того и остался в Санкт-Петербурге. Возможно, Россия уже воюет с Бонапартом. А может, Александр безоговорочно капитулировал. Или Александр убит приближенными, как его отец. Уже не раз бывало, что внешнюю политику России менял дворцовый переворот. Могло приключиться что угодно, однако пирог остывал. Хорнблауэр только понес его ко рту, как в дверь вновь постучал мичман.

– «Моллюск» сигналил: «Имею депеши для коммодора», сэр.

– Сколько до него?

– Он на горизонте с наветренной стороны, виден корпус. Мы идем к нему, сэр.

– Сигнальте: «Коммодор – „Моллюску“. Пришлите депеши, как только будет возможно».

– Есть, сэр.

Ничего удивительного в сообщении нет – удивляться стоило бы, приди «Моллюск» без депеш. Хорнблауэр поймал себя на том, что запихивает пирог в рот большими кусками, – как будто чем быстрее жевать, тем быстрее придут депеши. Он отхлебнул вина, однако и вино, и еда утратили всякий вкус. Вошел Браун и подал сыр; Хорнблауэр проглотил кусок и сказал себе, что хорошо пообедал. По звукам наверху он догадывался, что к борту подошла шлюпка. Довольно скоро в дверь опять постучали, и вошел лорд Уичвуд. Хорнблауэр встал, предложил ему стул, предложил обед, взял объемистый полотняный пакет и распечатал его в получении. Затем, не распечатывая пакет, взглянул на гостя.

– Война, – сказал Уичвуд.

Хорнблауэр удержался и не спросил: «Кого с кем?»

– Александр решился. Вернее, решился Бони. Десять дней назад он перешел Неман с пятнадцатью армейскими корпусами. Без объявления войны, разумеется. Зачем такие учтивости между двумя монархами, которые шельмовали друг друга на всех существующих языках в каждой европейской газете. Войны следовало ждать с тех самых пор, как Александр отправил свой ответ месяц назад – за день до вашего отбытия. Остальное покажет время.

– Кто победит?

Уичвуд пожал плечами:

– Не верю, что Бони потерпит поражение. И говорят, что в Финляндии русская армия, несмотря на реорганизацию, показала себя не ахти. А у Бони на Москву идет полмиллиона солдат.

Полмиллиона солдат. Самая большая армия с тех пор, как Ксеркс переправился через Геллеспонт.

– По крайней мере, – продолжал Уичвуд, – до конца лета он будет занят в России. На следующий год посмотрим, – может, потери окажутся так велики, что французский народ его сбросит.

– Хорошо бы, – сказал Хорнблауэр.

Он взял перочинный нож и распечатал депеши.

Британское посольство

Санкт-Петербург

24 июня 1812 г.

Сэр!

Податель сего, полковник Уичвуд, ознакомит Вас с положением дел в России и состоянием войны, в коем с недавнего времени находятся Его Императорское Величество царь и Бонапарт. Вы, разумеется, предпримете все, что в Ваших силах, дабы оказать помощь новому союзнику. Из источников, которым я имею основание доверять, мне стало известно, что в то время, как основная армия Бонапарта движется на Москву, довольно большое соединение, состоящее из прусских и французских корпусов под командованием маршала Макдональда, герцога Тарентского, общей численностью около шестидесяти тысяч человек, получило приказ наступать в сторону Санкт-Петербурга. Весьма желательно, чтобы это соединение не достигло цели, и я по просьбе российского Генерального штаба привлекаю Ваше внимание к тому, что Ваша эскадра была бы полезна под Ригой, каковой город французской армии необходимо захватить для дальнейшего наступления на Санкт-Петербург. Дозвольте подкрепить совет российского Генерального штаба моим собственным мнением. Убеждаю Вас как можно скорее прийти на помощь Риге, насколько это согласуется с Вашими первоначальными приказами.

Властью, данной мне моими инструкциями, извещаю, что в интересах национальной безопасности считаю необходимым отрядить тендер «Моллюск», находящийся в данное время под Вашим командованием, для скорейшей доставки вестей о начале войны в Англию, и надеюсь, что Вы не будете возражать.

Честь имею, и прочая и прочая,

Каткарт, Его Британского Величества полномочный посланник и чрезвычайный посол при дворе Его Императорского Величества

– Каткарт – дельный малый, – сказал Уичвуд, заметив, что Хорнблауэр кончил читать депешу. – И как военный, и как дипломат стоит двух Мэрри в Стокгольме. Я рад, что Уэлсли отправил его сюда.

Депеша была, безусловно, написана лучше, чем та, что Хорнблауэр получил от Мэрри, и Каткарт не брал на себя смелость предписывать и указывать коммодору.

– Вы отправитесь в Англию на «Моллюске», – сказал Хорнблауэр. – Должен просить вас подождать, пока закончу собственные депешы в Адмиралтейство.

– Естественно, – ответил Уичвуд.

– Это займет лишь несколько минут, – продолжал Хорнблауэр, – а пока компанию вам составит капитан Буш. Без сомнения, для передачи в Англию скопилось уже много писем. И еще я отправлю на «Моллюске» своего секретаря. Бумаги касательно него я поручу вам.

Оставшись один, Хорнблауэр достал из стола перо и чернила. К официальным депешам надо было добавить совсем немного. Он перечел последние слова: «Особенно подчеркиваю храбрость и отменные профессиональные качества капитан-лейтенанта Уильяма Викери и лейтенанта Персиваля Маунда» – и начал следующий абзац: «Пользуюсь отбытием „Моллюска“, дабы переслать Вам это письмо. В соответствии с рекомендациями его превосходительства лорда Каткарта, я вместе с эскадрой немедленно направляюсь к Риге, дабы по возможности оказать содействие русской армии». Он подумал было добавить какой-нибудь стандартный оборот вроде «и надеюсь на одобрение моих действий со стороны Ваших сиятельств», потом решил не засорять депешу бессмысленными словами. Он вновь обмакнул перо и написал просто: «Честь имею оставаться Ваших сиятельств покорным слугой. Горацио Хорнблауэр, капитан и коммодор».

Он запечатал письмо, кликнул Брауна и начал выводить адрес: «Эдварду Непину, эсквайру, секретарю Адмиралтейского совета». К тому времени как с этим было покончено, Браун принес свечу и сургуч. Хорнблауэр запечатал письмо и отложил в сторону, затем взял другой лист и начал писать:

Е. Б. В. корабль «Несравненная», Балтийское море

Моя дорогая жена!

Тендер ждет, пока я закончу корреспонденцию для отправки в Англию, и у меня совсем мало времени, чтобы добавить несколько строк к написанным ранее. Я в отменном здравии, кампания идет успешно. Мне только что сообщили великое известие о вторжении Бонапарта в Россию. Надеюсь, это окажется худшей его ошибкой. Однако впереди затяжная дорогостоящая война, и я едва ли смогу вернуться к тебе, по крайней мере до конца навигации в здешних водах.

Надеюсь, что ты здорова и благополучна и что тяготы лондонского сезона не слишком тебя изнурили. Хочется думать, что свежий смолбриджский воздух вернет румянец твоим щекам, а причуды модисток и портных не нанесут чрезмерного ущерба твоему здоровью и доброму настроению.

Еще надеюсь, что Ричард по-прежнему слушается тебя с должным почтением, а его режущиеся зубки не доставляют тебе лишних неудобств. Как бы мне хотелось, чтобы он был старше и мог написать мне сам, особенно если б в этом письме были новости о тебе! Лишь письмо от тебя самой доставит мне большую радость. Очень надеюсь вскорости получить почту из Англии и буду счастлив узнать, что у тебя все хорошо.

Когда следующий раз увидишь брата, лорда Уэлсли, передай ему мое почтение. Тебе же остается вся моя любовь.

Твой любящий муж,

Горацио

Уичвуд забрал у Хорнблауэра письма и на столе Буша пером Буша расписался в их получении. Затем протянул руку.

– До свидания, сэр, – сказал он, немного замялся и наконец выпалил: – Бог весть чем обернется эта война. Думаю, русские проиграют. Но вы сделали более, чем кто-либо, чтобы она началась. Вы целиком исполнили свой долг, сэр.

– Спасибо, – ответил Хорнблауэр.

На душе у него скребли кошки. Со шканцев «Несравненной», которая сейчас приспустила флаг, прощаясь с «Моллюском», Хорнблауэр смотрел вслед уходящему тендеру, пока тот не скрылся из глаз. Буш тем временем положил руль под ветер, и «Несравненная» устремилась к Риге и ждущим там неведомым приключениям. Хорнблауэр прекрасно понимал, что с ним происходит: он тоскует по дому. Письма в Англию, как всегда, всколыхнули душу, а последние слова Уичвуда странным образом еще усугубили дело. Они напомнили о непомерном грузе ответственности. Судьбы мира и будущее его страны зависят от того, как он станет действовать. Если российская авантюра закончится крахом и поражением, вину постараются свалить на него. Коммодора объявят недалевидным глупцом. Хорнблауэр поймал себя на том, что завидует Брауну, у которого впереди суд и, возможно, казнь. Он с нежностью вспоминал мелкие смолбриджские заботы; мысль, что тогда его самой тяжелой обязанностью было принять депутацию селян, вызвала улыбку. Он думал о чуткости Барбары, о счастье внезапного открытия, что Ричард его любит и радуется его обществу. Здесь, в Балтике, приходилось довольствоваться нерассуждающей преданностью Буша и непрочным восхищением подчиненных.

Хорнблауэр вспомнил, как пела его душа, когда пришло письмо из Адмиралтейства, и то, с каким легким сердцем он оставил сына, вспомнил – отрицать было бесполезно – чувство

освобождения при разлуке с женой. Перспектива полностью распоряжаться собой, не сообразуясь с желаниями Барбары или с тем, что у Ричарда режутся зубы, казалась тогда в высшей степени привлекательной. А теперь он мысленно сетует на бремя ответственности, в то время как ответственность – неизбежная цена независимости; нельзя быть свободным и ни за что не отвечать.

Все это было очень умно и логично, однако не отменяло того факта, что его тянет домой. Он так живо вообразил касание Барбарыной руки, что, вернувшись в реальность, почувствовал жгучее разочарование. Ему хотелось держать на коленях Ричарда и смешить того до икоты, щипая за нос. И вовсе не хотелось рисковать жизнью, свободой и добрым именем в совместной операции с непредсказуемыми русскими на глухих задворках Европы, в какой-то Риге. И все же интерес всколыхнулся сам собой, без всякого сознательного усилия – он решил, что надо спуститься в каюту и перечесть лоции. И на карту Рижского залива тоже невредно будет взглянуть.

Глава семнадцатая

Северное лето пришло, как всегда, стремительно. На прошлой неделе у Пиллау в воздухе еще отчетливо чувствовалась зима, а сегодня, когда на горизонте показалась Рига, было уже настоящее лето. Такая жара сделала бы честь экваториальной тропической полосе, но в отличие от тропического зноя она дарила бодрость и жажду действий. Солнце сияло в безоблачном небе, хотя горизонт и скрадывала легкая дымка. С юго-запада дул слабый двухузловый ветер; даже поставив все паруса до бом-брамселей и лиселей, «Несравненная» еле-еле сохраняла скорость, необходимую для управления рулем. Остальные поспевали, как могли: «Лотос» был на горизонте за правой раковиной, «Ворон» – сразу за «Несравненной», два бомбардирских кеча тащились далеко позади – при таком ветре даже тяжелый линейный корабль был куда ходче.

Вокруг текла мирная корабельная жизнь. На баке матросы под надзором парусного мастера чинили грот. На шкафуте другие матросы таскали взад-вперед «медведя» – нагруженный песком мат из кокосового волокна, отчищающий доски лучше, чем пемза. На шканцах штурман проводил урок навигации, мичманы и подштурманы стояли перед ним полукругом, держа в руках секстаны. Хорнблауэр прошел довольно близко и услышал, как один мичман, совсем еще мальчик, высоким детским голосом отвечает на заданный вопрос:

– Параллакс объекта измеряется в градусах дуги вертикальной окружности, заключенной между линией, проведенной из центра Земли, и линией... линией... линией...

Мичман внезапно понял, что его слышит грозный коммодор. Мальчишеский голос дрогнул и стих. До сих пор он шпарил по «Судовождению» Нори слово в слово. Это был Джерард, племянник второго лейтенанта с «Сатерленда», – Буш взял его на корабль ради дядюшки, все еще томящегося во французской тюрьме. Штурман сдвинул брови.

– Продолжайте, мистер Джерард, – сказал он.

Хорнблауэр явственно представил, как юному Джерарду, согнутому над пушкой, боцманской тростью внушают необходимость знать «Судовождение» назубок. Он с торопливой жалостью вмешался.

– ... между линией, проведенной из центра Земли, – сказал он через плечо Джерарда, – и линией, проведенной через глаз наблюдателя к центру объекта. Правильно, мистер Туд?

– Совершенно правильно, сэр, – ответил штурман.

– Думаю, мистер Джерард все так и помнил. Верно, юноша?

– Д-да, сэр.

– Я так и полагал. Мне было столько же, сколько вам, когда я учил это определение.

Хорнблауэр возобновил прогулку, надеясь, что спас тощий зад Джерарда от боцманской трости. Вахтенный мичман схватил грифельную доску и мелок – это означало, что какой-то

из кораблей эскадры поднял сигнальные флажки. Через две минуты тот же мичман с доской в руках отковырял Хорнблауэру:

– «„Лотос“ – коммодору. Земля по пеленгу зюйд».

Это должен быть мыс Питрагс на входе в Рижский залив.

– Ответьте: «Лечь в дрейф и ждать коммодора», – ответил Хорнблауэр.

Если бы не дымка, с мачты сейчас увидели бы на севере остров Эйзель²¹. Милях в семидесяти дальше, в глубине залива, лежит Рига, которую, вероятно, сейчас штурмуют французские войска. При такой пародии на ветер эскадра доберется туда не раньше чем через два дня. Тот факт, что они вновь входят в российские воды, никак не всколыхнул тихую гладь корабельной жизни. Все шло своим чередом, но Хорнблауэр внезапно подумал, что многие из входящих сейчас в Рижский залив уже из него не выйдут. А может, не выйдет никто. Солнце все так же пекло, небо голубело по-прежнему, но его внезапно пробила холодная дрожь предчувствия, от которого трудно было отделаться. Он сам... странно думать, что его могут похоронить в далекой России.

Кто-то – русские, финны или шведы – надежно разместили буями фарватер, вьющийся меж предательских мелей Финского залива. Ветер слегка усилился и сменил направление: даже притом что ночью эскадре пришлось встать на якорь, весь залив удалось пройти к вечеру следующего дня. В полдень взяли лоцмана, бородача, одетого, несмотря на палящую жару, в бушлат и моряцкие сапоги. Он оказался англичанином по фамилии Каркер, живущим в Лифляндии уже четверть века. Когда Хорнблауэр принялся бомбардировать его вопросами о ходе войны, Каркер только заморгал, как сыч. Да, в окрестностях Риги видели французские и прусские кавалерийские разьезды. Говорят, что сейчас идут тяжелые бои под Смоленском, и все ожидают, что Бонапарта разобьют там. Рига вроде бы готовится к осаде – по крайней мере, вчера в городе висели прокламации с призывами стоять до конца, да и солдат на улице много, – однако никто не верит, что французы решат ударить по Риге.

В конце концов Хорнблауэр с досадой прекратил расспросы. Обычное дело: гражданские не знают, что происходит, и не могут оценить опасность. Лифляндия, перевидавшая в прошлом столько сражений, уже давно не видела неприятеля и позабыла, что такое захватчики. Хорнблауэр не имел намерения подниматься с эскадрой по Западной Двине (ну и названия у русских!), если остается шанс, что их отрежут с тыла. Он внимательно изучил в подзорную трубу низкие зеленые берега, которые наконец-то стали видны с палубы. Почти точно за кормой садилось в пылающие облака багровое солнце, однако до темноты оставалось еще часа два, и «Несравненная» уверенно двигалась к Риге. Подошел Буш и отдал честь:

– Простите, сэр, вы ничего не слышали? Вроде бы канонада?

Хорнблауэр прислушался.

– Да, черт побери, – сказал он.

С далекого берега долетал едва различимый рокот.

– Лягушатники успели раньше нас, сэр.

– Приготовьтесь отдать якорь, – сказал Хорнблауэр.

«Несравненная» со скоростью три-четыре узла медленно скользила к берегу; вода за ее бортом была серовато-желтой от речного ила. Устье Западной Двины лежало всего в миле-двух по курсу. Сейчас, после весенних дождей и таяния снега, на ней должен быть паводок. По буям, отмечающим мель в средней части фарватера, Хорнблауэр точно определил, где находится: «Несравненная» подходит на расстояние выстрела к этим плоским зеленым берегам. По правому борту виднелась церковь: она как будто стояла в желтой воде, и отблеск заката на куполе с крестом бил в глаз даже с такого расстояния. Это, должно быть, деревушка Даугав-

---

²¹ Эйзель – современный Сааремаа.

грива на левом берегу; если французы ее захватили и поставили на берегу тяжелую артиллерию, то войти в реку будет трудно, а то и невозможно.

– Капитан Буш, – сказал Хорнблауэр, – я буду признателен, если вы бросите якорь.

Канат заскрежетал в клюзе, матросы, взбежав на реи, убрали паруса, и «Несравненная» развернулась по ветру. Остальная эскадра привелась к ветру и приготовилась бросить якорь как раз в ту минуту, когда Хорнблауэр подумал, что немного поторопился. Он с горечью осознал, что не успеет до ночи связаться с берегом.

– Прикажите спустить мой катер, – приказал он. – Капитан Буш, я перехожу на «Гарви». Вам поручается командовать эскадрой в мое отсутствие.

Маунд ждал его у низкого фальшборта «Гарви». Хорнблауэр перелез на палубу.

– Мистер Маунд, обросопьте паруса по ветру. Мы пойдем вон к той церкви. Поставьте на руслень надежного лотового.

Бомбардирский кеч со взятым на кат якорем заскользил по спокойной воде. На пятидесяти семи градусах северной широты, за несколько дней до летнего солнцестояния, солнце недалеко уходит за горизонт, так что ночь оставалась светлой.

– Луна взойдет через час, сэр, – сказал Маунд. – Она в третьей четверти.

Вечер был чудесный, бодрящий и свежий. Кеч скользил по серебристой воде, чуть слышно журчащей под водорезом. Хорнблауэр подумал, что для полного ощущения прогулки на яхте не достает лишь гитары и нескольких красивых дам. Что-то на берегу остановило его взгляд; Хорнблауэр поднес к глазу подзорную трубу – одновременно с Маундом, заметившим то же самое.

– Огни на берегу, – сказал Маунд.

– Походные костры, – ответил Хорнблауэр.

Он видел походные костры раньше – костры войска Эль-Супремо в Центральной Америке, костры наземного десанта под Росасом. Неровные ряды огней красновато мерцали в ночных сумерках. Повея подзорной трубой, он обнаружил другое скопление огней дальше по берегу. Два бивуака разделяла темная полоса. Хорнблауэр указал на нее Маунду.

– Ничейная земля между двумя армиями, – сказал он. – Видимо, русские удерживают деревню на левом берегу реки.

– А не могут это все быть французские костры, сэр? – спросил Маунд. – Или только русские?

– Нет, – ответил Хорнблауэр. – Солдаты не станут разбивать бивуак, если могут встать на постой в деревне. Не будь противника, солдаты спали бы в избах и амбарах.

Наступила длинная пауза, пока Маунд переваривал услышанное.

– Две сажени, сэр, – сказал он наконец. – Если позволите, сэр, я хотел бы привести к ветру.

– Очень хорошо. Держитесь так близко к берегу, как сочтете возможным.

Полдюжины матросов споро выбрали грота-шкот, и «Гарви» заскользил вполветра. Над берегом встала круглая красная луна, на ее фоне силуэтом чернел купол. Впередсмотрящий на носу закричал:

– Вижу лодку слева по курсу! Идет на веслах!

– Захватите ее, мистер Маунд, если получится, – сказал Хорнблауэр.

– Есть, сэр. Два румба вправо! Гичку к спуску! Команде гички приготовиться!

Они уже видели впереди смутные очертания лодки и даже различали всплески воды под веслами. Хорнблауэру подумалось, что гребцы не слишком умелы, а тот, кто командует лодкой, не слишком сообразителен. Чтобы не попасть в плен, надо было тут же свернуть к мелям, он же пытается на веслах уйти от парусного судна – задача безнадежная даже при таком слабом ветре. Лодка повернула к берегу лишь через несколько минут – за это время расстояние между преследователем и жертвой уже заметно сократилось.

– Руль под ветер! – гаркнул Маунд. – Спустить гичку!

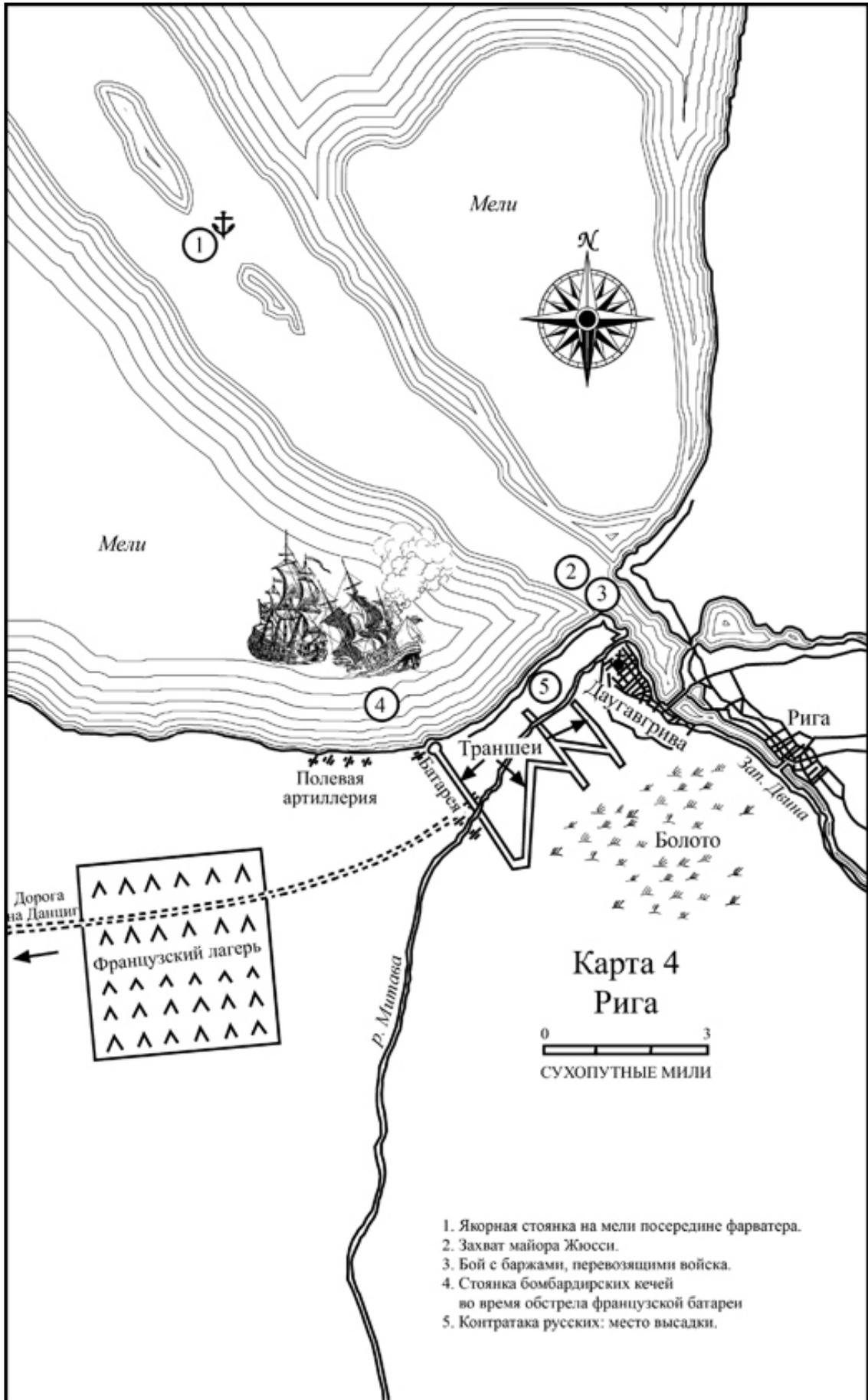
«Гарви» привелся к ветру, гася скорость, гичку спустили, команда запрыгнула в нее.

– Мне нужны пленные! – крикнул Хорнблауэр.

– Есть, сэр! – отозвался голос с гички.

Опытные гребцы изо всех сил налегли на весла: к тому времени как обе лодки растаяли в сумерках, гичка почти нагнала жертву. Затем Хорнблауэр увидел оранжево-алые пистолетные вспышки, а через мгновение до слуха донеслись звуки выстрелов.

– Надеюсь, это не русские, сэр, – сказал Маунд.

Хорнблауэру тоже пришла в голову эта мысль, и он нервничал, однако ответил с притворной бодростью:

– Русские не стали бы убегать. Они не ждут французов в море.

Вскоре из темноты медленно выплыли две лодки.

– Взяли всех! – раздалось в ответ на оклик Маунда.

На палубу «Гарви» вытолкнули пятерых пленных. Один стонал от боли – у него была прострелена рука. Кто-то принес фонарь, и Хорнблауэр с трудом сдержал вздох облегчения, увидев на груди одного из пленников звезду Почетного легиона.

– Я хотел бы знать имя и звание мсье, – учтиво произнес он по-французски.

– *Jussey, chef de bataillon du corps de Génie des armées de l'Empereur*²².

Майор инженерных войск; очень неплохой улов. Хорнблауэр поклонился и представился, придумывая на ходу, как вытянуть из майора побольше сведений.

– Премного сожалею, что вынужден удерживать господина майора в плену, – сказал он, – особенно в начале такой многообещающей кампании. Однако, возможно, в скором времени мне удастся заключить картель об обмене пленными. Полагаю, во французской армии у господина майора есть друзья, которым он желал бы сообщить о своих нынешних обстоятельствах? Я сделал бы это при первой же парламентерской встрече.

– Маршал герцог Тарентский будет рад узнать, что со мной, – ответил Жюсси, немного приободряясь. – Я состою при его штабе.

Маршал герцог Тарентский – это Макдональд, сын шотландца, бежавшего во Францию после мятежа младшего претендента, командующий прусско-французским корпусом. Коли так, не исключено, что Жюсси – главный инженер. Улов оказался лучше, чем Хорнблауэр смел надеяться.

– Нам исключительно повезло захватить вас в плен, – продолжал Хорнблауэр. – У вас не было оснований подозревать, что в заливе есть британская эскадра.

– Да, мы получили прямо противоположные сведения. Эти лифляндцы...

Значит, французский штаб получает сведения от лифляндских предателей. Хорнблауэр мог бы догадаться и сам, однако всегда лучше знать наверняка.

– Ненадежны, как все русские, – сочувственно произнес он. – Полагаю, ваш император практически не встречает сопротивления?

– Смоленск наш, император идет на Москву. Наша задача – взять Санкт-Петербург.

– Но не станет ли Двина серьезной преградой?

Жюсси пожал плечами:

– Не думаю. Переправимся через устье, и русские побегут, как только их фланг окажется под ударом.

Так вот чем занимался Жюсси: проводил рекогносцировку, ища, где высадить войско на русской стороне реки.

– Смелый шаг, мсье, в славных традициях французской армии. У вас ведь хватит транспортных судов для перевозки войск?

– Несколько десятков барж. Мы захватили их в Митаве до того, как русские успели их уничтожить.

Жюсси осекся, внезапно поняв, сколько уже выболтал.

– Русские не умеют воевать, – произнес Хорнблауэр тоном полнейшего согласия. – Быстрая атака с вашей стороны, пока они не успели подготовиться, безусловно, самый разумный шаг. А теперь, с вашего позволения, я хотел бы вернуться к своим обязанностям.

Он видел, что сейчас из Жюсси ничего больше не вытянуть. Однако тот сообщил хотя бы, что французы захватили баржи, которые русские забыли или не смогли уничтожить, и

---

²² Жюсси, майор инженерных войск армии императора (*фр.*).

намереваются форсировать устье. И есть надежда, что он притворным равнодушием усыпил бдительность Жюсси, так что потом его удастся разговорить вновь. Жюсси отвесил поклон, и Хорнблауэр повернулся к Маунду.

– Мы возвращаемся к эскадре, – сказал он.

Маунд приказал положить «Гарви» в бейдевинд на правом галсе. Французы торопливо пригнулись, когда большой грота-гик повернулся у них над головой; матросы, бегущие к шкоту, натыкались на пленных. Покуда Хорнблауэр разговаривал с Жюсси, двое из них разрежали раненому рукав и перевязали руку. Теперь все они сидели на корточках в шпигате, чтобы не попадаться под ноги, а «Гарви» тихонько скользил к стоящей на якорю «Несравненной».

Глава восемнадцатая

– Суши весла! – скомандовал Браун. – Крюк!

Баковый гребец втащил весло в шлюпку и схватил лодочный крюк. Браун тем временем подвел катер к пристани; стремительное течение Двины закручивалось у борта водоворотами. С набережной любопытствующие смотрели, как Хорнблауэр взбегаёт по каменным ступеням, сверкая на солнце звездой, эполетами и шпагой. За складами вдоль реки смутно различались большая площадь, каменные средневековые дома и острые шпили, однако сейчас некогда было разглядывать Ригу. Как всегда, британского коммодора встречал почетный караул с офицером во главе, а рядом высилась дородная фигура военного губернатора Риги, генерала Эссена²³.

– Добро пожаловать в город, сэр, – сказал Эссен. Он был балтийский немец, потомок рыцарей-меченосцев, захвативших Лифляндию в языческие времена, и по-французски говорил с тем лающим произношением, какое этот язык приобретает в устах эльзасцев.

Рядом стояла открытая коляска, две горячие лошади били копытами землю. Губернатор пропустил Хорнблауэра вперед, а сам залез следом.

– Ехать совсем недолго, – сказал он, – зато народ сможет на нас посмотреть.

Коляска запрыгала по булыжной мостовой; Хорнблауэру пришлось дважды поправлять съехавшую на бок треуголку, однако он старался сидеть прямо, как будто не замечает тряски. Люди на узких улочках с любопытством разглядывали седоков. Хорошо, что жители осажденного города увидят британского коммодора в парадном мундире. Это будет для них знаком, что Рига в этот трудный час – не одна.

– Дворянское собрание, – пояснил Эссен, когда кучер остановил лошадей перед красивым старинным зданием, вход в которое охраняли несколько часовых.

Внутри ждал прием: офицеры в мундирах, несколько штатских в черном, много женщин в бальных нарядах. Некоторых офицеров Хорнблауэр уже видел на утреннем совещании. Эссен начал представлять самых важных из тех, кого там не было.

– Его превосходительство генерал-суперинтендант Лифляндии, – сказал Эссен, – и графиня...

– Я уже имел удовольствие встречаться с графиней, – перебил Хорнблауэр.

– Коммодор был моим партнером за обедом в Петергофе.

Графиня все так же сияла красотой и живостью, хотя сейчас, стоя под руку с мужем, смотрела, быть может, не столь чувственно. Она присела с вежливым безразличием. Ее супруг был высок, худ и немолод, с обвислыми усами и часто подносил к близоруким глазам лорнет. Хорнблауэр поклонился, стараясь держаться так, будто в этой встрече нет ничего необычного, хотя на самом деле испытывал глупую неловкость. Однако сухопарый генерал-суперинтендант глядел даже с большим безразличием, чем его жена: другим явно льстило знакомство с британ-

---

²³ Иван Николаевич Эссен (Магнус Густав; 1759–1813) – русский генерал-лейтенант, участвовал в русско-шведской войне 1788–1790 гг., а также в польских кампаниях 1792 и 1794 гг. В 1812-м – военный губернатор Риги.

ским флотским офицером, он же всем видом показывал, что для представителя царя и всегда императорских дворцов этот провинциальный прием скучен, а почетный гость – персона малозначительная.

Хорнблауэр уже знал, как проходят русские торжественные обеды: закуски подают в качестве пролога перед основной трапезой. Он вновь попробовал водку с икрой, и приятное сочетание вкусов подняло волну воспоминаний. Хорнблауэр не удержался и глянул в сторону графини: та беседовала с несколькими важными офицерами. На миг их глаза встретились – всего на миг, но Хорнблауэр понял, что она вспоминает о том же самом. Голова у него немного закружилась, и он дал себе слово пить сегодня как можно меньше. Затем торопливо заговорил с губернатором.

– Как прекрасно подходят друг к другу икра и водка! – сказал он. – Они достойны занять место среди других сочетаний, открытых пионерами гастрономического искусства. Яичница и ветчина, куропатки и бургундское, шпинат и... и...

Он замялся, вспоминая, как будет по-французски «копченый окорок», и губернатор подсказал. Поросячьи глазки на мясистом красном лице зажглись живым интересом.

– Так вы гурман, сэр? – спросил он.

Остаток времени до обеда Хорнблауэру не составило труда поддерживать беседу: ему не впервой было говорить о еде с ценителем. Пришлось немного напрячь фантазию, расписывая экзотическую кухню Вест-Индии и Центральной Америки; по счастью, в последние полгода он вместе с женой вращался в богатых лондонских кругах и ел за многими прославленными столами, в том числе и на приеме у лорд-мэра, так что мог строить свои вымыслы на прочном европейском основании. Губернатор, как выяснилось, в военных походах не упускал случая знакомиться с кухней разных стран. Он ел в Вене и в Праге во время Аустерлицкой кампании, пил смоляное вино на Ионических островах; он экстатически закатил глаза, вспоминая фрутти ди маре в Ливорно, где был с войском Суворова. Баварское пиво, шведский шнапс, данцигский голдвассер – его превосходительство пил их все. Он ел вестфальский окорок, итальянские бекафико и турецкий рахат-лукум. Он замороженно слушал, как Хорнблауэр рассказывает о жареной летучей рыбе и тринидадской перечной похлебке. Наконец позвали обедать, и губернатор с большим огорчением прервал разговор, чтобы занять место во главе стола. Однако и там он постоянно обращал внимание Хорнблауэра на то или иное блюдо, подавшись вперед и говоря через двух дам и суперинтенданта Лифляндии, а после обеда попросил извинений за то, что они вынуждены встать из-за стола так скоро. Коньяк, к превеликому огорчению Эссена, пришлось допивать залпом: надо было ехать в балет, куда они опаздывали уже на час.

Эссен тяжело поднялся ко входу в театр, звеня шпорами и считая ступени длинными ножнами. Два капельдинера шли впереди, показывая дорогу, за Эссеном и Хорнблауэром следовали другие избранные: графиня с мужем и еще два сановника с женами. Капельдинеры распахнули дверь в ложу, и Хорнблауэр остановился, пропуская дам.

– Коммодор первый, – объявил Эссен.

Хорнблауэр вошел. Театр был ярко освещен, галерка и партер переполнены. Британского коммодора встретили громом рукоплесканий, от которого тот оглох и остолбенел. По счастью, инстинкт подсказал, что следует поклониться, сперва в одну сторону, потом в другую, – как будто он актер, подумал Хорнблауэр про себя. Затем кто-то сзади придвинул ему стул, и Хорнблауэр сел. Остальные уселись вокруг него, капельдинеры в зале принялись гасить лампы, оркестр заиграл увертюру. Занавес поднялся, явив нарисованный на заднике лес, и балет начался.

– Бойкое создание эта мадам Николя, – раздался в ухе пронзительный шепот губернатора. – Скажите, если она вам по вкусу, – я пришлю ее вам после спектакля.

– Благодарю вас, – шепнул Хорнблауэр в ответ, чувствуя нелепое смущение.

Графиня сидела по другую руку от него, и он ощущал ее тепло, что еще больше усиливало замешательство.

Музыка гремела, в золотистом свете рамп балет переливался и тек, порхали юбки, мелькали ножки. Неправильно будет сказать, что музыка на Хорнблауэра не действовала. Если приходилось слушать достаточно долго, монотонное биение ритма что-то в нем пробуждало, хотя для уха пресловутая мелодичность оставалась китайской водяной пыткой. Первые пять минут вгоняли его в тупое оцепенение, через пятнадцать – он чувствовал неодолимое желание ерзать, час был одной нескончаемой мукой. Он стоически сохранял недвижную позу, а про себя думал, что охотно променял бы театральную ложу на шканцы военного корабля в самом жарком и безнадежном бою. Он силился поставить заслон на пути назойливых звуков, обратиться в зрение и следить, как мадам Николя в чем-то воздушно-белом кружится по сцене и как танцовщицы кордебалета, уперев в подбородок палец и поддерживая локоть другой рукой, на цыпочках выбегают из-за кулис. Бесполезно: его страдания росли с каждой минутой.

Близость графини тоже волновала. Хорнблауэр знал, телепатически, о чем она думает. Из всей мировой литературы, от «Искусства любви» до «Опасных связей», он усвоил, в теории, как музыка и зрелище воздействует на женский мозг, и в нынешнем состоянии ненавидел графиню так же страстно, как и музыку. За весь первый акт, терпя ради долга адские муки, он шевельнулся лишь раз – когда отодвинул свою ногу подальше от графининой. Все подсказывало ему, что скоро она захочет его коснуться – притом что ее сухопарый муж с лорнетом сидит прямо за ними. Антракт стал лишь короткой передышкой: музыка умолкла, в ложу через раскрытую дверь хлынул яркий свет, и Хорнблауэр, моргая, поднялся наконец с кресла. Он раскланялся с какими-то еще чиновниками, явившимися засвидетельствовать ему почтение, однако почти сразу пришлось сесть обратно, оркестр возобновил свое одуряющее пиликанье, занавес подняли, и начался второй акт.

И тут к музыке добавился новый звук. Хорнблауэр не мог бы точно сказать, когда впервые его услышал: возможно, в попытке наглухо заградить слух он пропустил начало перестрелки. Вынырнув из кошмара, он почувствовал в воздухе общее напряжение. Грохот тяжелой артиллерии слышался вполне отчетливо; казалось, само здание театра легонько содрогается. Хорнблауэр, не поворачивая головы, украдкой покосился на губернатора, однако Эссен с прежним вниманием следил за пируэтами мадам Николя. И все же не слышать канонады он не мог. Где-то далеко били пушки – много больших пушек, и били они часто. Первым делом Хорнблауэр подумал про свои корабли, но он знал, что они в безопасности и, если ветер за время спектакля не изменился, Буш сможет увести их от берега, даже если Ригу возьмут штурмом этой же ночью.

Публика брала пример с губернатора: тот невозмутимо смотрел балет, и все остальные храбро сделали вид, будто не слышат никаких посторонних звуков. Однако все в ложе внутренне напряглись, когда звон шпор и быстрые шаги по каменным плитам коридора возвестили о появлении ординарца. Тот нагнулся к Эсену и что-то быстро зашептал. Губернатор выслушал и лишь через минуту после того, как ординарец вышел, наклонился к Хорнблауэру.

– Французы штурмуют Даугавриву, – объяснил он. – Им ее не взять.

Речь шла о деревне на левом берегу Двины, в треугольнике, образованном рекою и морем. Для осаждающей армии, которой нужно отрезать город от помощи с моря, это была первая и очевидная цель. Деревня стояла почти на острове: с одного фланга ее защищал Рижский залив, с тыла – река в милю шириной, с другого фланга подходам мешали болота и оборонительные валы, на строительство которых согнали окрестных крестьян. Французы, естественно, начали с атаки открытой силой, поскольку успех избавил бы их от недель утомительной подготовки, а они пока не знали, сумели ли русские укрепить деревню. С начала наступления Макдональд впервые встретил серьезный отпор – основные русские силы защищали дорогу на Москву и подступы к Смоленску. Сегодня утром Хорнблауэр осматривал укрепления перед

Даугавгривой и убедился в их надежности, да и русские гренадеры в деревне выглядели браво. По всему выходило, что иначе как систематической осадой это место не взять. И все же он завидовал спокойствию Эссена.

С другой стороны, все, что можно сделать, уже сделано. Если деревня падет, значит она падет, а город ничего не потеряет, кроме одного из внешних укреплений. Если атака будет отбита, перейти в контрнаступление все равно не удастся: у Макдональда шестьдесят тысяч человек, у русских – от силы одиннадцать тысяч с половиной. Да, Макдональд должен был начать с атаки на Даугавгриву. Интересно, каким будет его следующий шаг в случае неудачи? Он может попытаться форсировать реку выше города, но для этого войску надо пройти по болотистому бездорожью, да и лодок там не сыщешь. А может на захваченных в Митаве баржах переправиться в устье, оставив Даугавгриву в тылу, и поставить русских перед выбором: атаковать французов на подступах к городу, отступить к Санкт-Петербургу или оказаться в полной осаде. Трудно угадать, что выберет Макдональд. Одно известно точно: он отправил Жюсси на рекогносцировку в устье реки и, хотя глава инженерного корпуса не вернулся, едва ли откажется от столь заманчивого способа продолжить наступление на Санкт-Петербург.

Хорнблауэр отвлекся от раздумий и, к своей радости, обнаружил, что пропустил заметную часть балета. Неизвестно, сколько он был погружен в свои мысли, но, видимо, долго. Пальба уже стихла: либо атака отбита, либо французы захватили деревню.

Тут дверь снова отворилась, и другой ординарец что-то зашептал Эссену.

– Атака отбита, – сказал тот Хорнблауэру. – Яковлев докладывает, что его люди почти не пострадали, а вся местность перед деревней усеяна мертвыми французами и немцами.

Ничего удивительного: при неудачной атаке потери всегда огромны. Макдональд рискнул, поставив на кон несколько тысяч жизней, и проиграл. И все же такой отпор не обескуражит, а только разозлит французскую армию. В любую минуту можно ждать новых атак.

Приятно было обнаружить, что Хорнблауэр, сам того не заметив, высидел целый акт. Через распахнутую дверь в ложу вновь проникал свет. Еще один антракт, еще одна возможность встать и размять ноги. Даже пустая светская болтовня на французском, окрашенном акцентами половины Европы, доставила некоторое удовольствие. К концу антракта он вполне смирился с необходимостью сесть и вытерпеть еще акт; но лишь только занавес начал подниматься, Эссен ткнул его в бок, встал и направился к выходу из ложи.

– Теперь можно поехать и посмотреть, – сказал губернатор, когда Хорнблауэр притворил за собой дверь. – Негоже было бы встать и уйти с началом пальбы. А так никто не заметит, что мы ушли.

У входа в театр ждал гусарский отряд, два конюха держали под уздцы двух оседланных лошадей, и Хорнблауэр понял, что придется ехать верхом в парадном мундире. В прежние дни это опечалило бы его гораздо сильнее, сейчас же он с удовольствием вспомнил, что у него в каюте двенадцать пар запасных шелковых чулок. Эссен залез на лошадь, Хорнблауэр последовал его примеру, и они, сопровождаемые эскортом, двинулись через залитую лунным светом площадь. Подковы звонко стучали по булыжной мостовой. Два поворота, некрутой спуск – и отряд выехал к понтонному мосту через Двину. Теперь подковы застучали глуше. За мостом дорога шла по высокой насыпи вдоль воды, по другую сторону поблескивали пруды и каналы, а между ними горели бесчисленные походные костры. Здесь Эссен остановился и велел офицеру с половиной эскорта выехать вперед.

– Не хочу, чтобы меня обстреляли свои же, – объяснил он. – Часовые на взводе, а въезжать в деревню после только что отбитой атаки опасней, чем штурмовать батарею.

Хорнблауэр выслушал эти слова, не вникая в смысл, – его мысли были поглощены другим. Он всегда был плохим наездником, а шпага, лента со звездой и треуголка еще добавляли трудностей. Он неизящно трясся в седле, обливаясь потом в ночной прохладе и судорожно поправляя то одно, то другое всякий раз, как отваживался оторвать руку от поводьев. По дороге

отряд несколько раз окликали, однако мрачные пророчества Эссена не сбылись – ни один слабонервный часовой в них не выстрелил. Наконец в ответ на очередной оклик остановились в таком месте, с которого был виден купол даугавгривской церкви, черный на фоне бледного неба. Как только стих стук копыт, Хорнблауэр различил еще один звук: протяжный вой, в котором по временам прорывались дикие крики – целый хор стонов и воплей. Часовой пропустил их, отряд въехал в деревню, и стало ясно, откуда стоны: по левую руку тянулось освещенное факелами поле, где сейчас врачи занимались ранеными. Хорнблауэр мельком увидел бьющееся на столе белое тело и склоненных над ним врачей – в отблесках факелов они выглядели служителями инквизиции. По всему полю корчились и стонали раненые. А ведь это была обычная мелкая стычка – всего несколько сотен раненых с той и с другой стороны.

Они спешили перед церковью, и Эссен, ответив на салют бородастого гренадера у двери, вошел. Свечи создавали в темноте зыбкий островок света, за столом перед шипящим самоваром сидели несколько офицеров. При появлении губернатора они встали, и Эссен представил: – Генерал Дибич²⁴, полковник фон Клаузевиц²⁵. Коммодор сэр Горнбловер.

Дибич – поляк, Клаузевиц – прусский перебежчик, о котором Хорнблауэр слышал раньше, военный-интеллектуал, решивший, что истинный патриотизм требует воевать с Бонапартом вне зависимости от того, на какой стороне формально воюет Пруссия.

Они отрапортовали на французском: враг попытался с восходом луны овладеть деревней, был отброшен и отступил с большими потерями. Есть пленные: некоторых взяли на хуторе, отрезанном русской контратакой, других – из разных подразделений – в стычках по периметру деревни.

– Их уже допросили, сэр, – добавил Дибич. У Хорнблауэра возникло чувство, что пленным, которых допрашивает генерал Дибич, не позавидуешь.

– Они сообщили ценные сведения, сэр, – сказал Клаузевиц, доставая листок бумаги.

Каждого пленного спрашивали, из какого он батальона, сколько там людей, сколько батальонов в полку, каковы его бригада, дивизия и корпус. По этим сведениям Клаузевиц смог восстановить всю структуру французской части армии и довольно точно прикинуть ее численность.

– Численность прусской части мы уже знаем, – сказал Эссен. Наступила неловкая пауза, когда все избегали смотреть на Клаузевица, – сведения были получены от него.

– Через полчаса рассветет, – вмешался Дибич с неожиданным при его внешности тактом. – Не желаете ли подняться на колокольню и взглянуть своими глазами?

К тому времени как они поднялись по узкой лестнице на открытую галерею, небо уже заметно посветлело. Перед ними как на ладони лежала плоская болотистая местность, кое-где поблескивали пруды и канавы, речка Митава вилась через деревню у подножия церкви и впадала в Двину у самого устья. Можно было различить четкие линии брустверов и засек, поставленных русскими на левом берегу Двины, а дальше – редкие укрепления французов. Над землей плыл дым от тысячи бивачных костров.

– Полагаю, сударь, – почтительно сказал Клаузевиц, – если противник решит вести регулярную осаду, то он начнет здесь. Первая параллель пройдет там, за сосняком, сапу будут рыть вперед, к деревне, батарею поставят на перешейке, вон там. Через три недели они подведут батарею к гласису и начнут штурм.

– Возможно, – ответил Эссен.

Хорнблауэру не верилось, что наполеоновский корпус в шестьдесят тысяч человек на пути к Санкт-Петербургу станет тратить три недели на осаду, не предприняв решительную

²⁴ Иван Иванович Дибич (при рождении Иоганн Карл Фридрих Антон фон Дибич, впоследствии – граф Дибич-Забалканский; 1785–1831) – российский генерал-фельдмаршал, уроженец Пруссии.

²⁵ Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц (1780–1831) – прусский офицер на российской и прусской службе, прославленный теоретик военной науки.

попытку вроде вчерашней ночной. Он попросил у одного из штабных офицеров подозрную трубу и принялся разглядывать лабиринт протоков и болот впереди, затем обошел купол по галерее и направил трубу на Ригу с ее шпилями за рекой. Далеко, там, где река впадала в залив, различались мачты его эскадры. Крохотные суденышки, столь маленькие в сравнении со своим нынешним окружением, столь важные для истории мира.

Глава девятнадцатая

Тревога застала Хорнблауэра на «Несравненной». Еще во сне – а может быть, в краткие пробуждения, о которых он сам не помнил, – его подсознание отметило все перемены погоды. Во всяком случае, проснувшись окончательно, он уже смутно знал, что ветер за ночь поменял направление, развернув «Несравненную» на якоре, а по палубе несколько раз принимался стучать дождь. Совершенно точно проснулся он от крика вахтенного на палубе и услышал торопливые шаги мичмана, бегущего по трапу с вестями. К тому времени как мичман замолотил в дверь, сна уже не было ни в одном глазу.

– Ракета с «Ворона», сэр!

– Очень хорошо, – ответил Хорнблауэр, спуская ноги с койки.

Браун, образцовый слуга, был уже в каюте – бог весть как он так быстро проведал, что происходит, – и вешал на палубный бимс зажженный фонарь. Он подал мундир и штаны, Хорнблауэр торопливо натянул их на ночную рубашку. Взяв шапку, он столкнулся с другой спешащей фигурой.

– Дьявол тебя разорви! – рявкнула фигура голосом Буша. В следующий миг тот узнал коммодора. – Простите, сэр.

По всему кораблю заливались дудки, поднимая спящих матросов, главная палуба гудела от топота босых ног. Монтгомери, вахтенный офицер, стоял у правого борта.

– «Ворон» пустил ракету, сэр, две минуты назад. Пеленг зюйд-тень-вест.

– Ветер вест-тень-норд, – сообщил Буш, вглядываясь в слабо освещенный нактоуз.

Западный ветер и темная ненастная ночь – все, что нужно Макдональду, чтобы переправиться через устье. У него двадцать больших речных барж, в которые уместятся пять тысяч солдат и несколько пушек. Если он сумеет перевезти их на правый берег Двины, то диспозиция изменится в его пользу. С другой стороны, если он потеряет пять тысяч солдат – если они будут убиты, утонут или попадут в плен, – такой удар надолго его задержит и русские получат передышку. Укрепленные позиции в конечном счете только для этого и нужны – выгадать время. Хорнблауэр всей душой надеялся, что Коул, до того как пустить ракету, дал французам хорошенько засунуть голову в петлю.

– Пушечный огонь под ветром, сэр! – крикнули с мачты.

С палубы в темноте можно было различить лишь огненную точку далеко на западе, потом вторую.

– Слишком далеко к западу, – сказал Хорнблауэр Бушу.

– Боюсь, что так, сэр.

Там, где стреляют, стоит на якоре «Ворон» – выбор определила его маленькая осадка. Викери на «Лотосе» стережет другой берег, а «Несравненная» вынужденно остается в фарватере. Все шлюпки эскадры на веслах обходят дозором устье: тендер с трехфунтовой пушкой может считаться равным по силам речной барже, даже если у нее на борту триста солдат. Однако, судя по тому, откуда стреляют, тревогу подняли слишком рано. На западе снова блеснула вспышка; выстрела они не слышали, поскольку ветер относил звуки в другую сторону.

– Спустите мой катер, – приказал Хорнблауэр, не в силах больше терпеть неопределенность.

Шлюпка отвалила от «Несравненной», и гребцы налегли на весла, преодолевая встречный ветер. Браун в темноте рядом с Хорнблауэром чувствовал его тревожное беспокойство.

– Навались, сукины дети! – крикнул он гребцам.

Шлюпка прыгала на волнах, Браун стоял на корме, держа румпель.

– Опять пушка, сэр, – доложил он. – Прямо по курсу.

– Очень хорошо.

Последовали томительные пятнадцать минут, покуда шлюпку мотало на крутых коротких волнах, а матросы гребли как проклятые. Плеск воды за бортом и скрип весел в уключинах монотонно сопровождали стремительным мыслям Хорнблауэра.

– Теперь много пушек стреляет, сэр, – доложил Браун.

– Я их вижу, – сказал Хорнблауэр.

Вспышка за вспышкой разрывали темноту; ясно было, что шлюпки сгрудились вокруг одной жертвы и бьют без передышки.

– Вижу «Ворон», сэр. Править к нему?

– Нет, правь туда, где стреляют.

Впереди смутно вырисовывался силуэт шлюпа; Браун повернул руль так, чтобы пройти от него в кабельтове. Катер был на траверзе «Ворона», когда борт озарила вспышка, раздался грохот и над головой у Хорнблауэра пролетело ядро.

– Черт! – воскликнул Браун. – Они там что, ослепли?

Видимо, с «Ворона» окликнули проходящую шлюпку, и Коул, не получив ответа (ветер отнес оклик в другую сторону), распорядился открыть огонь. Довольно близко пролетело еще ядро, и кто-то в катере взвыл от досады. Безобразие, когда по тебе стреляют свои!

– Поверни к «Ворону», – приказал Хорнблауэр. – Зажги синий фальшфейер.

В любое мгновение шлюп мог дать бортовой залп и разнести катер в щепки. Хорнблауэр взял румпель. Браун, вполголоса чертыхаясь, сражался с кремнем, огнивом и трупом. Один из гребцов начал было торопить его под руку.

– Заткнись, болван! – рявкнул Хорнблауэр.

Все шло наперекосяк, и каждый в шлюпке это понимал. Браун подпалил трут, прижал к нему фитиль фальшфейера и раздул искру в огонек. Через мгновение катер и воду вокруг озарил призрачный голубой свет. Хорнблауэр встал, чтобы с «Ворона» видели его лицо и мундир. Мстительная мысль о том, что чувствуют сейчас на шлюпе, хоть немного, да утешала. В холодной ярости он перелез через корабельный борт. Встречал его, разумеется, сам Коул.

– Да, мистер Коул?

– Простите, что обстрелял вас, сэр, но вы не ответили на мой оклик.

– Вам не пришло в голову, что при таком ветре я не могу вас услышать?

– Пришло, сэр. Но мы знаем, что французы вышли в море. Шлюпки стреляли по ним час назад, а половина моей команды в шлюпках. Что, если бы меня взяли на abordage триста французских солдат? Я не мог рисковать, сэр.

Бесполезно спорить с человеком, который боится собственной тени.

– Вы пустили ракету?

– Да, сэр. Я должен был подать сигнал, что баржи в море.

– Вы пустили ее, как только их заметили?

– Да, сэр. Конечно, сэр.

– Вы не подумали, что французов она тоже всполошит?

– Я думал, вы этого и хотите, сэр.

Хорнблауэр с презрением отвернулся. Коул от страха забывал все приказы.

– С наветра приближается шлюпка, сэр, – доложил кто-то; его белая рубаха смутно различалась в предрассветных сумерках.

Коул взволнованно бросился на бак. Когда Хорнблауэр его нагнал, тот стоял у недгедсов, глядяваясь в шлюпку.

– Эй, на шлюпке! – крикнул Коул в рупор.

– Есть! – донеслось по ветру.

Правильный ответ с шлюпки, в которой находится офицер. Это был тендер под люгерным парусом. На глазах у Хорнблауэра парус нерасторопно убрали, и шлюпка на веслах двинулась к «Ворону». Поравнявшись с носом шлюпа, тендер все так же неукложе повернул к борту.

– Солдаты! – заорал Коул, взволнованно указывая пальцем на шлюпку. – У пушек стоять! Эй, не приближайтесь!

Хорнблауэр видел кивера и перекрещенные ранцевые ремни – надо думать, именно такие кошмары и преследовали всю ночь Коула. Из-за борта донесся спокойный английский голос:

– Отставить! Это тендер «Лотоса» с пленными.

Говорил определенно Первис. Хорнблауэр прошел на шкафут и глянул вниз. На корме сидел Первис, на веслах – британские матросы в клетчатых рубашках, но все остальное место занимали солдаты – испуганные и угрюмые. На носу тендера стояли четверо морских пехотинцев с ружьями на изготовку, чтобы пленным не вздумалось бунтовать.

– Отправляйте их на корабль, – распорядился Хорнблауэр.

Пленные перелезали через борт на палубу, где их встречали ухмыляющиеся матросы, и озирались по сторонам. Первис тоже перемахнул через борт и откозырял Хорнблауэру.

– Они вроде все немцы, сэр, не французы. Мы сняли их с баржи. Пришлось по ней долго стрелять – мы разнесли ее в куски, мы и другие шлюпки. Они идут за нами, сэр, с остальными пленными.

– Вы захватил всего одну баржу?

– Да, сэр. Остальные повернули назад, как только с «Ворона» пустили ракету. Но у нас сотни две пленных, да и убили мы никак не меньше сотни.

Захвачена одна-единственная баржа с двумя сотнями солдат, в то время как Хорнблауэр рассчитывал по меньшей мере на десяток барж и три тысячи пленных. А Первис по простоте душевной гордится своей добычей.

– Вот один из их офицеров, сэр.

Через борт устало перебирался офицер в голубом мундире.

– Кто вы, сэр? – спросил Хорнблауэр по-французски.

Тот на мгновение опешил, потом с запинкой ответил на том же языке:

– Лейтенант фон Бюлов, Пятьдесят второй пехотный полк.

– Французская пехота?

– Короля Пруссии, – твердо ответил офицер с лающим тевтонским призывом в слове «Пруссия»; он явно оскорбился, что его приняли за француза.

Итак, Макдональд не стал отправлять французов в столь опасное предприятие. Этого и следовало ожидать: последние десять лет Бонапарт воюет все больше за счет союзников.

– Я распоряжусь, чтобы вас покормили, – сказал Хорнблауэр. – Прикажите своим солдатам, чтобы они сели вот там, у борта.

Удивительно, как при первом «ахтунг!» мокрые измученные солдаты вытянулись по струнке. Судя по виду, многие из них долго пробыли в воде, прежде чем сдаться. Хорнблауэр приказал, чтобы их покормили. Тем временем подходили еще шлюпки, и каждая выгружала свою порцию пленных. Двести пленных на тесной палубе «Ворона» являли собой занятное зрелище. Коул приказал развернуть и направить на них две погонные каронады. Обе были заряжены картечью, у каждой стоял канонир с зажженным фитилем. Матросы, по-прежнему ухмыляясь, ходили между рядами пленных, раздавая пиво и сухари.

– Гляньте, как они едят, сэр! – воскликнул Первис. – Вон тот – накинулся на сухарь, словно волк на кость. Черт побери, уже сжевал! Верно говорят, сэр, что Бони не кормит своих людей.

Французская армия обходится тем, что реквизирует в занятых деревнях. Шестидесятысячное войско Макдональда уже две недели стоит под Ригой, в малонаселенном краю. Вероятно, оно уже на голодном пайке. Каждый лишний день осады приносит огромные потери в живой силе, и, хотя Бонапарта потери не останавливают, может прийти день, когда у него не останется солдат – даже пруссаков, даже итальянцев. Тем обиднее, что не уничтожена вся дивизия. Хорнблауэр винил в провале себя: нельзя было поручать ничего ответственного истеричной старухе Коулу. Надо было самому перебраться на «Ворон». С другой стороны, правый берег, который он поручил Викери, не менее важен, и «Несравненной» следовало находиться посередине, чтобы координировать действия флангов. Допустим, он поменял бы Коула и Викери местами. Викери, конечно, не захлопнул бы мышеловку слишком рано, но вот сумел бы Коул удержать ее закрытой? Если бы правый берег Двины стерег Коул, там сейчас могли бы находиться пять тысяч пруссаков. Хорнблауэр горько жалел, что не знал точно, когда Макдональд отправит баржи. С таким же успехом он мог жалеть, что не в силах достать луну с неба.

– Мистер Коул, – сказал Хорнблауэр. – Сигнальте «Несравненной»: «Коммодор – капитану. Следую в Ригу с пленными». Затем шлюпки можно отправить к их кораблям, а вас я попрошу любезно поднять якорь.

Глава двадцатая

Хорнблауэр вновь стоял на галерее, опоясывающей купол даугавгравской церкви.

– Вот то, о чем я вам говорил, сэр, – произнес Клаузевиц, указывая вперед.

За русскими укреплениями тянулась длинная бурая линия – траншея, вырытая французами за ночь. Макдональд – деятельный полководец: он приказал копать ее тогда же, когда отправил пруссаков на правый берег Двины. Тот план провалился, зато здесь достигнут значительный успех. Под покровом ненастной ночи французы значительно приблизились к русским позициям.

– Это первая параллель, сэр, в ее средней части возводится батарея. А вон там... видите, сэр?... начали копать сапу.

Хорнблауэр взгляделся через подзорную трубу. На ближнем краю первой параллели он различил нечто, похожее на стену из связанных в пуки жердин. Русские пушки внизу били как раз в это место: там то и дело взлетала выбитая ядрами земля. Стена завершалась какой-то странной конструкцией вроде щита на колесах. На глазах у Хорнблауэра щит резко сдвинулся, так что между ним и стеной образовался узкий зазор, в котором на миг мелькнули фигуры в синих мундирах. Миг – и зазор закрыли новым пуком. Над ним замелькали лопаты: очевидно, пук внутри полый, вроде корзины, и теперь укрытые за ним люди засыпают его землей. Хорнблауэр понял, что видит классический метод подступа к позициям неприятеля с помощью туров и фашин. Большая цилиндрическая корзина – тур. Дальше, под прикрытием уже наполненных туров, французы одевают бруствер фашинами – шестифутовыми связками хвороста, – а еще дальше засыпают все вместе землей изо рва. Пока Хорнблауэр смотрел, щит сдвинулся еще на ярд, и в зазор встал новый тур: осаждающие на три фута приблизились к земляным укреплениям Даугавгравы. Нет, не совсем на ярд, меньше: сапу вели не прямо, а под углом, чтобы она не простреливалась анфиладным огнем. Вскоре она поменяет направление: неприятель будет продвигаться зигзагом, безжалостно и неотвратимо. Из всех военных операций научная осада – самая предсказуемая, если только помощь не придет извне.

– Смотрите, сэр! – внезапно сказал Клаузевиц.

За бруствером показалась длинная цепочка лошадей. С такого расстояния они походили на муравьев, но в ярком солнечном свете отчетливо различались белые штаны погонщиков. Лошади тащили пушку – судя по тому, что размером она была примерно с лошадь, большую. Пушка ползла к батарее в центре первой параллели, рядом с ней суетились мириады белых пятнышек-солдат. Высокий бруствер скрывал движение пушки от русских канониров и защищал ее от огня. Хорнблауэр знал, что, когда все пушки будут на месте, в бруствере сделают амбразуры и орудия начнут бить по деревне, подавляя огонь противника, тем временем сапу расширят до траншеи, «второй параллели», а от нее, если потребуется, проведут третью, из которой атакующие устремятся в пробитую артиллерией брешь.

– Батарее закончат к завтрашнему дню, – сказал Клаузевиц. – И гляньте – вон поставили еще тур.

Научная осада в своей неотвратимости подобна приближению змеи к парализованной птице.

– Почему ваши пушки их не остановят? – спросил Хорнблауэр.

– Как видите, они пытаются. Однако с такого расстояния нелегко попасть в одиночный тур, а уязвим только последний. К тому времени как сапа приблизится настолько, что целить станет легко, их батарея уже подавит наш огонь.

За бруствером ползла следующая пушка; первую уже устанавливали на позиции.

– А вы не можете подвести сюда корабли, сэр? – спросил Клаузевиц. – Вон там вода подходит практически к траншее. Вы своими пушками сравняли бы ее с землей.

Хорнблауэр мотнул головой: он сам подумал о том же и уже отбросил эту мысль. Глубина здесь меньше сажени, а даже бомбардирским кечам с их малой осадкой нужны девять футов под килем. Или хотя бы семь, если освободить их от всех припасов.

– Я бы это сделал, если б мог, – сказал Хорнблауэр, – но сейчас не вижу способов подвести свои пушки на расстояние выстрела.

Клаузевиц глянул на него холодно. Да, приязнь между союзниками хрупка. Утром британцы и русские были лучшими друзьями, Эссен и Клаузевиц ликовали, что Макдональду не удалось переправиться через реку. Подобно нерассуждающим младшим офицерам эскадры, они восприняли уничтожение половины прусского батальона как значительную победу, не ведая, что Хорнблауэр думал уничтожить дивизию, а Коул своей паникой сорвал эти планы. Пока все идет хорошо, между союзниками царят любовь и согласие; но едва военная удача им изменит, каждый начинает винить другого. Сейчас, когда французские апроши приближаются к Даугавгриве, он спрашивает Клаузевица, отчего их не остановят русские пушки, а Клаузевиц его – отчего бездействуют британские корабли.

Хорнблауэр начал подробно объяснять, почему тут нельзя подойти к берегу, но Клаузевиц явно счел его слова отговоркой, и Эссен, когда при расставании разговор повторился, тоже. Хорошо же британский флот доказывает, что для него нет преград! На корабль Хорнблауэр вернулся злой и раздраженный. Он ничего не сказал Бушу, вышедшему его встречать. Каюта выглядела унылой и неуютной, да еще, как назло, Буш именно сегодня объявил день стирки и починки одежды. По всей палубе звучали болтовня и смех, и Хорнблауэр знал, что даже на шканцах не сможет сосредоточиться. Целую минуту его подмывало потребовать от Буша, чтобы тот отменил приказ и занял матросов какой-нибудь тихой работой. Все бы поняли, что коммодор хочет тишины, и прониклись сознанием его значимости. Однако он прекрасно знал, что не лишит матросов законного отдыха и уж тем более – последняя мысль была особенно отвратительна – не станет раздувать свою значимость в глазах команды.

Вместо этого он вышел на кормовую галерею и, пригибаясь, чтобы не удариться головой, заходил по ней взад-вперед: двенадцать футов туда, двенадцать обратно. И впрямь обидно, что нет способа обстрелять французские апроши из корабельных пушек. Тяжелые орудия с близкого расстояния разметали бы французский бруствер. А за валом, из-за которого вывозили

пушки, – французский обоз. Несколько бомб хватит, чтобы разметать и его. Если бы только удалось провести кечи в залив, забросить бомбы за вал не составило бы труда. Однако преобладающие глубины в заливе – три-четыре фута, глубже семи дно не опускается нигде. Лучше позабыть про эту затею. Чтобы отвлечься, Хорнблауэр шагнул через перила на смежную галерею и заглянул через окно в каюту к Бушу. Тот спал, лежа на спине. Рот его был открыт, руки раскинуты по бокам, деревяшка висела в стропке на переборке. Хорнблауэр ощутил легкую досаду от того, что капитан мирно спит, в то время как его коммодора осаждают тягостные заботы. Он охотно послал бы за Бушем, чтобы того подняли, но знал, что и этого тоже не делает. Он не умел злоупотреблять властью, даже когда хотелось.

Хорнблауэр шагнул обратно на свою половину галереи, и в этот миг, под тихое поскрипывание рулевых петель, ему пришла мысль. Он так и замер с одной ногой на весу. Потом все-таки усилием воли поставил ее на палубу, вошел в каюту и кликнул вестового.

– Мои приветствия вахтенному офицеру, и попросите его просигналить, чтобы мистер Маунд с «Гарви» явился ко мне немедленно.

Маунд вошел в каюту, молодой, исполненный ожиданий и в то же время прячущий свой пыл за деланой беззаботностью. Пока они обменивались приветствиями, Хорнблауэра осенило: Маунд копирует его манеру. Вот откуда эта нарочитая неспешность! Более чистосердечной лести нельзя было вообразить – она означала, что молодой лейтенант считает его чуть ли не героем, да что там, настоящим героем, которому стоит подражать. Мысль эта заставила Хорнблауэра сухо улыбнуться, пока он предлагал Маунду сесть, и сразу забылась, едва они перешли к делу.

– Мистер Маунд, вы знаете, как продвигаются французские осадные работы?

– Нет, сэр.

– Тогда давайте посмотрим карты. Вот тут у них прорыты траншеи, здесь стоят пушки. Основной фланг и обоз – вот за этим валом. Если бы мы могли провести кечи в залив, мы бы разбомбили и то и другое.

– Мели, сэр, – с сожалением произнес Маунд.

– Да, – ответил Хорнблауэр. Он не смог отказать себе в удовольствии выдержать эффектную паузу, перед тем как произнести ключевое слово. – Но осадку можно уменьшить камелями.

– Камелями! – воскликнул Маунд, переваривая услышанное. В следующий миг лицо его осветилось. – Клянусь Богом, сэр, вы правы!

Камели – средство уменьшить осадку корабля: наполненные балластом суда прочно принайтавливают к обоим бортам, а затем разгружают, так что они, всплывая, поднимают и сам корабль. Маунд уже продумывал детали.

– В Риге есть баржи и лихтеры, сэр. Нам их дадут, можно не сомневаться. Для балласта возьмем песок, его тут много, или зальем воду, а потом откачаем помпами. С двумя большими лихтерами я могу уменьшить осадку «Гарви» на пять футов – да хоть совсем оторвать его от воды. У лихтеров грузоподъемность – двести тонн, а осадка у порожних – меньше двух футов.

Пока Маунд говорил, Хорнблауэру вспомнилось затруднение, о котором он поначалу не подумал.

– А как вы будете держать курс? «Гарви» станет неуправляем.

– Поставлю дополнительную планку на задней кромке руля, сэр, – тут же ответил Маунд. – Если сделать ее достаточно большой, она повернет что угодно.

– «Дайте мне рычаг, и я переверну землю», – процитировал Хорнблауэр.

– В точности так, сэр. А в лихтерах выпилю отверстия для весел. Ветром сносить будет не больше, чем плот. Если прикажете, сэр, могу приступить немедленно.

Маунд говорил с жаром десятилетнего мальчишки, от его напускного спокойствия не осталось и следа.

– Я отправлю записку губернатору, – сказал Хорнблауэр. – Попрошу четыре лихтера. Даже шесть, на всякий случай. Даю вам час на составление планов. Можете брать матросов и материалы с «Несравненной» и шлюпов.

– Есть, сэр.

Надо было спешить, потому что в тот же вечер залив огласили выстрелы – не угрожающее рычание полевой артиллерии, которое они слышали раньше, но низкий рев осадных пушек: неприятель на пробу открыл огонь из установленных в траншее тяжелых орудий. На следующее утро, как раз когда Хорнблауэр вышел на шканцы, с берега донесся как будто раскат грома: первый неприятельский залп. Его эхо еще не стихло, как грянул другой, менее стройный, за ним третий, еще более разноголосый, и наконец воздух наполнился беспрестанным грохотом, от которого ухо тщетно ждало передышки. Впередсмотрящий с мачты докладывал, что от вражеской батареи по ветру плывет длинный шлейф дыма.

– Спустите мой катер, – приказал Хорнблауэр.

К «Несравненной» уже были пришвартованы чуть ли не все шлюпки эскадры, нагруженные припасами с кечей. В искристом свете зари катер запрыгал по волнам туда, где стояли на якоре кечи, каждый с двумя лихтерами по бокам. Дункан, капитан «Мотылька», обходил три сцепленных судна на ялике. Поравнявшись с катером, он откозырял Хорнблауэру:

– Доброе утро, сэр, – и тут же, возвращаясь к делу, поднял рупор. – Чересчур высоко нос! Подберите носовой канат еще на пал!

Хорнблауэр велел подвести катер к «Гарви» и, не беспокоя офицеров и команду официальными приветствиями, вспрыгнул на лихтер – практически шагнул, поскольку судно было тяжело нагружено балластом. Маунд стоял на крохотных шканцах, ногой проверяя натяжение каната, обмотанного вокруг кеча и лихтеров, по два витка на каждом, на носу и на корме. Канат пришлось позаимствовать на «Несравненной».

– Левая, продолжай! – заорал он.

На каждом лихтере стояли матросы с лопатами, по большей части сколоченными на скорую руку из чего попало. Как только Маунд отдал приказ, с левого лихтера начали выбрасывать песок за борт. Пыльные облака поплыли к корме. Маунд вновь проверил натяжение каната.

– Правая, продолжай! – крикнул он, затем, увидев подходящего коммодора, отсалютовал.

– Доброе утро, мистер Маунд, – сказал Хорнблауэр.

– Доброе утро, сэр. Как видите, балласт приходится выбрасывать постепенно. Я так облегчил нашу старушку, что она опрокинется, только дай.

– Ясно, мистер Маунд.

– Русские очень быстро прислали лихтеры, сэр.

– Ничуть не удивлен, – ответил Хорнблауэр. – Слышите, как бьет французская батарея?

Маунд прислушался и, очевидно, впервые различил канонаду. Он так погрузился в работу, что до сих пор не замечал грохота пушек. По серому небритому лицу было ясно, что он не отдыхал с тех пор, как вчера днем Хорнблауэр изложил ему свой план. За это время с обоих кечей сняли припасы и доставили на них канаты. В темноте подошли лихтеры, и суда соединили по трое. Натяжение канатов обеспечивал шпиль.

– Извините, сэр, – сказал Маунд и побежал на бак проверить второй канат.

По мере того как сто пар рук выкидывали за борт балласт, лихтеры всплывали, поднимаемая кеч, канаты скрипели, и надо было следить, чтобы они постоянно оставались натянутыми. Хорнблауэр повернулся к корме глянуть, чем занята там еще одна команда матросов. За борт скинули большую, наполненную водой бочку. К ней были привязаны два троса. Они тянулись к обоим раковинам и дальше от киповых планок к импровизированным лебедкам на палубе. Травя или выбирая тросы, можно было регулировать положение бочки: когда кеч будет на

ходу, она станет работать как мощный рычаг. Ей предстояло заменить руль, который уже значительно поднялся над водой.

– Такая вот самоделка, сэр, – сказал вернувшийся с бака Маунд. – Я, как говорил вам, сэр, собирался увеличить заднюю кромку руля. Идею с бочкой предложил Уилсон – я хотел бы особо его отметить, сэр. Убежден, такой руль будет гораздо действенней.

Уилсон, подняв глаза от работы, улыбнулся щербатым ртом.

– Ваше звание? – спросил Хорнблауэр.

– Помощник плотника, сэр.

– Лучший, какого я знал, сэр, – вмешался Маунд.

– Где служили?

– Сперва на старине «Великолепном» два плавания, сэр, потом одно на «Аретузе», теперь здесь.

– Я назначу вас исполняющим обязанности плотника, – сказал Хорнблауэр.

– Благодарствую, сэр, благодарствую.

Маунд легко мог приписать всю заслугу себе. То, что он так не поступил, делает ему честь. Быстро вознаграждать за хорошую работу полезно и для дисциплины, и для боевого духа команды.

– Очень хорошо, мистер Маунд. Продолжайте.

Хорнблауэр вернулся на катер и велел грести к «Мотыльку». Здесь работа продвинулась дальше: песка выбросили столько, что теперь матросам приходилось кидать его через борт на высоте своего плеча. Над водой уже показалась медная обшивка подводной части «Мотылька».

– Следите за дифферентом, мистер Дункан, – сказал Хорнблауэр. – Судно немного наклонилось влево.

– Есть, сэр.

Пришлось довольно долго травить и выбирать канаты, прежде чем «Мотылек» вновь встал на ровный киль.

– Когда закончим, осадка будет меньше двух футов, сэр! – с жаром сообщил Дункан.

– Превосходно, – ответил Хорнблауэр.

Дункан отправил на лихтеры еще матросов, чтобы те перекидывали песок от внутреннего борта к внешнему, облегчая работу тем, кто выбрасывал его за борт.

– Еще два часа – и мы выбросим весь балласт, сэр. Потом останется только выпилить порты для весел.

Он глянул на солнце, еще невысоко поднявшееся над горизонтом, и добавил:

– Будем готовы за полчаса до полудня, сэр.

– Отправьте плотников вырезать порты сейчас, – сказал Хорнблауэр, – а остальные пусть пока отдохнут и позавтракают. А после они смогут кидать песок в порты, и дело пойдет быстрее.

– Есть, сэр.

Теперь Хорнблауэр скорее готов был поверить, что работу закончат к одиннадцати тридцати. Впрочем, даже если она займет на два часа больше, светлого времени, чтоб нанести удар, будет еще вдоволь. Покуда в бортах вырезали порты для весел, он вызвал Дункана и Маунда к себе для последних указаний.

– Я буду с сигнальщиками в церкви, – закончил Хорнблауэр, – и прослежу, чтобы они действовали четко. Ну что ж, удачи.

– Спасибо, сэр! – в один голос ответили они. За радостным возбуждением их усталость была почти незаметна.

Хорнблауэр велел спустить катер и грести к деревне, где узенький дощатый причал избавил его и сигнальщиков от необходимости брести к берегу по мелкой воде. Дибич и Клаузевиц встретили их у пристани и повели к церкви. Проходя мимо земляного вала, опоясывающего

деревню со стороны суши, Хорнблауэр поднял глаза и увидел, как русские солдаты – борода-тые, голые по пояс из-за жары – заряжают пушки. Офицер переходил от орудия к орудию, наводя каждое на цель.

– В нашей артиллерии мало хороших канониров, – сказал Клаузевиц.

Деревня уже заметно пострадала от обстрела: в ветхих домишках зияли провалы. Когда отряд подходил к церкви, срикошетившее ядро ударило в ее стену, выбив сноп осколков, и осталось в кладке, как слива в пироге. Через мгновение Хорнблауэр обернулся на непонятный звук и увидел, что два мичмана ошалело смотрят на безголовое тело матроса, который мгновение назад шел следом за ними. Ядро, перелетевшее через бруствер, разорвало голову на мельчайшие частицы и бросило тело вперед. Сомерс в ужасе уставился на кровь и мозги, забрызгавшие его белые штаны.

– Идем, – сказал Хорнблауэр.

С галереи вокруг купола осадные работы были как на ладони. Диагональная траншея уже протянулась на половину расстояния до деревни. Русские пушки били по ее ближнему концу, так что летящая земля практически скрывала его из глаз. Однако центральный редут, защищающий вход в деревню, был в плачевном состоянии: от парапета остались только кучи земли, рядом с разбитым лафетом лежала полузасыпанная пушка, хотя вторая все так же упорно отвечала на огонь неприятеля. Все французские укрепления окутывала тонкая пелена дыма от центральной батареи, но даже сквозь него можно было разглядеть пехотную колонну, марширующую от дальнего конца траншеи.

– Солдаты в траншее сменяются в полдень, – пояснил Клаузевиц. – Где же ваши суда, сэръ?

– Вот и они, – ответил Хорнблауэр.

По серебристой воде ползли фантастического вида конструкции: кечи под убранными парусами, по бокам от них – уродливые громады лихтеров. Длинные неуклюжие весла, по двенадцать с каждого борта, походили на ноги водомерки, но двигались гораздо медленнее – каждый взмах давался тяжелым усилием гребцов.

– Сомерс! Джерард! – крикнул Хорнблауэр. – Что там у вас? Принайтевьте блоки вот сюда, на карниз! Давайте поскорей, время не ждет.

Мичманы и матросы принялись оснащать на галерее сигнальную станцию. Блоки принайтевовили к карнизу, через них пропустили фалы. Русские с интересом наблюдали за приготовлениями. Тем временем бомбардирские кечи медленно ползли на веслах; Хорнблауэру с галереи было хорошо видно, как их сносит ветром. Противник не обращал на странные суденышки никакого внимания: солдаты Бонапарта, покорившие всю Европу от Мадрида до Смоленска, практически не имели случая встретиться с бомбардирскими кечами. Батарея без передышки била по укреплениям, русские яростно отстреливались из-за полуразрушенных валов.

«Гарви» и «Мотылек» подползли совсем близко к берегу: Хорнблауэр в подзорную трубу различил суесящиеся на баке крошечные фигурки и понял, что они бросают якорь. Весла судорожно дергались то с одного борта, то с другого, кечи разворачивались, словно насаженные на булавку жуки. Хорнблауэр наблюдал за ними с колотящимся сердцем. Он мог вообразить, как Дункан и Маунд на шканцах отдают приказы гребцам. Кечи занимали позицию, чтобы бросить второй якорь с кормы, – тогда, травя и подтягивая якорные канаты, можно будет бомбардировать берег в пределах большой дуги. Клаузевиц и штабные офицеры в недоумении наблюдали за непонятными маневрами. Кечи бросили кормовые якоря, и крошечные фигурки навалились на шпиль; суденышки еле заметно дернулись сперва в одну сторону, потом в другую: капитаны разворачивали их по ориентирам на берегу.

– На «Гарви» подняли сигнал готовности, – сказал Хорнблауэр, глядя в подзорную трубу.

Блок над головой пронзительно закрипел, фал с подтверждающим сигналом пошел вверх. В следующий миг «Гарви» выбросил огромный клуб дыма. С такого расстояния Хорнблауэр не мог видеть летящего снаряда и нервно ждал, обводя подзорной трубой все простран-

ство вблизи батареи, чтобы наверняка не пропустить взрыва. Однако там не происходило ровным счетом ничего. Нехотя он велел Сомерсу поднять черный шар, означавший, что они не видели, где взорвалась бомба. «Гарви» выстрелил снова. На сей раз небольшой вулкан земли и обломков взметнулся сразу за батареей.

– Перелет, сэр, – сказал Сомерс.

– Да. Сигнальте «Гарви».

К этому времени Дункан тоже поднял сигнал готовности. Следующая бомба с «Гарви» поразила самый центр батареи, и сразу же туда попала первая бомба с «Мотылька». Без промедления оба кеча начали систематически бомбардировать батарею. Бомбы падали одна за другой, так что не было мгновения, когда над французской траншеей не стоял бы фонтан из земли и дыма. Она была прямоугольная, без переломов или разделительных стенок, и теперь, когда бомбы падали сверху, там не оставалось укрытия. Первые минуты французы еще поддерживали огонь, затем бросились бежать. Внутренность траншеи походила на разворошенный муравейник. Одна из тринадцатидюймовых бомб угодила в парапет; когда дым рассеялся, виден стал огромный пролом в бруствере и за ним – сброшенная с лафета пушка. Она беспомощно застыла жерлом вверх – радостное зрелище для защитников деревни. И это было только начало. Брешь в парапете возникала одна за другой, вся траншея была изрыта бомбами. Один взрыв оказался заметно сильнее остальных: Хорнблауэр предположил, что взлетел на воздух расходный пороховой погреб – небольшой запас пороха, который держат на батарее и постоянно пополняют из основного погреба в тылу. Русские в деревне воодушевились, и теперь все орудия из-за полуразрушенного вала били по французской траншее. Одно из ядер ударило в торчашую стоймя пушку и сбило ее на землю.

– Сигнальте: «Прекратить огонь», – распорядился Хорнблауэр.

Тринадцатидюймовые бомбы в Балтике достать нелегко, так что глупо тратить их на цель, которая надолго выведена из строя. А тем временем, как он и ожидал, французы начали готовить контрудар. На дальний склон въехала полевая батарея: шесть пушек, крошечных на таком расстоянии, мотались и подпрыгивали на передках. Лето еще не просушило местность, и орудия, по ось в раскисшей грязи, продвигались медленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.